

Звезды
НОВОЙ
фэнтези

ДЖИМ БАТЧЕР

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

ГРЯЗНАЯ ИГРА
ПРАВИЛА ЧАРОДЕЙСТВА

Изоощренные сюжеты со стремительным драйвом, боевыми столкновениями, взрывами и полноценной магией.

Library Journal

Джим Батчер
Архивы Дрездена: Грязная
игра. Правила чародейства
Серия «Звезды новой фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69995452

*Архивы Дрездена: Грязная игра. Правила чародейства: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-389-24473-3*

Аннотация

Его зовут Гарри Блэкстоун Копперфилд Дрезден. Можете колдовать с этим именем – за последствия он не отвечает. Когда дела принимают странный оборот, когда то, чему положено хорониться во мраке, выползает на свет, когда никто больше не может помочь вам, звоните... Кому? Ему, Гарри Дрездену. Имя его есть в «Желтых страницах»...

Мэб, Королева Воздуха и Тьмы, снова на высоте. За должок, числящийся за Дрезденом, ее Зимним Рыцарем, она сдает его в наём Никодимусу Архлеону, главе Ордена Темного Динария, собравшего в свои ряды тех, кто заключил союз с Падшими ангелами, проклятыми Господом существами. Цель же задуманного Никодимусом похищения века, в которое втянули и Дрездена, не что-нибудь, а легендарный Святой Грааль. Но чтобы его похитить, надо проникнуть в сокровищницу Аида,

повелителя Подземного царства, – в общем, то еще приключение свалилось на голову Гарри Дрездена, чародея-профессионала («Грязная игра»).

В рассказах сборника «Правила чародейства» есть и американский Дикий Запад с его зомби и некромантами, и добряк-бигфут по имени Речные Плечи, из сына которого, получеловека-полубигфута, вампиры выкачивали энергию, и чикагский стадион «Ригли», с наложенным на него сердитыми тилвит-тегами проклятием козла. Есть и много чего еще, волшебного и не очень, серьезного и смешного. И объединяет весь этот фантастический хоровод, конечно же, Гарри Дрезден, чародей с золотым сердцем, справедливый и милосердный.

Цикл романов о Гарри Дрездене занимает достойное место в одном ряду с таким известным образцом фэнтези-детектива, как сериал о приключениях Гаррета, вышедший из-под пера Глена Кука.

Содержание

Грязная игра[1]	8
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	72
Глава 8	88
Глава 9	97
Глава 10	112
Глава 11	127
Глава 12	136
Глава 13	146
Глава 14	159
Глава 15	174
Глава 16	190
Глава 17	196
Глава 18	209
Глава 19	220
Глава 20	228
Глава 21	253
Глава 22	266

Глава 23	284
Глава 24	297
Глава 25	312
Глава 26	325
Глава 27	339
Конец ознакомительного фрагмента.	341

Джим Батчер

Архивы Дрездена: Грязная игра. Правила чародейства

Jim Butcher

SKIN GAME

Copyright © 2014 by Jim Butcher

BRIEF CASES

Copyright © 2018 by Jim Butcher

Published by permission of the author and his literary agents,
Donald Maass Literary Agency (USA) via Igor Korzhenevskiy
of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

All rights reserved

© К. С. Егорова, перевод, 2023

© Н. К. Нестерова, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

ГРОЗА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

ЛУНА СВЕТИТ БЕЗУМЦАМ
МОГИЛА В ПОДАРОК
ЛЕТНИЙ РЫЦАРЬ
ЛИКИ СМЕРТИ
КРОВАВЫЕ РИТУАЛЫ
БАРАБАНЫ ЗОМБИ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВИНЫ
БЕЛАЯ НОЧЬ
МАЛЕНЬКОЕ ОДОЛЖЕНИЕ
ПРОДАЖНАЯ ШКУРА
ПЕРЕМЕНЫ
АДСКАЯ РАБОТЕНКА
ИСТОРИЯ ПРИЗРАКА
ХОЛОДНЫЕ ДНИ
ГРЯЗНАЯ ИГРА
ПРАВИЛА ЧАРОДЕЙСТВА

Грязная игра¹

Посвящается Лори, Джули и маме.

Вы действительно всегда меня поддерживали.

Спасибо!

Глава 1

В моей голове тикала бомба замедленного действия, а единственный человек, которому я доверил бы залезть к себе внутрь и вытащить ее, не появлялся и не общался со мной уже больше года.

Достаточно долго, чтобы у меня накопились к себе вопросы.

Кто я?

Что я сделал со своей жизнью?

Кому я могу доверять?

Последний вопрос – самый неприятный. Ты задаешься им в минуты сомнений. Иногда, просыпаясь посреди ночи, начинаешь гадать, тем ли людям мы доверяем. Или, по какой-то причине оказавшись в одиночестве, перебираешь в памяти каждую мелочь, связанную с кем-либо, в поисках незначительных вроде бы штрихов, которые ты мог упустить.

---

¹ Перевод Ксении Егоровой.

Это пугает. Это заставляет вас думать, что, возможно, вы понаделали каких-то страшных ошибок за последнее время. Это побуждает вас действовать, сделать что-либо – но когда вы застряли на острове посреди озера Мичиган, у вас несколько ограниченный выбор из того, что именно вы можете сделать, чтобы выпустить пар.

Я использовал свой стандартный метод. Носился по бесконечным туннелям, полным демонов, монстров и прочих ночных кошмаров, – для меня это было проще, чем идти в тренажерный зал.

Туннели были большие, некоторые величиной с подземные улицы под Чикаго, их стены, сделанные из земли и камня, пронизывало что-то, похожее на корни деревьев, но не могли же деревья пускать корни так глубоко под землей. Через каждые несколько ярдов, более или менее регулярно, встречались глыбы из светящихся бледно-зеленых кристаллов кварца. Внутри каждой кварцевой глыбы маячила темная фигура. Некоторые группы кристаллов содержали существ величиной с собаку. Другие – размером с дом.

Я только что перебрался через очередную глыбу и бежал к следующей, первой в тройном ряду, более или менее соответствующей размером моему покойному «жучку».

– Паркур! – выкрикнул я, подпрыгнул, оттолкнулся рукой от верхушки глыбы и перемахнул на другую сторону. Приземлившись, я сделал кувырок, вскочил и побежал дальше.

– Паркур! – крикнул я перед новой горой из кварца, опу-

стил одну руку вниз, чтобы во время прыжка придать телу горизонтальное положение на одной линии с головой, взял барьер, приземлился и продолжил движение.

– Паркур! – крикнул я перед третьей глыбой и перелетел через нее по длинной дуге. Идея была в том, чтобы, преодолев барьер, приземлиться на руки, плавно перекувыркнуться, встать и бежать дальше, но не вышло. В прыжке я зацепился ногой за кристалл, плюхнулся на живот и пропахал лицом грязь на другой стороне.

Секунду я лежал на земле, пытаюсь вздохнуть. Падение – пустяк. Господь свидетель, я пережил их немало. Я перекатился на спину и застонал.

– Гарри, у тебя слишком много свободного времени.

Мой голос отозвался эхом в туннеле – седьмом из тринадцати по счету.

– Паркур, – повторило эхо.

Тряхнув головой, я поднялся и отправился дальше. Прогулка по туннелям под островом Духоприют всегда приносит острые ощущения. Когда я бежал, глыбы кварца быстро проносились мимо. Когда я шел, заключенные внутри них узники вполне имели возможность поговорить со мной.

«Позволь мне выполнить любое твое желание», – напевно мурлыкал шелковый голос в моей голове, пока я обходил какую-то из них.

«Кровь и власть, богатство и силу – я могу дать тебе все, что ты...» – обещал другой.

«Однажды, смертный, я буду свободен и высосу мозг из твоих костей», – злобно изрекал следующий.

«Склонись в страхе и ужасе передо мной!»

«Ненавидь меня, дай мне пожрать тебя, и я сделаю твои сны реальными».

«Освободи меня, или я уничтожу тебя!»

«Спи. Спи. Спи ипусти меня в себя...»

«Кровьбольсмертькровьплотькровьбольсмерть...»

«БЛАРГЛ СЛОРГ НОТ ХАРГЛ ФТАГН!»

Ну, вы знаете.

Ничего нового.

Я обогнул довольно скромное кварцевое препятствие, обитатель которого послал мне ментальный образ, тот, что будил меня две ночи подряд после того, как я прошел в прошлый раз рядом, и миновал одну из последних кристаллических глыб перед выходом.

Пока я проходил, обитатель ее испустил мысленный вздох и послал мыслеобраз человека, закатывающего глаза.

«А-а, новенький», – сказал он, тоже мысленно, после этого.

Я остановился и посмотрел сквозь кварц. Как правило, я не общаюсь с пленниками. Если тебя заперли под Духоприютом, значит ты кошмарен настолько, что мало никому не покажется: бессмертный, дикий, с пеной у рта и в придачу окончательно обезумевший.

Но... Я сам долгие месяцы просидел на острове, пойман-

ный в ловушку Духоприюта и пещер в его глубине. Особого выбора у меня не было. Мне надо было прогнать тварь, засевшую в моей голове, и только остров мог держать ее под контролем. Меня здесь иногда навещали, вот только зимой озеро Мичиган опасно из-за непогоды и льда, а дыхание весны еще едва ощущалось. Я давно уже никого не видел.

Поэтому смерил взглядом глыбу размером с гроб и спросил:

– В чем проблема?

«Очевидно, в тебе, – ответил обитатель узилища. – Ты хотя бы знаешь, что означает „стазис“? Когда ничего не происходит – вот что оно означает. А ты торчишь тут, шляешься, треплешься со мной, черт тебя побери, и все портишь, как и все новички. Как там говорят? Ах да. Иди отлей».

Я вскинул брови. До сих пор пленники, общавшиеся со мной, были или откровенными психами, или просили помочь им выбраться отсюда. А этот парень создавал впечатление... джентльмена, что ли.

– В смысле? – не понял я.

«Страж, ты меня слышишь? Иди отлей».

Я подумал, не поймать ли его на слове и не внять ли его совету в буквальном смысле, но решил, что подобный юмор ниже достоинства чародея Белого Совета и Стража Духоприюта, тем самым утерев нос всем тем, кто утверждает, что я великовозрастная шпана. Вместо этого я спросил:

– Кто ты?

Затяжное молчание. А потом мой мозг заполнила мысль, сочившаяся жуткой усталостью и душевной болью, какую я испытываю лишь в самые тяжелые моменты жизни, — но, похоже, для существа, запертого в узилище, момент был не самый тяжелый. Для него это было привычное состояние.

«Тот, кто должен быть здесь. Уходи, мальчик», — он наконец ответил.

Меня захлестнула волна тошноты. Воздух стал слишком ярким, мягкое свечение кристаллов — ослепительным. Я сделал несколько шагов прочь от гроба из кварца, и жуткое ощущение стихло, зато головная боль, вызванная моими эмоциями, настигла меня опять и стала невыносимой. Я упал на одно колено, стиснув зубы, чтобы не закричать. Головная боль с каждым днем набирала силу, и хотя я всю жизнь учился бороться с болью, хотя обладал силой мантии Зимнего Рыцаря, в последние несколько недель она брала верх.

Некоторое время миром правили боль и тошнота.

Когда они пошли на убыль, я поднял глаза и увидел над собой огромную фигуру в темном плаще. Ростом она была не меньше десяти футов, а телосложением напоминала мускулистого человека, хотя мне не удалось разглядеть, что именно находится под плащом. Из глубин капюшона на меня были нацелены две ярко-зеленые бусины, заменявшие ей глаза.

– СТРАЖ, – слышался низкий, рокочущий бас. – ПА-
РАЗИТ НА ВРЕМЯ ОСЛАБЛЕН.

– Очень вовремя, Альфред, – пробормотал я, садясь и

ощупывая себя. Я пролежал здесь довольно долго. Пот высох. Это плохо. Древний дух острова целый год пытался не дать твари в моем черепе убить меня. До последних недель, когда начались эти жуткие мигрени, ему хватало одного слова, чтобы усмирить боль.

Сегодня ему потребовалось больше часа.

Что бы ни обитало в моей голове, это психическое или спиритическое создание, питавшееся мной, собиралось меня прикончить.

– АЛЬФРЕД, – серьезно произнес дух. – ЭТО МОЕ НОВОЕ ИМЯ?

– Давай оставим Духоприют, – ответил я.

Гигантский дух задумался.

– Я – ОСТРОВ.

– Ну да, – сказал я, поднимаясь на ноги. – Его дух. Дух-хранитель.

– И Я ОТДЕЛЬНО ОТ ОСТРОВА. САМ ПО СЕБЕ.

Я посмотрел на него:

– Ты ведь понимаешь, что Альфредом я называл тебя в шутку?

Он уставился на меня. Несуществующий ветер колыхнул полы его плаща.

Я сдался, поднял руки и произнес:

– Ладно. Полагаю, тебе нужно нормальное имя. Пусть будет Альфред Духоприют.

Его глаза вспыхнули ярче, капюшон качнулся в мою сто-

рону.

– ОНА ЗДЕСЬ, – сказал он.

Я вскинул голову, сердце застучало быстрее. Голова откликнулась болезненным эхом. Неужели она наконец ответила на мои послания?

– Молли?

– НЕТ, НЕ КУЗНЕЧИК. НОВАЯ МАТЬ КУЗНЕЧИКА.

Я почувствовал, как напряглись плечи и шея.

– Мэб, – сказал я низким, жестким голосом.

– ДА.

– Фантастика, – пробормотал я. Мэб, Королева Воздуха и Тьмы, повелительница Зимнего двора сидхе, госпожа и наставница каждого нечестивого создания в Феерии – и моя начальница заодно, – долгие месяцы игнорировала меня. Я регулярно отправлял к ней гонцов. Без успеха. По крайней мере, до сегодняшнего дня.

Но почему сейчас? Зачем появляться сейчас, после всех этих месяцев молчания?

– Затем, что она хочет от тебя что-то, дурень, – пробормотал я. И повернулся к Духоприюту. – Хорошо, Альфред. Где?

– НА ПРИСТАНИ.

Разумно. Остров Духоприют, как практически любая тюрьма, отлично приспособлен для того, чтобы не допускать сюда посторонних и не выпускать заключенных. Когда долбаный Идущий Вовне и его компания явились, чтобы устро-

ить массовый побег, их атаку удалось отбить благодаря защите острова и нескольким важным союзникам.

Последний год я провел, знакомясь с тайнами острова, с защитными механизмами, о существовании которых даже не подозревал – и которые мог активировать только Страж. Если Идущий Вовне вернется, я смогу справиться с ним в одиночку. Даже Мэб со всем ее могуществом следовало три раза подумать, прежде чем устраивать заварушку на Духоприюте.

Вот почему она осталась на пристани.

Она знала, что я буду недоволен. Ей определенно что-то нужно.

По моему опыту, когда Королева Воздуха и Тьмы решает, что ей что-то от тебя нужно, лучше заползти в нору и обрушить за собой вход.

Но моя голова пульсировала от слабых уколов боли. Годами мигрени постепенно усиливались, и лишь недавно я выяснил их причину – у меня обнаружилась болезнь, о которой следовало позаботиться, прежде чем тварь, устроившаяся в моей башке, решит выбраться из черепа наружу. До этого момента я не осмелюсь покинуть остров, и если Мэб наконец решила ответить на мои послания, придется мне с ней повидаться.

Возможно, именно поэтому она и не появлялась – до сего дня.

– Проклятые интриганы-фэйри, – пробормотал я себе под нос и направился к лестнице, выводившей из Источника на

поверхность. – Держись рядом и будь начеку, – велел я Духоприюту.

– ПОДОЗРЕВАЕШЬ, ЧТО ОНА ХОЧЕТ ПРИЧИНИТЬ ТЕБЕ ВРЕД?

– Ох! – ответил я, ставя ногу на ступеньку. – Как-то так. Идем.

Глава 2

Мы с братом построили причал как-жизнь-док на берегу одного из трех небольших пляжей Духоприюта, самом близком к проходу в каменных рифах, окружающих остров. Где-то за век до этого выше по склону пляжа располагался город, но люди его оставили – должно быть, после того, как жителей медленно ввергла в помешательство темная энергия, накапливающаяся вокруг отвратительных тварей, заключенных в тюрьму под островом.

Руины города все еще виднелись, наполовину поглощенные лесом, – труп, медленно пожираемый плесенью и мхом. Иногда я задавался вопросом: как долго смогу оставаться на проклятом острове, прежде чем помешаюсь тоже?

К причалу была пришвартована дорогая моторная яхта, столь же неуместная здесь, как на скотном дворе «феррари», – белая, со множеством вставок из заиндевелоголубоватого хрома. По ней сновала пара человек из команды, но наряд их скорее производил впечатление маскарадного костюма, чем настоящей одежды моряка. Складки слишком прямые, ткань слишком чистая, слишком безупречно сидит. Наблюдая за их движениями, я не сомневался, что они вооружены и отлично умеют убивать. Это были сидхе, лорды Феерии, высокие, красивые и опасные. Но меня они не впечатлили.

Главным образом потому, что они не были настолько красивы или опасны, как женщина, стоящая в самом конце моего причала, — носки ее дорогих туфель были в полудюйме от берега Духоприюта. Если рядом с вами в воде плавают большая белая акула, трудно волноваться по поводу нескольких барракуд, что пристроились у нее в хвосте.

Мэб, Королева Воздуха и Тьмы, носила сшитый на заказ деловой костюм оттенка где-то между перепачканной древесным углем газетной бумагой и замороженными барвинками. Блузка под ним была белоснежна, как девственный снег, как и ее волосы, искусно уложенные в прическу, подражающую моде сороковых. В мочках ее ушей и на шее блестели опалы глубоких оттенков зеленого и синего, сочетаясь с постоянно меняющимся цветом ее холодных идеальных глаз. Она была бледна и красива, настолько красива, что любая попытка описать эту красоту звучала бы как грубое оскорбление; я же питал к ней естественный и рациональный ужас.

Я спустился к причалу по старым каменным ступеням в склоне холма и остановился на расстоянии вытянутой руки от Мэб. Кланяться не стал, только чуть приопустил голову для проформы. Здесь были и другие сидхе, на лодке, свидетели встречи, а я давно понял, что, хотя и не представляю никакой опасности для гордости Мэб, она не станет терпеть непочтительность к своему положению. Абсолютно уверен, если Зимний Рыцарь открыто бросит ей вызов перед ее же двором, это будет, по сути, объявлением войны, и, несмотря

на все мои нынешние знания об острове, ничего подобного мне не хотелось.

– О моя Королева, – сказал я приветливо, – что у нас новенького по части интриг?

– Все идет как по маслу, мой Рыцарь, – ответила она. – Как всегда. Залезай на борт.

– Зачем? – спросил я.

Уголки губ ее чуть поджались, что выражало нотку неодобрения, хотя это противоречило довольному огоньку, вспыхнувшему в ее глазах.

– Я предсказуем, да? – поинтересовался я.

– Во многом, – ответила она. – Мне говорить откровенно?

– Хотелось бы.

Мэб кивнула. Затем она подалась вперед, совсем чуть-чуть, и ее взгляд стал тяжелее, а голос – холоднее и жестче обледеневшего камня:

– Потому что я велела тебе сделать это.

Я сглотнул, и мой желудок совершил небольшой вираж на американских горках внутри меня.

– Что будет, если я откажусь? – спросил я.

– Ты уже дал понять, что станешь сопротивляться, если я попытаюсь силой заставить тебя повиноваться моим приказам, – ответила Мэб. – Это сделало бы тебя бесполезным для меня, а на данный момент я нахожу обременительным готовить тебе замену. Поэтому ничего не будет.

Я моргнул:

– Ничего? Я могу отказать вам, и вы просто... уйдете?

– Совершенно верно, – сказала Мэб, отворачиваясь. – Ты умрешь через три дня, а за это время я должна буду найти, кем тебя заменить.

– Э-э-э... Что?

Мэб остановилась и бросила взгляд через плечо.

– К этому времени твой внутренний паразит начнет вылапываться. Ты, конечно же, обратил внимание на то, что твоя боль усилилась.

Ох, меня поймали. Все сходится.

– Черт побери, – чертыхнулся я, стараясь говорить не слишком громко, чтобы не быть услышанным головорезами на борту. – Вы меня подставили.

Повернув ко мне лицо, Мэб одарила меня легкой улыбкой.

– Я посылал Тука и Лауну с сообщениями для вас и Молли каждый проклятый день. Что, они ни разу до вас не долетели?

– Они фэйри, – сказала Мэб. – А я их Королева.

– А мои послания к Молли?

– Я соткала тенета для перехвата любых заклинаний, покидающих этот остров, в то мгновение, как сказала тебе: «Прощай, мой Рыцарь», – ответила она. – И сообщения, которые ты послал со своими друзьями, были изменены согласно моим потребностям. Я нахожу полезным то, как крошечная доля недоверия создает столь много возможностей для

недопонимания. Твои друзья пытались навестить тебя еще несколько недель назад, но озерный лед продержался необычайно долго в этом году. Увы.

Я стиснул зубы.

– Вы знали, что я нуждался в ее помощи.

– И до сих пор нуждаешься, – резко и едко подтвердила она.

Три дня.

Адские погребушки!

– Вы никогда не рассматривали возможность просто попросить меня о помощи? – спросил я ее. – Может, даже произнести «пожалуйста»?

Она изогнула светлую бровь:

– Я – не твой клиент.

– Поэтому вы просто перешли к вымогательству?

– Я не могу заставить тебя, – сказала она рассудительным тоном. – Поэтому вынуждена следить за тем, чтобы это делали обстоятельства. Ты не можешь покинуть остров, боль ломает тебя. Не можешь послать за помощью без моего позволения. Твое время почти истекло, мой Рыцарь.

Я обнаружил, что едва цежу слова сквозь стиснутые зубы:

– Почему? Для чего вам понадобилось загонять меня в угол подобным образом?

– Возможно, потому, что это необходимо. Возможно, это защитит тебя от самого себя. – Ее глаза сверкнули гневом, пока еще отдаленным, как гроза на горизонте. – А возможно,

просто потому, что я могу это сделать. В конечном счете не важно – почему. Имеет значение только результат.

Я несколько раз вдохнул и выдохнул, чтобы не позволить ярости бурлить в моем голосе. Учítывая, чем ей приходилось руководить, вполне вероятно, что манипулирование мной и угрозы смерти – это своеобразный способ просить вежливо, – по стандартам Мэб, конечно. Но это не означает, что мне это должно нравиться.

Кроме того, она была права. Если Мэб сказала, что жить мне осталось три дня, то это всерьез. У нее не было ни возможности, ни надобности произносить никакой откровенной лжи. А если это правда – в чем я был удручающе уверен, – значит она связала меня по рукам и ногам.

– Чего вы хотите? – спросил я, с трудом сохраняя учтивый тон.

Вопрос вызвал довольную улыбку на ее губах и кивок, подозрительно похожий на одобрение.

– Я хочу, чтобы ты выполнил для меня одно задание.

– А чтобы выполнить это задание, мне нужно будет покинуть остров? – спросил я.

– Безусловно.

Я указал пальцем на висок:

– Тогда у нас есть проблема кое с кем недееспособным от боли. Вам придется привести меня в порядок.

– Если я сделаю это, ты никогда не согласишься на него, – спокойно сказала Мэб, – и мне придется искать тебе замену.

Поэтому ради своего собственного здоровья и безопасности ты будешь носить вот это.

Она подняла руку и протянула ко мне ладонь.

В ней был маленький камень – темно-синий опал. Я наклонился немного ближе, рассматривая его. Камень был закреплён на серебряной шпильке – сережка.

– Этого должно быть достаточно, чтобы сдержать паразита на оставшееся время, – сказала Мэб. – Надевай.

– У меня не проколоты уши, – возразил я.

Мэб изогнула бровь:

– Ты Зимний Рыцарь или какой-то плаксивый ребенок?

Я сердито посмотрел на нее:

– Идите сюда и повторите свои слова.

В ответ на это Мэб спокойно ступила на берег Духоприюта, носки ее туфель практически уперлись в мои. Она была шести футов ростом плюс несколько дюймов, и ей не пришлось высоко тянуться, чтобы взять мочку моего уха своими пальцами.

– Подождите! – спохватился я. – Подождите!

Она остановилась.

– В левое.

Мэб склонила голову набок:

– Почему?

– Потому что... Это личные заморочки смертных. Просто – в левое, ладно?

Она коротко выдохнула через нос. Затем покачала голо-

вой и взялась за другое ухо. Я почувствовал раскаленный укол боли в левой мочке, а затем медленную ленивую пульсацию, освежающе прохладную, как воздух осенней ночью, когда открываешь окна спальни и после засыпаешь как убитый.

– Ну вот, – сказала Мэб, прикрепляя на место зажим. – Неужели это было таким уж тяжелым испытанием?

Я хмуро глянул на нее и потянулся к камню левой рукой. Пальцы подтвердили то, на что пожаловались уши, – он был совершенно холодным на ощупь.

– Теперь, когда я получил это, чтобы безопасно покинуть остров, – сказал я очень спокойно, – что остановит меня от того, чтобы велеть Альфреду бросить вас в клетку прямо сейчас и решать мои проблемы самостоятельно?

– Я, – ответила Мэб. Она послала мне очень слабую и очень холодную улыбку и подняла палец. На нем была крошечная капля моей крови, алая на фоне ее бледной кожи.

– Последствия для твоего мира смертных, если в нем не станет Мэб, будут плачевными. Последствия для тебя, если ты попытаешься, – еще хуже. Испытай меня, чародей. Я готова.

На секунду я задумался об этом. Она накопила достаточно рычагов давления, чтобы принудить меня ко всему, что пожелает, и к тому, что будет мне точно не по нраву. В любом случае я никогда не собирался прислуживать Мэб вечно. Босс перестанет быть боссом, если я запру ее в кристалле

в сотнях футов под водами озера Мичиган. По всему видно, на небольшой отпуск в личном холодильнике она точно заработала. Мэб была по-настоящему «плохим парнем».

За исключением того, что... она была *нашим* крутым плохим парнем. Такой безжалостной и ужасной, насколько только возможно. Она была хранителем, который защищал мир от созданий еще более пакостных, чем она. И если Мэб вдруг исчезнет, равновесие сил нарушится и последствия будут катастрофическими.

И признайся хотя бы себе, Дрезден. Ты трусил. Что, если ты попытаешься отправить ее вниз – и промахнешься? Помнишь, что случилось с последним парнем, который предал Мэб? Ты никогда не одерживал над нею верх. Ты даже близко к этому не подходил.

Я не позволил себе содрогнуться. Она бы восприняла это как слабость, а это не лучшая идея – показывать слабость кому-то из фэйри. Я просто выдохнул и отвернулся от этих холодных бездонных глаз.

Мэб отметила свою победу лишь легким наклоном головы. Затем она развернулась и пошла обратно на пристань.

– Возьми все, что может понадобиться. Мы отбываем немедленно.

Глава 3

Яхта Мэб доставила нас в Белмонт-харбор, где последний февральский лед почти растаял сегодняшним теплым не по сезону утром. Мое ухо пульсировало вспышками холода, зато голова не беспокоила, и когда мы пришвартовались, я прыгнул на пирс, перемахнув через планшир, с большим вещевым мешком в одной руке и новым чародейским посохом в другой.

Мэб с достоинством спустилась по трапу и неодобрительно посмотрела на меня.

– Паркур, – объяснил я.

– Деловая встреча, – напомнила она, скользя по мне взглядом.

Нас ждал лимузин, в комплекте с еще двумя сидхе в костюмах телохранителей. Мы промчались через город по Лейк-шор-драйв до Петли, затем лимузин повернул и остановился перед Карбид-и-карбон-билдинг, грандиозным темно-зеленым небоскребом, который, при всем его вызывающем декоре, напоминал мне Монолит из «Космической одиссеи 2001 года». Я всегда считал, что здание выглядит слишком вычурным и неприветливым, но потом оно превратилось в отель «Хард-рок».

Еще двое телохранителей-сидхе дожидались, когда мы выйдем из машины, высокие и нечеловечески красивые. За-

тем все сидхе мгновенно сменили внешность фотомodelей на облик настоящих головорезов, с худыми, вытянутыми лицами, стрижками «ежик» и миниатюрными наушниками в ухе – гламур, легендарная способность фэйри создавать иллюзии. Мэб не побеспокоилась об изменении внешности, ограничившись тем, что надела модные солнцезащитные очки. Четверо телохранителей оперативно выстроились в каре вокруг нас, и мы все двинулись к ожидающему лифту. Цифры на панели стремительно сменялись вплоть до номера верхнего этажа – а потом лифт поднялся еще на один этаж выше.

За открывшейся дверью обнаружился экстравагантный пентхаус. Моцарт доносился из динамиков такого качества, что на мгновение я предположил, что играют настоящие музыканты. Четырнадцатифутовые, от пола до потолка, окна открывали потрясающий вид на озеро и береговую линию к югу от отеля. Полы были сделаны из полированной древесины. Тропические деревья росли в горшках по всей комнате, вместе с яркими цветущими растениями, которые все вместе действовали на обоняние так, словно решили устроить цветочный эквивалент нападения при отягчающих обстоятельствах. Мебельные гарнитуры были расставлены тут и там – на полу и на помостах, расположенных на различных уровнях. Имелись также бар и небольшая сцена со звуковой системой, а в дальнем конце этого роскошного чердака была лестница, ведущая на высокую платформу, которая, судя по

стоявшей там кровати, должно быть, служила спальней.

У лифта ждали еще пять громил в черных костюмах с дробовиками им в тон. Когда двери открылись, громилы взялись за пушки, хотя прямо в нас целиться не стали.

– Мадам, – сказал один из них, гораздо моложе остальных, – пожалуйста, назовите себя.

Мэб бесстрастно смотрела на них сквозь солнцезащитные очки. Затем пренебрежительно повела бровью. Движение было настолько слабым, что вряд ли кто-нибудь из них его заметил.

Я хмыкнул, поднял руку и пробормотал:

– Infriga.

Я не вложил в заклинание много энергии, но ее было достаточно, чтобы втолковать, что к чему: внезапно толстый слой инея с треском заискрился на нижней части тел охранников, покрывая сапоги, дробовики и руки, которые их держали. Мужчины дернулись от неожиданности и тихо зашипели от дискомфорта, но хватку на оружии не ослабили.

– Леди не общаются с лакеями, – сказал я им, – и вам чертовски хорошо известно, кто она такая. Кому-то из вас, болванов, кто сохранил мозги, вероятно, надо бы пойти и сказать своему боссу, что она здесь, прежде чем леди почувствует себя оскорбленной.

Молодой громила, тот, что говорил, кинулся прочь, в глубину пентхауса, обходя стену из деревьев и цветов. В то время, как остальные оставались внешне бесстрастными, но

чувствовали себя явно неуютно.

Мэб посмотрела на меня и спросила интимным шепотом:

– Что это было?

– Не имею привычки убивать смертного, чтобы просто сделать замечание, – ответил я в том же духе.

– Но ты был готов убить одного из моих сидхе по этой причине.

– Я играю на вашей стороне, но вы не из моего района, – ответил я.

Она посмотрела на меня поверх оправы очков, затем произнесла:

– Брезгливые не становятся Зимними Рыцарями.

– Дело не в брезгливости, Мэб, – сказал я.

– Да, – кивнула она. – Дело в слабости.

– Согласен, но я всего лишь человек, – отвечал я, снова повернувшись лицом к залу.

Взгляд Мэб задержался на мне, тяжелый и холодный, как снежный покров.

– Пока что.

Я не вздрогнул. Просто иногда у меня бывают мышечные спазмы. Вот и все.

Громила, способный к человеческой речи, вернулся и был достаточно осторожен, чтобы не встретиться с кем-нибудь взглядом. Он застыл в пояском поклоне и произнес:

– Ваше величество, следуйте за мной, я провожу вас к нему, но ваших охранников придется оставить здесь.

Мэб не удостоила говорившего даже кивком. Она просто элегантно вышла из лифта, размеренно цокая каблуками по твердому полу, а мы с громилой поспешили за ней, пытаясь не отставать.

Мы обогнули стену кустарника, за которую до этого убегал охранник, и обнаружили за ней искусно сделанный помост с тремя широкими ступенями. Окружающая его густая стена растительности создавала атмосферу уютной беседки. Дорогая мебель для гостиной была расставлена на помосте идеально для ведения беседы. Там-то и ждал нас тот, с кем у Мэб была назначена встреча.

– Сэр, – произнес охранник. – Ее величество Королева Мэб и Зимний Рыцарь.

– Она не нуждается в представлении, – сказал человек с глубоким и звучным голосом. Я узнал его. Когда-то он был плавным и текучим, теперь же в нем появился намек на шероховатость, наподобие шелка, скользящего по старому гравию.

Человек, поднявшийся со стула, был среднего роста и телосложения. Он был одет в черный шелковый костюм, черную рубашку, и поношенный серый галстук. У него были темные волосы с серебряными росчерками седины, черные глаза, и двигался он с гибкой змеиной грацией. Когда он посмотрел на меня, улыбка была на его губах, но не в глазах.

– Сколько лет, сколько зим, Гарри Дрезден.

– Никодимус Архлеон. Мой удар улучшил ваш голос, –

произнес я, подражая акценту Шона Коннери.

Что-то уродливое замерцало в глубине его глаз, а голос стал еще грубее, хотя улыбка не изменилась:

– Вы подошли ближе, чем кто-либо за очень и очень долгое время.

– Может, это признак приближающейся старости, – сказал я. – Допускаете промахи в мелочах, например оставили язык этому головорезу. Вы подумали, каково ему? Он ведь наверняка ощущает себя ущербным по сравнению с остальными.

Это сделало улыбку Никодимуса еще более ярко выраженной. Прежде я встречал банду его прихлебателей, у них у всех были отрезаны языки.

Он повернулся к Мэб и поклонился в пояс более элегантно, чем это мог сделать я в подобной ситуации:

– Ваше величество.

– Никодимус, – сказала Мэб с морозом в голосе, затем произнесла более спокойно: – Андурienzль.

Никодимус не двигался, но его долбаная тень все равно склонила голову. Независимо от того, сколько раз я это видел, действие все еще нервировало меня.

Никодимус был рыцарем Ордена Темного Динария, или, точнее, вполне определенным рыцарем Ордена Темного Динария. Он владел одной из тридцати серебряных монет, той, что содержала суть Падшего ангела Андурienzля. Динарианцы были плохой новостью – главным образом потому, что, хотя Падшие сильно ограничены в возможности использо-

вать свою силу, будучи стреножены и привязаны к смертному партнеру, они столь же опасны, как и все, что бродит в тени, а объединившись с психами мирового класса, подобными Никодимусу, становятся на несколько порядков хуже. Никодимус, насколько я смог выяснить, творил злодеяния уже пару тысячелетий. Он был умным, безжалостным, упорным, и убивать людей было для него почти таким же пустяковым делом, как выбросить пустую пивную банку.

Я однажды уцелел при встрече с ним. Он однажды уцелел в схватке со мной. Ни один из нас не был в состоянии убить другого.

До сих пор.

– Я прошу вас на минуту проявить снисхождение, – сказал Никодимус Мэб. – Есть второстепенный вопрос внутреннего протокола, которому я должен уделить внимание, прежде чем мы продолжим.

После мгновения ледяного недовольства Мэб ответила:

– Конечно.

Никодимус еще раз поклонился, затем сделал несколько шагов и повернулся к громиле, который нас сюда привел. Поманив его, он сказал:

– Брат Джордан, подойдите.

Джордан вытянулся по стойке смирно, сглотнул и вышел вперед, остановившись точно напротив Никодимуса, после чего снова вытянулся.

– Вы успешно прошли испытания Братства, – с тепло-

той в голосе объявил Никодимус. – Заслужили самые высокие рекомендации от своих товарищей. Проявили неколебимое мужество перед лицом опасного противника. По моему мнению, вы продемонстрировали свою преданность и приверженность, выйдя за пределы скудных обязательств любой клятвы.

Он протянул руку и положил ее на плечо молодого человека.

– Вам есть что сказать в качестве последнего слова?

Глаза паренька заблестели от внезапно нахлынувших эмоций, дыхание ускорилось.

– Я благодарю вас, милорд.

– Хорошо сказано, – с улыбкой прожурчал Никодимус, затем позвал: – Дейдре.

Со своего места на заднем плане поднялся еще один человек. Это была молодая женщина в простом черном платье. Ее лицо было худым и суровым, а тело имело легкие, изящные изгибы опасной бритвы. Длинные темные волосы сочетались с черными глазами, такими же, как у самого Никодимуса. Подойдя к Джордану, она одарила его почти сестринской улыбкой.

А затем начала меняться.

Сперва ее темные глаза превратились в два провала, горящих ярким малиновым светом. Над ними открылась вторая пара глаз, на этот раз светящихся зеленым. А потом ее лицо исказилось, кости начали двигаться. Кожа будто бы по-

шла рябью, затем застыла, потемнев до темно-фиолетового оттенка свежего синяка и став жесткой, как толстая шкура. Платье, замерцав, просто исчезло, открыв исказившиеся ноги, ступни быстро удлинялись, пока пятки не стали выглядеть словно выгнутые в обратную сторону колени. Волосы также изменились – кончики вытягивались, скользя все дальше от головы, словно десятки извивающихся змей, уплотняясь в твердые, иссиня-черные металлические ленты, что шелестели, двигаясь и струясь, словно наделенные собственной волей.

Одновременно с этим тень Никодимуса начала расти, даже несмотря на то, что освещение при этом никак не менялось. Она вытянулась позади него, затем поползла вверх по стене, поднимаясь все выше и выше, пока не заняла всю стену огромного пентхауса.

– Засвидетельствуйте, – негромко произнес Никодимус, – как брат Джордан станет оруженосцем Джорданом.

Зеленые глаза над глазами Дейрдре ярко вспыхнули, когда она подняла свои когтистые руки и довольно нежно обхватила ими лицо Джордана. Затем наклонилась и поцеловала его раскрытыми губами.

Мой желудок сжался и совершил кульбит. Я постарался, чтобы этого никто не заметил.

Внезапно голова Дейрдре чуть подалась вперед, и Джордан застыл. Из губ Дейрдре вырвался приглушенный крик, но быстро захлебнулся. Я увидел, как челюсти Дейрдре сжа-

лись, потом она внезапно дернула головой в сторону, резким движением акулы, вырывающей кусок плоти у своей жертвы. Голова ее откинулась назад в чем-то до ужаса напоминающем экстаз, и я увидел окровавленный язык Джордана, зажатый между ее зубами.

Из рта молодого человека фонтаном брызгала кровь. Он что-то неразборчиво промычал и, пошатнувшись, упал на одно колено.

Голова Дейрдре задергалась в конвульсивных движениях, с какими морская птица заглатывает рыбу, при этом раздался тихий утробный звук. Затем она вздрогнула и медленно открыла горящие глаза. Потом повернулась, неспешно подошла к Никодимусу – ее пурпурные губы почернели от крови – и пробормотала:

– Дело сделано, отец.

Никодимус поцеловал ее в губы. И – о боже! – вид его после этого поцелуя с откушенным чужим языком у нее во рту еще больше выбивал из колеи, чем в первый раз, когда я наблюдал подобную сцену.

Через мгновение он оторвался от Дейрдре и произнес:

– Поднимись, оруженосец Джордан.

Молодой человек, шатаясь, поднялся на ноги, нижняя половина его лица, подбородок и горло были залиты кровью.

– Приложи лед и отправляйся к врачу, оруженосец, – сказал Никодимус. – Мои поздравления.

Глаза Джордана вновь засверкали, губы растянулись в

жуткой улыбке. Он повернулся и поспешил прочь, оставляя за собой дорожку от накапавшей крови.

Мой желудок сжался. В один из таких дней мне придется заставить себя научиться держать язык за зубами. Никодимус только что с легкостью изувечил молодого человека исключительно для того, чтобы проучить меня за мою подначку. Я сжал зубы и решил использовать этот инцидент, чтобы напомнить себе, с каким именно монстром имею дело.

– Вот и все, – сказал Никодимус, снова поворачиваясь к Мэб. – Приношу свои извинения, если доставил какие-то неудобства.

– Мы уже можем перейти к нашему делу? – поинтересовалась Мэб. – У меня не так много времени.

– Конечно, – ответил Никодимус. – Вы знаете, по какому вопросу я обратился к вам.

– Действительно, – ответила Мэб. – Когда-то Андурриэль позволил мне воспользоваться услугами своего... союзника. Теперь я должна вернуть этот долг, предоставив вам услуги своего.

– Погодите. Что? – вымолвил я.

– Превосходно, – произнес Никодимус. Он вытащил визитную карточку и протянул ей. – Наша небольшая группа встречается здесь на закате.

Мэб потянулась за карточкой и кивнула:

– Значит, договорились.

Я перехватил ее руку, забирая карточку, прежде чем она

успела до нее дотянуться.

– Не договорились, – заявил я. – Я не буду работать с этим психопатом.

– Вообще-то, социопатом, – сказал Никодимус. – Хотя в практическом применении эти термины почти взаимозаменяемы.

– Вы скверный тип, и я не хотел бы подпускать вас к себе ближе, чем на дистанцию, на которую мог бы отшвырнуть вас пинком, и очень хотел бы на практике выяснить, какова эта дистанция, – огрызнулся я в ответ, затем повернулся к Мэб. – Скажите, что вы это не серьезно.

– Я, – процедила она, – предельно серьезна. Ты пойдешь с Архлеоном. Ты будешь оказывать ему всю возможную помощь и содействие до тех пор, пока он не достигнет своей цели.

– Какой цели? – требовательно спросил я.

Мэб перевела взгляд на него.

Никодимус улыбнулся:

– Ничего ужасно сложного. Это будет непросто, конечно, но не слишком. Мы собираемся ограбить хранилище.

– Вам не нужна ничья помощь в таком деле, – ответил я. – Вы можете справиться с любым хранилищем в мире.

– Верно, – сказал Никодимус. – Но хранилище находится не в этом мире. А в Подземном.

– В Подземном царстве? – спросил я.

При этих словах у меня возникло не очень хорошее пред-

чувствие.

Никодимус в ответ лишь вкрадчиво улыбнулся.

– И чье же? – спросил я его. – Чье хранилище вы хотите ограбить?

– Древнего существа огромнейшей силы, – ответил он своим поглубевшим голосом, его улыбка сделалась шире. – Вам он может быть известен как Аид, владыка Подземного царства.

– Аид, – повторил я. – Тот самый Аид? Греческий бог?

– Тот самый.

Я медленно перевел взгляд с Никодимуса на Мэб.

Ее лицо было красивым и решительным. Холодок от се-
режки, что поддерживала во мне жизнь, монотонно пульси-
ровал на моей коже.

– Ох, – тихо сказал я. – Адские погремушки!

Глава 4

Мой мозг врубил верхнюю передачу.

Опять меня приперли к стене, но в этом не было ничего нового. За долгие годы я хорошо усвоил одну важную вещь: любая игра ради лишней капли пространства, времени или помощи стоила свеч.

Я посмотрел в безжалостные глаза Мэб и сказал:

– Необходимо ввести одно условие.

Ее глаза сузились.

– Какое еще условие?

– Напарник, – ответил я. – Хочу иметь дополнительную пару глаз поблизости. Кто-нибудь на мой выбор.

– Зачем?

– Затем, что Никодимус – убийца, на убийце сидит и убийцей погоняет, – сказал я. – И если он подберет команду, она будет из таких же негодяев. Я хочу иметь рядом еще одну пару глаз, чтобы убедиться, что кто-нибудь из его команды не выстрелит мне в спину, как только я отвернусь, – в конце концов, вы даете Зимнего Рыцаря взаймы. А не выбрасываете за ненадобностью.

– Мм. – Мэб приподняла бровь.

– Боюсь, что это невозможно, – произнес Никодимус. – План уже составлен, и в нем нет места для посторонних.

Мэб очень медленно повернулась к нему.

– Насколько я помню, – ее тон был подобен арктическим льдам, – когда вы обратились ко мне за помощью, вы прихватили свое исчадие с собой. Я считаю это прошение соразмерным.

Никодимус прищурился. Затем глубоко вздохнул и чуть склонил голову в знак согласия:

– У меня нет явной власти над каждым участником. Я не могу гарантировать безопасность как вашему Рыцарю, так и его... помощнику.

На лице Мэб появилась едва заметная улыбка.

– Как и я не могу ничего обещать для ваших, сэр Архлеон, если вы нарушите договоренность, достигнутую по доброй воле. Должны ли мы заключить перемирие до того момента, как ваша миссия будет закончена?

Никодимус задумался на момент, после чего кивнул:

– Договорились.

– Тогда все, – произнесла Мэб и вырвала карту из моих пальцев. – Можем идти, мой Рыцарь?

Я одарил Никодимуса и его перепачканную кровью дочь неприязненным взглядом. Волосы Дейдре скреблись и шуршали, скользя друг по другу, словно длинные, извивающиеся полоски листового металла.

Черта с два я буду помогать этому психу.

Но сейчас было не время и не место, чтобы заявлять об этом.

– Ну хорошо, согласен, – процедил я сквозь зубы.

Стараясь ни на секунду не поворачиваться к динарианцам спиной, я последовал за Мэб к лифту.

* * *

Когда лифт завершил спуск, я повернулся к телохранителям Мэб и сказал:

– Пора вам, ребята, выйти и подогнать машину. – Никто из них даже не шелохнулся, и я добавил: – Ну ладно. Вы, парни, ведь уже составили список пожеланий, как именно должны распорядиться вашими останками?

На это сидхе только моргнули. И уставились на Мэб.

Мэб продолжала смотреть вперед. Я видел статуи, которые выражали свои желания более явно.

И телохранители вышли.

Я подождал, когда двери лифта закроются за ними, щелкнул пальцами и пробормотал: «Nexus», вложив в заклятие щепоть силы. Смертные чародеи и техника несовместимы. Для большей части электроники достаточно лишь оказаться поблизости от чародея, активно использующего магию, чтобы испустить дух. А если уж он специально пытается испортить ее, вряд ли что-нибудь уцелеет.

Панель управления лифтом выбросила фонтан искр и погасла. Электрические лампочки разом хлопнули и перегорели заодно с аварийными огнями, и кабина лифта неожиданно погрузилась во тьму, разбавленную лишь толикой днев-

ного света, что просачивалась под дверь.

– Вы в своем уме? – спросил я Мэб.

Тишина.

Света было как раз достаточно, чтобы разглядеть блеск ее глаз, когда она наконец перевела взгляд на меня.

– Я не собираюсь помогать этому уроду, – прорычал я.

– Ты будешь в точности следовать инструкциям.

– Нет, не буду, – ответил я. – Я знаю, как он работает. Что бы он ни делал, ничего хорошего это не сулит. Людям собираются причинить боль, и я не намерен в этом участвовать. Я не собираюсь помогать ему.

– Очевидно, ты слушал меня недостаточно внимательно, – произнесла Мэб.

– А для меня очевидно, что вы просто не понимаете, – ответил я. – Есть вещи, которые просто не стоит делать, Мэб. И помогать такому вот монстру заполучить то, что он хочет, – одна из них.

– Даже если отказ будет стоить тебе жизни? – спросила она.

Я вздохнул:

– А вы ни разу этого не заметили за последние пару лет? Вы сомневаетесь, что я скорее предпочту умереть, чем стану частью чего-то подобного?

В темноте блеснули ее белые зубы.

– И все же ты здесь.

– Вы действительно хотите довести до этого? – спросил

я. – Уже готовы потерять своего блестящего новенького Рыцаря?

– Вряд ли это будет большой потерей, если Рыцарь не выполняет простые команды, – сказала Мэб.

– Я буду выполнять команды, я делал это раньше.

– Да, выполнял. В собственном извращенном стиле, – возразила Мэб.

– Да, но не в этот раз.

– Ты будешь в точности следовать инструкциям, – повторила Мэб, еще более сократив и так-то невеликое расстояние между нами. – Или будут последствия.

Я сглотнул.

Последний Рыцарь, который разозлил Мэб, умолял меня прикончить его. И несчастный придурок был бы за это мне благодарен.

– Какие последствия? – спросил я.

– Паразит, – ответила Мэб. – Убив тебя и вырвавшись наружу, он отыщет всех, кого ты знаешь. И сотрет их с лица земли... начиная с одного конкретного ребенка.

Мои руки покрылись мурашками. Она говорила о Мэгги. Моей дочери.

– До нее ему не добраться, – прошептал я. – Она защищена.

– Но не от него, – отстраненно произнесла Мэб. – Не от создания, плоти от плоти твоей, как и она сама. Твоя смерть выпустит в этот мир смертельно опасное существо, мой Ры-

царь... того, кто знает о твоих друзьях все, что известно тебе самому. О любимых. О семье.

– Нет, этого не случится, – ответил я. – Я вернусь на остров. Я попрошу Альфреда изловить его, едва он вырвется на свободу.

Улыбка Мэб сделалась искренней. И это было гораздо страшнее ее пристального взгляда.

– О, милое мое дитя. – Она покачала головой. – С чего ты взял, что я позволю тебе вернуться?

Я стиснул кулаки и процедил сквозь зубы:

– Ах ты... тварь.

Мэб залепила мне пощечину.

Ладно, это не очень хорошо отражает то, что на самом деле произошло. Ее рука двинулась. Ее ладонь ударила меня в левую скулу, и через мгновение правая сторона моего черепа врезалась в дверь лифта. Моя голова отскочила от нее, как мячик для пинг-понга, ноги стали ватными, и я получил возможность очень, очень хорошо рассмотреть мраморную плитку на полу возле лифта. Металл зазвенел, словно гонг, и эхо этого звона не стихло даже пару минут спустя, когда я смог медленно сесть. Или, может быть, оно повторялось только у меня в голове.

– Я с радостью выслушаю твои предложения, вопросы, мысли и аргументы, мой Рыцарь, – спокойно сказала Мэб.

Она изящно приподняла ножку и уперлась кончиком высокого каблука мне в горло. Затем надавила на него, совсем

чуть-чуть, и это было адски больно.

– Но, Мэб, я – смертный. Не вам меня судить. Это понятно?

С каблуком, упирающимся в гортань, не очень-то поболтаешь. Пришлось дернуть головой, изображая кивок.

– Откажись повиноваться мне, если ты этого хочешь, – сказала она. – Я не смогу помешать тебе сделать это... если ты желаешь заплатить назначенную цену.

Она убрала ногу от моего горла.

Я сел и принялся его растирать.

– Это не очень хороший способ сохранить со мной нормальные рабочие отношения, – прохрипел я.

– Ты считаешь меня дурой, мой Рыцарь? – спросила она. – Подумай.

Я оглядел ее. Голос Мэб был совершенно спокоен. После того, что я сказал ей, после проявленного мной неповиновения, это было неожиданно. Она никогда не стеснялась выказывать свой гнев, если считала, что собеседник того заслуживает. И это абсолютное самообладание было... не то чтобы не в ее характере, но я ожидал намного больше напряженности, чем она демонстрировала. Мое неповиновение поставило под угрозу ее планы, а это никогда не оставляло ее в хорошем настроении.

Если только...

Я закрыл глаза и снова прокрутил в голове ее слова.

– Ваши указания, – медленно произнес я, – заключались в

том, чтобы пойти с Никодимусом и помогать ему до тех пор, пока он не достигнет своей цели.

– Верно, – сказала Мэб. – А своей целью он назвал изъять содержимое хранилища. – Она наклонилась и, ухватив меня за рубашку, подняла на ноги с такой легкостью, словно я весил не больше чихуа-хуа. – Я никогда не говорила, что ты должен делать после этого.

При этих словах я моргнул. Несколько раз.

– Вы... – Я понизил голос. – Вы хотите, чтобы я обвел его вокруг пальца?

– Я жду, что ты вернешь мой долг, следуя моим инструкциям, – ответила Мэб. – А после этого... – В полумраке ее губы снова растянулись в улыбке, на этот раз – самодовольной. – Я жду, что ты будешь собой.

– Что бы Никодимус ни замышлял на этот раз... вы тоже хотите его остановить, – выдохнул я.

Она едва заметно склонила голову.

– Вы знаете, что он не собирается честно соблюдать перемирие, – негромко произнес я. – В какой-то момент он хочет разделаться со мной. Он намерен предать меня.

– Разумеется, – сказала она. – И я жду незаурядного, более изобретательного предательства с твоей стороны.

– Не нарушая при этом вашего слова и помогая ему? – требовательно спросил я.

Ее улыбка сделалась шире.

– Что, сложнее, чем дважды два? – спросила она. – В мо-

лодости я получила бы удовольствие от такой непростой задачи.

– Да, – сказал я. – Круто. Спасибо.

– Капризные не становятся Зимними Рыцарями, – ответила Мэб.

Она повернулась к дверям лифта, где теперь красовалась огромная вмятина в форме чародейского черепа. Створки разошлись перед ней с протестующим стоном металла.

– Сделай это для меня, и я обеспечу безопасное удаление паразита, когда задание будет выполнено.

– Никодимус, дочка его и бог еще знает кто там у них в команде... Мне же придется работать со связанными руками, и вы ждете, что я выживу в этой игре?

– Если ты хочешь жить, если хочешь, чтобы жили твои друзья и твоя семья... Я жду, что ты не просто выживешь, – сказала Мэб, выходя из лифта. – Я жду, что ты сдерешь с них кожу живьем.

Глава 5

– К чести Мэб, – произнесла Кэррин Мёрфи, – стоит заметить, что она просит тебя сделать именно то, в чем ты спец.

Я моргнул:

– И что сие должно означать?

– Есть у тебя, Гарри, такая склонность – увиливать от сделок, в которые ты себя втягиваешь, – сказала она. – У тебя в этом богатый опыт.

– Хочешь сказать, я не должен им противиться? – требовательно спросил я.

– Вероятно, тебе лучше сосредоточиться на том, чтобы вообще не втягивать себя в них, – ответила она, – но это лишь скромное мнение бывшего копа.

Мы сидели в гостиной Кэррин, в маленьком домике, увитом розами, который достался ей в наследство от бабушки. Кэррин медленно попивала чай, свернувшись клубком на конце дивана, ее подтянутое мускулистое тело выглядело расслабленным. Мой большой серый кот, Мистер, растянулся у меня на коленях, нежась и мурлыча, пока я чесал его спину.

– Ты хорошо заботилась о нем, – сказал я. – Спасибо.

– У нас была отличная компания, – заметила она. – Хотя, думаю, ему больше бы понравилось жить с тобой.

Я оставил в покое спину Мистера и принялся чесать ему

за ушами, это он любил больше всего. Его урчание стало напоминать рев небольшой моторной лодки. Я даже не представлял себе, как сильно скучал по этому комку шерсти, пока он не прибежал и не врезался мне в голени, когда я вошел. Мистер весил почти тридцать фунтов. Мне было интересно, как миниатюрной Кэррин удавалось при каждом возвращении домой не оказаться сбитой с ног под напором его привязанности. Может, она использовала для самозащиты какие-то приемы айкидо?

– Это можно было бы устроить, – сказал я. – Ведь я, так сказать, уже обосновался там. К тому же на острове нет никого достаточно крупного, кто мог бы напасть на него. Но зимой там холодновато, а он не делается моложе.

– Все мы не делаемся моложе, – вздохнула Кэррин. – И вообще, посмотри на него.

Мистер перевернулся на спину и счастливо покусывал кончики моих пальцев, шлепая меня лапами по рукам, но при этом не выпуская когти. Конечно, это был потрепанный в боях старый котяра, без кончика хвоста и с порванным ухом, но, черт побери, это было так мило, что к глазам моим подступили слезы.

– Ну да, – ответил я. – Он мне как-никак друг.

Голубые глаза Кэррин улыбнулись мне из-за ободка чашки. Лишь ее деловой характер не позволял относиться к ней как к милой малышке. Золотисто-каштановые волосы Кэррин были собраны в конский хвост и, по-моему, стали длин-

нее за то время, пока я ее не видел. На ней были штаны для занятий йогой, майка-безрукавка и фланелевая рубашка, а когда я вошел, она упражнялась в каком-то из боевых искусств.

– Конечно, – продолжила она, – ты мог бы решить проблему и иным способом.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты мог бы жить здесь, – ответила она. Затем добавила, чуть поспешно: – В Чикаго. Ты мог бы... ну, ты понял. Переехать обратно в город.

Я нахмурился, продолжая ласкать кота:

– Я не... Слушай, когда очередной урод сожжет мой дом дотла, возможно, я окажусь не настолько везучим, как в прошлый раз.

– Твой прошлый раз закончился сломанной спиной и работой на монстра, – парировала Кэррин.

– Именно, – продолжил я. – И только благодаря буквально божественному вмешательству никто из моих соседей не погиб. – Я покачал головой. – Остров – это недоброе место, но никто не придет туда в поисках неприятностей.

– Кроме тебя, – мягко произнесла она. – Меня беспокоит, что с тобой может случиться, если ты останешься там один слишком долго. Такого рода изоляция не пойдет тебе на пользу, Гарри.

– Это необходимо, – ответил я. – Так безопаснее для меня. Так безопаснее для всех остальных.

– Что за чушь, – сказала она беззлобно. – Ты просто боишься.

– Ты чертовски права, – произнес я в ответ. – Боюсь, что какой-нибудь жукоглазый урод придет, чтобы вернуть должок, и убьет невинных людей просто потому, что они оказались в зоне поражения.

– Нет, – возразила она. – Тебя пугает другое. – Она махнула рукой. – Ты не хочешь, чтобы это случилось, и ты будешь сражаться, если это произойдет, но пугает тебя другое.

Я нахмурился и перевел взгляд на Мистера:

– Мне... действительно сложно об этом говорить.

– Так преодолей это, – сказала Кэррин еще мягче. – Гарри, когда вампиры схватили Мэгги... Они, можно сказать, разрушили твою жизнь. Они забрали все, что тебе дорого. Твой офис. Твой дом. Даже твою нелепую древнюю клоунскую тачку.

– «Голубой жучок» был не клоунской тачкой, – строго поправил я. – Он был машиной правосудия.

Я не смотрел на нее, но услышал улыбку в ее голосе, смешанную с чем-то похожим на сочувствие:

– Ты человек привычки, Гарри. А они забрали все привычные тебе места и вещи. Они причинили тебе боль.

Нечто темное и яростное всколыхнулось во мне на мгновение, угрожая выплеснуться наружу. Я затолкал это обратно.

– Так что идея крепости в каком-то знакомом месте, кото-

рую нельзя отобрать, действительно привлекает тебя на данный момент, – продолжила Кэррин. – Даже если это означает, что ты отрежешь себя от мира.

– Это не так, – сказал я.

Это не было так.

Правда ведь?

– И я в порядке, – добавил я.

– Ты не в порядке, – спокойно возразила Кэррин. – Тебе еще очень далеко до того, чтобы быть в порядке. И тебе нужно это знать.

Шерсть Мистера была очень теплой и мягкой на ощупь. Он мягко бил лапами по моим рукам. Его острые зубы так же мягко покусывали мое запястье. Я и забыл, как это приятно – просто держать на коленях такое вот пушистое существо.

Как я мог это забыть?

«...Я всего лишь человек».

«Пока что».

Я медленно покачал головой:

– Сейчас... не лучший момент, чтобы взывать к моим чувствам.

– Я знаю, – сказала она. – Но я ведь вижу тебя в первый раз за многие месяцы. Что, если другого шанса у меня не будет? – Она поставила чашку с чаем на поднос на кофейном столике и добавила: – Я согласна, что впереди много дел. Но тебе нужно понять, что твои друзья беспокоятся о тебе. А это тоже важно.

– Мои друзья, – промолвил я. – Так это... общественный проект?

Кэррин уставилась на меня. Затем поднялась с дивана и подошла ко мне. Несколько мгновений она смотрела на меня, а потом убрала мои волосы с глаз и сказала:

– Это я, Гарри.

Я невольно прикрыл глаза и подался навстречу ее руке. Ладонь казалась лихорадочно жаркой – разительный контраст с недавним прикосновением ледяных пальцев Мэб. Мы на мгновение застыли в этой позе, и по комнате разнеслось гортанное урчание Мистера.

В прикосновении к руке человека заключена сила. Мы всегда помним об этом. Существует причина, почему людижимают руки, держат друг друга за руки, дают пять, бьют кулаком о кулак.

Причина эта исходит из самых ранних наших воспоминаний, когда мы приходим в этот мир, ослепленные его светом и оттенками, оглушенные буйством звука, мечущиеся в этом бескрайнем пространстве без какого-либо способа сориентироваться, трясущиеся от холода, обессиленные от голода, испуганные и сбитые с толку. И что же прогоняет первый страх, первоначальное состояние ужаса?

Прикосновения рук другого человека.

Рук, которые окружают нас теплом, которые прижимают нас. Рук, которые дают нам укрытие, комфорт, пищу. Рук, которые держат нас, гладят, утешают, прогоняя наши самые

первые страхи, доставляют нас к самому первому убежищу, где утихает любая боль. Первое, чему мы учимся в жизни, — знание о том, что прикосновение руки другого человека может облегчить боль и все изменить к лучшему.

Это сила. Настолько основополагающая, что большинство людей за всю свою жизнь даже не догадываются о ее существовании.

Я прижался головой к руке Кэррин, и меня снова пробила дрожь.

— Хорошо, — тихо сказал я. — Хорошо. Это тоже важно.

— Вот и славно, — ответила она.

Еще на секунду задержав пальцы в моих волосах, она наконец убрала руку. Затем взяла наши чашки и понесла их обратно на кухню.

— Итак. Куда же ты направился после «Хард-рока»?

— Мм? — спросил я.

Ее голос продолжал доноситься с кухни:

— Учитывая тобой сказанное, ты ушел со встречи с Никодимусом около трех часов назад. Где ты был после этого?

— Хм... — протянул я. — Да, насчет этого...

Она вернулась с кухни и посмотрела на меня, выгнув золотистую бровь.

— А если я скажу, что мне нужно, чтобы ты мне доверяла?

Она нахмурилась и едва заметно кивнула, затем ее губы тронул намек на улыбку.

— Ты отправился на охоту за информацией?

– Хм... – протянул я в ответ. – Давай так: пока я не раз-
узнаю побольше о том, с чем мне предстоит столкнуться, я
буду прятать свои карты куда тщательнее, чем обычно.

Она нахмурилась:

– Скажи мне, что ты делаешь это не ради моего же блага.

– Ты бы надрала мне задницу, – ответил я. – Я делаю это
ради своего.

– Спасибо, – произнесла она. – Наверное.

– Не благодари меня, – ответил я. – Я все еще держу тебя
в неведении. Но я уверен, что это абсолютно необходимо.

– Значит, тебе нужно, чтобы я тебе доверяла.

– Ага.

Она развела руками:

– Хорошо. Так в чем заключается план? Предполагаю, ты
хочешь, чтобы я собрала команду поддержки и ждала разви-
тия событий, пока ты и Томас отправитесь играть с плохими
парнями?

Я покачал головой:

– Черт возьми, нет. Я хочу, чтобы ты проникла туда со
мной.

Моя фраза на мгновение лишила ее дара речи. Глаза Кэр-
рин расширились.

– С тобой. Ограбить греческого бога.

– Совершить кражу со взломом, технически, – ответил
я. – Я чертовски уверен, что если ты наставишь пушку на
Аида, то заслуживаешь всего, что с тобой сделают за это.

– Почему я? – спросила она. – Это Томас хорошо обращается с клинками и владеет суперсилой.

– Мне не нужны клинки и суперсила, – произнес я в ответ. – Каково первое правило самозащиты на улице?

– Бдительность, – мгновенно ответила она. – Не важно, насколько ты крут. Если ты не видишь опасность, то ничего не можешь с этим сделать.

– В точку, – сказал я. – Ты мне нужна, потому что у тебя нет сверхъестественных способностей. И никогда не было. Ты никогда не полагалась на них. Мне нужны лишние глаза. Мне нужно видеть все, мне нужен кто-то, кто прикроет мне спину, кто будет отмечать детали. Ты детектив, видевший, что сверхъестественное существует, пока все остальные успокаивали себя отговорками. Ты готова к худшему, и ты все еще здесь, чтобы это обсудить. У тебя лучшие глаза из всех, кого я знаю.

Кэррин секунду обдумывала мои слова, а затем медленно кивнула:

– И... ты думаешь, что я достаточно безумна, чтобы действительно это сделать?

– Ты мне нужна, – просто сказал я.

Кэррин отнеслась к этому серьезно.

– Пойду захвачу пушку, – ответила она.

Глава 6

Кэррин повезла нас по указанному на карточке адресу на своей новой машине – одном из этих миниатюрных японских джипов, которыми так восторгается Союз потребителей США, и мы оказались на месте примерно за десять минут до заката.

– Зброшенная скотобойня, – произнесла она. – Класс.

– Мне казалось, что район скотобоен уже давно весь снесли и перестроили, – сказал я.

Она припарковала машину и, проверив «зиг», который носила в наплечной кобуре, ответила:

– Почти весь. Пара развалюх еще держится.

Одна из таких развалюх представляла собой длинное приземистое строение – простая старая бетонная коробка, всего пару этажей в высоту, но в длину растянувшаяся на целый квартал. Просевшее, грязное, все покрытое пятнами и граффити – форменное уродство, стоявшее здесь, должно быть, еще до Второй мировой. Выведенная краской, едва читаемая надпись на одной из стен сообщала: «МЯСНАЯ КОМПАНИЯ САЛЛИВАНА». Окружающие строения были переделаны в соответствии с современными стандартами делового района... но я отметил, что работающие там люди, похоже, предпочитали не парковать свои машины в той части квартала, что занимала скотобойня.

Мне даже не нужно было выбираться из машины, чтобы ощутить витающую в этом месте энергию – темная и недоброжелательная дрянь, что-то вроде устойчивой ауры, заставляющей людей и животных неосознанно сторониться этого места. Потоки машин, казалось, обтекали его в беспорядочном броуновском движении, оставляя квартал почти полностью заброшенным. В каждом городе есть подобные места – места, куда люди предпочитают не соваться. Нет, они не бегут прочь, вопя от страха, ничего такого... они просто будто бы не находят повода свернуть на определенные улочки, остановиться на определенных участках дороги. И на то есть причина.

В подобных местах случаются плохие вещи.

– Ну что, заходим? – спросил я Кэррин.

– Давай немного понаблюдаем, – ответила она. – Посмотрим, что будет дальше.

– Так точно, Человек-Глаз, – произнес я.

– Представь себе, пожалуйста, что я сейчас пинаю тебя в лодыжку, – сказала в ответ Кэррин. – Потому что делать это на самом деле – ниже моего достоинства.

– С каких это пор?

– С таких, что я не хочу, чтобы своими противными мальчишескими микробами ты запачкал мои ботинки, – невозмутимо ответила она, наблюдая за улицей. – Так что тут забыл Никодимус?

– Без понятия, – признался я. – И за чем бы он ни охотил-

ся, ставлю на то, что он будет вешать мне лапшу на уши.

– Тогда зайду с другого конца, – сказала она. – Что такого есть у Аида?

– В том-то и дело, – ответил я. – Мои источники сообщают, что он является коллекционером от сверхъестественного мира. И славится этим своим увлечением. Произведения искусства, драгоценные камни, ювелирные изделия, антиквариат и много чего другого.

– Никодимус не особо похож на антиквара, тебе не кажется?

– Смотря что понимать под антиквариатом. Древние монеты. Древние мечи...

– То есть, – заключила она, – ты думаешь, что он охотится за каким-то магическим артефактом?

– Ага. И каким-то особенным. Иначе я не вижу причин, почему он не может раздобыть его где-нибудь еще, – ответил я.

– Может такое быть, что он пытается добиться чего-то самым фактом кражи?

Я пожал плечами:

– Например? Ну, кроме приведения в бешенство чего-то столь же огромного, могущественного и патологически мстительного, как гребаный греческий бог? Эти парни принимают вещи близко к сердцу.

– Верно. А что, если он готовит кражу, чтобы обставить все так, будто ее совершил кто-то другой?

– Об этом стоит подумать. Но по-моему, существуют более легкие способы это сделать, без вторжения в один из вариантов личного ада. – Я нахмурился. – Могу ли я тебя спросить кое о чем?

– Конечно.

– Ты планируешь взять с собой один из мечей?

Кэррин хранила два меча, выкованных из гвоздей с Креста (да-да, того самого). Мечи эти – могущественные обереги от злых сил, владели мечами Рыцари Креста – естественные враги Никодимуса и его команды из тридцати заключенных в серебряные монеты психов (да-да, те самые сребреники).

Она насупилась, изучая глазами улицу, и какое-то мгновение молчала. А когда ответила, у меня создалось впечатление, что она тщательно подбирает слова:

– Ты же знаешь, что с ними надо быть осторожнее.

– Это оружие, Кэррин, – сказал я. – Оружие, а не стеклянные статуэтки. Какой смысл обладать двумя подлинными святыми мечами, созданными, чтобы бороться со злом, если ты... ну, в общем, не борешься со злом?

– Забавная штука эти мечи, – ответила Кэррин. – С одной стороны, это наиболее подходящее оружие, чтобы убивать людей с помощью грубой силы. Но в то же время их так несложно разрушить. Используй их неправильно, и они разобьются, как стекло.

– Но мы же имеем дело с динарианцами, – напомнил я. – Для борьбы с ними мечи и предназначены.

– Мечи предназначены для борьбы с существами внутри монет. Владельцев же монет они предназначены спасать, – мягко, но решительно возразила она. – Именно поэтому я и не ношу их с собой. Я не хочу спасать этих животных, Гарри. Недостаточно просто использовать мечи против правильного врага. Нужно использовать их, исходя из правильных принципов... иначе они могут быть утрачены навсегда. И я не стану этому причиной.

– Значит, ты позволишь им просто лежать и пылиться? – осведомился я.

– Я вручу их тем, кто, по моему мнению, будет ими мудро и надлежащим образом пользоваться, – спокойно ответила она. – Но такие люди на дороге не валяются. Хранитель мечей – ответственная работа, Гарри. Ты сам это знаешь.

Я вздохнул:

– Ага. Знаю. Но Никодимус и его дочка здесь, в этом оружии, – и мы могли бы использовать любое доступное нам преимущество.

Кэррин неожиданно улыбнулась. Улыбка преобразила ее лицо, хотя глаза продолжали держать под наблюдением улицу.

– Тебе просто нужно немного веры, Гарри.

– Веры?

– Веры в то, что, если где-то требуется Рыцарь Меча, он там появится непременно. Вполне возможно, что сейчас по этой улице пройдет Саня и сядет к нам в машину.

Ее слова меня напрягли, хотя, вполне вероятно, Кэррин была права. Когда Рыцарю Меча было предназначено явиться и вмешаться, один из них всегда чертовски удачно появлялся на сцене и вмешивался независимо от того, кто или что стояло у него на пути. Я видел это, и не раз. Но... часть меня противилась мысли упустить преимущества, которые дали бы нам мечи.

Конечно, в этом и заключается вера – расслабиться и довериться кому-то еще.

Возможно, чародеи просто не предрасположены упускать контроль. Я имею в виду – не тогда, когда каждый из них имеет достаточное количество сил в запасе. Как только ты получил в свои руки первородное могущество, создавшее мир, немного сложно расслабиться и позволить ему ускользнуть сквозь пальцы. Это определенно объясняло бы, почему так мало чародеев из тех, кого я знаю, хотя бы немного религиозны.

А еще это вполне ясно иллюстрировало, почему мне никогда не стать Рыцарем. Помимо того, что я работаю на Королеву фэйри и сотрудничаю с уродами наподобие Никодимуса.

Взгляд Кэррин метнулся к зеркалу заднего вида и заострился.

– Машина, – тихо произнесла она.

В каком-нибудь шпионском боевике я бы невозмутимо наблюдал в зеркало заднего вида или, возможно, через свои

специальные отражающие солнечные очки. Но вряд ли меня можно было назвать невозмутимым или шпионом, я не чувствовал какой-либо особой нужды прятаться, поэтому обернулся назад и посмотрел в заднее стекло машины.

Белый седан с наклейкой прокатного агентства на бампере подъехал к обочине на половине пути к кварталу. Сделав это, автомобиль ощутимо задрожал, будто его двигатель с трудом совершал обороты, хотя машина была абсолютно новой. Перед тем как седан окончательно остановился, пассажирская дверца резко открылась и из машины выбралась женщина, будто ни на секунду не способная устоять на месте.

Выглядела она потрясающе: стройная, почти шести футов ростом, с длинными, сильно выющимися темными волосами, достигающими едва не до пояса. На ней были солнцезащитные очки, джинсы и плотный обтягивающий алый свитер. Формы, вырисовывавшиеся под ним, были куда рельефнее среднестатистических. Ее ковбойские ботинки решительно вбивались в асфальт, пока она длинными шагами пересекала улицу, направляясь напрямик к старой скотобойне. Выпятив острый подбородок и плотно сжав губы, она шла вперед, как будто была уверена, что путь чист... или ему лучше бы таковым оказаться.

– Горячая штучка, – сказала Кэррин нейтральным, изучающим тоном. – Человек?

Я не ощущал никаких исходящих от женщины сверхъестественных вибраций, но существует множество способов

опознать угрозу.

– Точно не скажу, – ответил я. – Но думаю, я знаю, кто это.

– Кто?

– Колдунья, – сказал я ей.

– Чародей-отступник?

– Ага. Когда я был Стражем, они рассылали портреты колдунов, которые в розыске, чтобы остальные Стражи могли их опознать. Я не охотился на колдунов. Но был в списке адресатов.

– Ах вот оно что, – сказала она. – Тебя послушать, так они весьма опасны.

– Большинство из них – опасные дети, – пояснил я. – Дети, которых никто не учил, не тренировал и которым никто не рассказывал о законах магии. – Я кивнул в сторону женщины. – Эту зовут Ханна Эшер. Она побила все рекорды по выживаемости среди других колдунов. Предположительно, она погибла при пожаре... в Австралии, кажется, лет шесть назад.

– Ты тоже однажды вроде бы утонул. И что, много после этого давил на тебя Совет?

– Верно подмечено, – ответил я.

– И что она натворила? – спросила Кэррин.

– Ты имеешь в виду в первый раз? Эшер сожгла трех человек изнутри, – сказал я.

– Господи Иисусе!

– Убила одного Стража, еще до того, как я к ним присо-

единился. А еще троих за несколько лет отправила в больницу.

– Чародеев натаскивают охотиться на чародеев-отступников, и она надрала им задницу?

– Именно. Поэтому непохоже, что ее беспокоит место, куда она идет.

– Мы тоже будем спокойны, когда пойдем туда, – сказала Кэррин.

– Да, будем, – согласился я.

– А вот и водитель.

Дверца со стороны водителя открылась, и из нее вышел лысый массивный человек среднего роста и в дорогом черном костюме. Я узнал его даже прежде, чем он поднял руку, чтобы снять темные очки, за которыми скрывались глаза, похожие на маленькие зеленые агаты. Кэррин тоже его узнала и издала короткий недобрый звук. Он убрал очки в карман, поправил то, что, скорее всего, было пистолетом в наплечной кобуре, и бросился вдогонку за Эшер с раздраженным выражением на своем лице грубой лепки.

– Вязальщик, – сказала Кэррин.

– Эрнест Арманд Тинуистл, – дополнил я. – Тупое имечко, не нужно винить его за то, что он предпочитает прозвище.

Хотя, если честно, это прозвище он выбрал себе не сам. Его дали ему Стражи, когда поняли, что он каким-то образом ухитрился подчинить своей воле целый клан тварей

из Небывальщины. Стоило Вязальщику свистнуть, являлась небольшая орда человекоподобных существ, которые, похоже, не чувствовали ничего, даже отдаленно напоминающего боль или страх, и без колебаний шли на смерть. Он был армией из одного человека. Я говорил маленькому говнюку, что прикончу его, если еще раз увижу в моем городе. Я говорил ему не возвращаться, но вот он здесь.

В течение примерно трех секунд я мог думать только о том, как его прикончить. Мне нужно быстро шевелиться, чтобы свести счеты прежде, чем он успеет вызвать кого-нибудь из своих дружков. Например, свернуть ему шею. Открыть дверь. Выйти из машины. Вызвать что-нибудь вроде вспышки света, чтобы поразить его более ничем не защищенные глаза. Дюжина быстрых шагов, чтобы его догнать, схватить за подбородок и затылок, резко дернуть вверх и в сторону. Поднять вокруг себя щит, чтобы он не смог наложить смертное проклятие, пока его мозг еще жив.

– Гарри, – резко шепнула мне Кэррин.

Я понял, что тяжело дышу и каждый мой выдох наполнен льдом. Это было влияние мантии силы Зимнего Рыцаря. Мои инстинкты откликались на первобытное желание защитить свою территорию от хищника. Температура в машине упала, словно Кэррин врубила кондиционер на полную. На окнах появились капельки конденсата.

Во мне пробуждалась Зима, и я прикрыл глаза, чтобы подавить ее в себе. За последний год на острове я делал это

так часто, что действие едва ли не превратилось в рутину. Обычными медитативными техниками нельзя было утомить вопящую во мне примитивную потребность в насилии. Я нашел только один способ бороться с этим. Мне нужно было пробудить более рациональную часть своего разума. Поэтому я мысленно пробежался по таблице умножения и полдюжине математических теорем, что заняло несколько секунд, а затем обрушил на желание прикончить Вязальщика прямо здесь и сейчас безжалостную логику.

– Первое – свидетели, – пробормотал я. – Пусть этот район заброшен, это все равно Чикаго, и здесь могут найтись свидетели, чье внимание я привлеку своими действиями. Второе – Эшер тоже здесь, и если она займет его сторону, то сможет ударить меня сзади до того, как я сумею защититься. Третье – если он окажется достаточно умен, чтобы избежать захвата, то они окружают меня с двух сторон.

Зимняя мантия возмутилась и сплюнула от недовольства где-то в районе моей груди, но отступила и вытекла из моих мыслей, оставив меня еще более уставшим и уязвимым, – но мое дыхание и температура тела вернулись в норму.

Я смотрел, как Вязальщик припустил неторопливой трусцой, пока не поравнялся с Эшер. Они тихо переговаривались, а затем вошли в старую скотобойню.

– Четвертое, – тихо добавил я. – Убивать людей плохо.

Я почувствовал на себе взгляд Кэррин. Взглянул на нее. Выражение ее лица было трудно прочитать.

Она положила свою руку поверх моей и спросила:

– Гарри, с тобой все в порядке?

Я не двигался и молчал.

– Мэб, – продолжила Кэррин. – Это все из-за Мэб. Из-за того, что она с тобой сделала.

– Это Зима, – наконец ответил я. – Это сила, но... примитивная. Жестокая. Бездумная. Сплошные инстинкты, чувства, эмоции. И когда эта сила внутри тебя, если ты спускаешь свои эмоции с поводка, она...

– Она превращает тебя в Ллойда Слейта, – закончила за меня Кэррин. – Или в эту мерзавку Мэйв.

Я отстранил от нее руку и произнес:

– Как я и сказал. Сейчас не время вызывать к моим чувствам.

Несколько секунд она рассматривала меня, потом ответила:

– Раз так, то это полная задница.

Я испустил горький смешок, который грозил появлением слез на глазах, и заставил только что усмиренную Зиму снова беспокойно заворочаться у меня внутри.

Я рискнул быстро взглянуть в глаза Кэррин и произнес:

– Я не хочу быть таким.

– Так избавься от нее, – ответила она.

– Единственный способ – вперед ногами, – сказал я.

Она покачала головой.

– Я не верю в это, – возразила она. – Всегда есть выход.

Способ исправить положение дел.

Ох, подруга!

Хотел бы я в это верить.

Снаружи горел закат. Закат – это не просто уход светила за относительный горизонт планеты. Это также изменение в сверхъестественной энергии. Не верите? Отправьтесь как-нибудь далеко от света цивилизации, сядьте, совершенно одни, там, где нет никаких зданий, машин, телефонов и толп людей. Продолжайте тихо сидеть, пока не поблекнет свет. Почувствуйте, как удлиняются тени. Почувствуйте, как существа, тихо ожидавшие конца дня, начинают шевелиться и вылезать наружу. Почувствуйте этот низменный инстинкт нервной дрожи, поднимающейся в кишках. Это то, как ваше тело передает энергию вашим чувствам. Для чародея вроде меня закат подобен одиночному удару в какой-то невообразимо огромный барабан.

Темные твари выходят на охоту ночью.

Но прямо сейчас у меня не было времени сомневаться в правильности выбранного пути. Оставалось всего три дня на то, чтобы задать жару Никодимусу Архлеону и его команде и вытащить эту штуковину из своей головы. И конечно, чтобы при этом не убили меня и мою подругу. Нужно было сосредоточиться на этом.

Об остальном у меня еще будет время позаботиться позднее.

– Пора, – сказал я Кэррин и открыл дверцу машины. –

Идем. Нас ждет работа.

Глава 7

Мы вышли из маленького джипа Кэррин и направились в сторону жуткой старой скотобойни, полной опасных существ. Жуткая старая скотобойня и опасные существа... Пожалуй, мне вам не нужно объяснять, какой сегодня намечался денек.

Знаете, иногда у меня такое чувство, что других дней не бывает.

Точнее, всегда.

Впрочем, я понятия не имею, что бы стал делать, если бы выдался другой день. Все равно рано или поздно пришлось бы признать, что мой опыт и наклонности отлично подходят для катаклизмов.

– Очень жаль, – задумчиво произнесла Кэррин.

– Очень жаль что?

– Что у нас нет времени на настоящую стрижку. Seriously, ты сам себя так обкорнал? У тебя что, не было зеркала?

Я смущенно потрогал голову:

– Ну, мне немного помогал Генерал. И вообще, что за дела, я же ничего не говорю про твои мужские ботинки.

– У них стальные носки, – ответила она хладнокровно. – На тот случай, если придется засадить их в задницу какого-нибудь придурка, назвавшего их мужскими. И ты правда позволил Туку помочь тебе с волосами?

– Ну не Альфреду же стоило это поручать. Он мог спустить с горы ледник или что-нибудь вроде того, чтобы отскрести волосы с моей головы.

– Альфреду?

– Духоприюту.

Кэррин вздрогнула:

– Ах, ты про этого.

– Не такой уж он плохой, – сказал я. – До красавчика чуток недотягивает, но он не плохой.

– Он демон, который целый город довел до безумия, чтобы заставить жителей убраться.

– И мог бы сделать намного хуже, – ответил я. – Он как большая страшная собака. Ты полицейский и имела с такими дело.

– Ты просто радуешься, что он там, когда кто-то пытается вломиться, потому что он может заставить любого вести себя настолько безумно, что никто после этого даже не вспомнит о том, что было.

– Именно. И никто не вспомнит твои уродливые мужские ботинки.

За разговорами мы подошли к двери. Мы оба понимали, зачем пытались поддеть друг друга. Не из вредности.

Просто нам было страшно.

Я войду первым. Мой укрепленный заклятиями черный кожаный плащ защитит лучше, чем жилет, который Кэррин должна была надеть под пальто. Я сжал свой новый посох

и приготовился, если потребуется, быстро поднять щит. Это был уже давно установленный порядок: если бы что-то вздумало наброситься на нас, я бы не дал ему подобраться близко, а она начала бы набивать его пулями.

Кэррин скрестила руки на груди, положив ладонь у приклада своей пушки, и кивнула. Я кивнул в ответ, убедился, что спереди мой плащ надежно застегнут, и открыл дверь.

Ни одна тварь не выскочила из тени с криком. Никто не начал по нам палить. И на том спасибо.

За дверью оказался длинный коридор, в дальнем конце которого горел свет – как раз достаточно, чтобы осмотреть путь. Старые потрескавшиеся внутренние стены были покрыты множеством граффити. Под порывами холодного ночного ветра с озера здание скрипело и стонало. К запаху плесени, витавшему в воздухе, примешивался еще один, почти неразличимый, но от которого меня бросало в дрожь... Застарелый запах смерти, вот что это было.

– Эти злобные уроды всегда выбирают для тусовок самые очаровательные места, – сказала Кэррин.

– Здесь какая-то темная энергия. Держит праздношатающихся людей подальше и не дает кому-то по случайности помешать. Из-за этого тут так уютно.

– Надеюсь, ты не собирался ничего сжигать в ближайшее время, хотя, если почувствуешь, что это необходимо...

Дойдя до конца коридора, мы уткнулись в лестничный пролет. Молча поднявшись по ступенькам, мы миновали

еще одну дверь и оказались на галерее над большим заводским цехом в два этажа высотой; галерея вытянулась по внутреннему периметру здания футов на триста-четырееста. Остатки подвесной конвейерной линии все еще были на месте; вероятно, когда-то она доставляла говяжьи туши от места забоя к участкам обработки, но самого оборудования, что когда-то стояло там, уже не было. Остались только пустовавшие тяжелые металлические рамы, удерживавшие оборудование, и несколько ржавых одиноких транспортных тележек, куда, должно быть, некогда загружали упакованные говяжьи ребра, мясо и фарш.

Посередине стояло с десяток совершенно новеньких ламп, в свете которых хорошо был виден громадный деревянный стол для переговоров, укомплектованный большими кожаными креслами. Рядом был еще один стол, похоже, накрытый для ужина. На нем стояли разнообразные блюда, напитки и дорогая кофеварка. В паре футов от него, в небольшом загоне из проволоочной сетки, сидела дюжина перепуганных коз. Коричневых и с подпалинами.

Козы. Н-да.

Никодимус сидел, чуть повернувшись боком, на переговорном столе, с пластиковым стаканчиком кофе в руке и добродушной улыбкой на лице. Эшер как раз опускалась в кресло, услужливо выдвинутое для нее одним из охранников Никодимуса. Вязальщик сел в кресло с ней рядом, кивнул Никодимусу и скрестил руки на груди с видом человека, при-

готовившегося к длительному ожиданию. Дейдрре, в своем девичьем обличе, подошла к столу, держа в каждой руке по стаканчику кофе, и с радушной улыбкой предложила их вновь прибывшим.

Я насчитал на навесной галерее с полдюжины безъязыких охранников Никодимуса, а Джордан, оруженосец, уже приведший себя в порядок, ждал нас на дальнем ее конце. Он был вооружен, но держал оружие в кобуре.

– Привет, Джордан! – сказал я. – А козы зачем?

Он наградил меня внимательным взглядом и ничего не ответил.

– Мне не нравится, когда пушки торчат сверху, снизу и вообще отовсюду, – сообщила Кэррин. – Полная задница.

– Ага. – Я повернулся к Джордану. – Иди скажи своему боссу, что мы спустимся к нему, как только его лакеи свалят отсюда и найдут себе другое занятие.

Джордан выглядел так, словно замечание его обидело.

– Твое мнение меня не колышет, Джордан, – продолжил я. – Иди передай боссу мои слова, или я ухожу. Сам будешь объяснять, почему прохлопал ценный объект.

Джордан стиснул зубы, но, повернувшись на одном каблуке, спустился по старой металлической лестнице и подошел к Никодимусу, что-то написал в маленьком блокноте и передал боссу.

Никодимус посмотрел на меня и улыбнулся. Потом отдал блокнот Джордану, кивнул и что-то сказал.

Джордан поджал губы и трижды пронзительно свистнул, чем немедленно привлек внимание охранников. Затем он повертел пальцем над головой, и все они сошли со своих мест, чтобы присоединиться к нему. После этого охранники направились к выходу, в дальний конец строения.

Пока они уходили, Эшер и Вязальщик повернулись и оценивающе глядели на меня, первая – заинтересованно, со сверкающими глазами, второй же – с небезосновательной опаской. Как только охранники скрылись из виду, я стал спускаться по лестнице. Кэррин следовала за мной, держась чуть сбоку.

– Вы стали слишком подозрительным, мистер Дрезден, – сказал Никодимус при моем приближении.

– Нельзя быть слишком подозрительным к таким, как вы, Никки, – ответил я.

Я знал, что Никодимус не любил фамильярного обращения и своего уменьшительного имени. Раздражение мелькнуло на его лице и тут же исчезло.

– Пожалуй, не могу вас за это винить. Раньше мы всегда встречались как противники. И никогда не работали как партнеры.

– Это потому, что вы задница, – сообщил я и уселся через два кресла от Вязальщика. Я посверлил его взглядом и снова обратился к Никодимусу: – У нас уже намечается конфликт интересов.

– Неужели?

Я указал большим пальцем на Вязальщика:

– Этот тип. Я говорил ему, что в следующий раз, когда он будет орудовать в Чикаго, у нас с ним будут проблемы.

– Господи! – воскликнул Вязальщик. На диалекте кокни вышло что-то вроде «гофподи». Он посмотрел на Никодимуса и добавил: – Я же говорил вам, что возникнут проблемы.

– Любые проблемы с мистером Тинуистлом – это ваши личные проблемы, Дрезден, – сказал Никодимус. – Пока работа не окончена, я жду, что вы будете относиться к нему как к партнеру и коллеге. Иначе долг Мэб не будет зачтен, и я буду вынужден сообщить общественности об этом при-
скорбном факте.

Другими словами, это означало, что имя Мэб будет смешано с грязью. И я знал кое-кого, на ком бы она захотела выместить злость.

Я оглянулся через плечо на Кэррин, которая заняла позицию сзади и немного сбоку. Выражение ее лица было бесстрастным, взгляд был обращен в никуда. Она слегка пожала плечами.

– Ну хорошо, – согласился я, поворачиваясь к Никодимусу. Смерил взглядом Вязальщика. – Даю тебе трехдневный пропуск, Вязальщик. Но имей в виду, что после я собираюсь спросить с тебя за все, что ты натворил в моем городе. Я на моем месте поостерегся бы.

Вязальщик сглотнул.

И тут поднялась Эшер.

– Привет, – обратилась она ко мне с ослепительной улыбкой. – Нас не представили. Я – Ханна. Отвалите от моего партнера, пока целы.

– Я знаю, кто ты, горячая штучка, – медленно произнес я, но не встал со своего места. Свой посох я положил на стол. – И я уже отвалил от твоего партнера. Это можно определить по отсутствию крови вокруг. Остынь, Эшер.

Улыбка Эшер растаяла при звуке моих слов, а ее темные глаза сузились. Она разок стукнула пальцами по столу. Медленно, словно обдумывала что-то. Ее рта коснулась ухмылка.

– Значит, вы печально известный Дрезден. – Ее глаза проследовали от меня к Кэррин, которая была ниже ее почти на фут. – И это что, ваш телохранитель? Разве они не должны быть немного покрупнее?

– Она официально защищает права всех гномов, – парировал я. – И она будет вдабливать эти права вам в черепушку, пока вы не проявите хотя бы немного уважения.

– Хочу посмотреть, как она попробует, – заявила Эшер.

– А ты этого не увидишь, – спокойно ответила Кэррин.

В одно мгновение помещение наполнила напряженная тишина, хотя Кэррин даже не пошевелилась. Я знал, что она продолжает стоять там, где стояла, не глядя ни на кого и при этом наблюдая за всеми. Пугающее зрелище, если вы знаете, как выглядят по-настоящему опасные люди. Эшер знала. Я заметил, как напряглись ее шея и плечи и сжались челюсти.

– Остынь, Ханна, – попытался успокоить ее Вязальщик.

Он знал, как стремительно Кэррин выхватывает оружие. Она расправилась с парочкой его приспешников, когда он в прошлый раз побывал в городе. – Дрезден объявил перемирие. Мы же все профессионалы. Остынь.

– Дамы и господа, – с настойчивостью обратился ко всем Никодимус, пытаясь придать своему голосу отеческие нотки, затем прошел во главу стола (естественно) и уселся. – Право слово, можем мы наконец сесть на места и приступить к работе?

– Я за, – согласился я, но не отрывал глаз от Эшер и Вязальщика, пока Эшер не фыркнула и не вернулась на свое место.

– Не хотите ли присесть, мисс Мёрфи? – спросил Никодимус.

– Мне и здесь неплохо, – сказала Кэррин.

– Как пожелаете, – кивнул Никодимус. – Дейрдре?

Дейрдре взяла охапку папок и обошла стол, раздавая по одной каждому сидящему. Она демонстративно пропустила Кэррин, которая оставила этот факт без внимания. Я открыл свою достаточно тонкую папку и обнаружил титульный лист с надписью: «ДЕНЬ ПЕРВЫЙ».

– Все вы в курсе, какова наша главная цель, – сказал Никодимус, – хотя конкретные детали до поры до времени я бы предпочел оставить при себе. Уверен, никому здесь не надо объяснять, почему необходимо соблюдать секретность. У нашей цели множество способов получать информацию, и

если он каким-либо образом узнает о нашем предприятии, всех нас ждет быстрый и бесславный конец.

— Держать рот на замке, — сказал я достаточно громко, чтобы это вызвало раздражение. — Принято.

Никодимус вновь одарил меня неулыбкой.

— Для того чтобы разъяснить вам все возможные выгоды, которые может принести данное предприятие, следует сказать, что вам будет выплачено по два миллиона долларов в случае успешного его завершения, гарантированно.

У Кэррин на секунду перехватило дыхание. А мой желудок неприятно заныл.

Адские погремушки! Два миллиона долларов.

Поймите, я не собирался брать деньги Никодимуса. Я пошел на это не из-за денег. И Кэррин тоже. Но никто из нас не был уж настолько богат, и счета всегда ожидали оплаты. Звезды и камни! Да на два миллиона баксов можно купить целую гору китайской лапши.

— Кроме того, — продолжил Никодимус, — все, что вы сможете унести, станет вашим. Ценности, которые там находятся, неисчислимы... их больше, чем мы сможем погрузить в товарный состав, и гораздо больше, чем можно унести на своих двоих.

— Что за ценности? — спросил Вязальщик. — Деньги, вы хотите сказать?

— Деньги тоже, если на то пошло, — ответил Никодимус с глубочайшим презрением. — Но подозреваю, их коллекцио-

нировали скорее как диковинку, а не по какой-нибудь другой причине. Настоящие сокровища – это золото. Драгоценности. Предметы искусства. Бесценные исторические артефакты. Практически каждая редкая ценная вещь, таинственно пропавшая без следа в последние две тысячи лет, попала туда. Полагаю, наиболее целесообразным вариантом будет наполнить пару мешков редкими камнями. Их сложно отследить. Но если хотите взять что-нибудь более уникальное – берите. Главное, чтобы вы смогли это нести и не задерживали остальных при отходе. Я думаю, каждый из вас с легкостью увеличит свой куш на порядок.

Значит, не два миллиона каждому.

Двадцать два миллиона каждому.

Это была настолько большая сумма, что ее было почти невозможно представить... и это само по себе уже давало представление о том, насколько она чертовски большая.

– А что вы сами получите с этого? – спросила Эшер с явным подозрением. – Раз вы готовы раздать по два миллиона каждому, то охотитесь не за деньгами. И мешок с алмазами вам не нужен.

После этих слов она стала нравиться мне чуть-чуть больше. А ее тон удвоил впечатление.

Никодимус улыбнулся:

– Я внесу полную ясность перед тем, как мы возьмемся за дело. Сейчас вам достаточно знать, что речь идет об одном небольшом предмете, имеющем довольно низкую денежную

СТОИМОСТЬ.

«Лжец», – подумал я.

– Я уже сказал Дрездену, что до этого он знал меня только как своего противника. Значительная часть моей репутации была создана при помощи тех, кто противостоял мне, – в смысле, переживших подобную конфронтацию. – Он улыбнулся и глотнул кофе. – Но у монеты есть и обратная сторона. Никто не проработает столько, сколько я, предавая союзников. Это попросту непрактично. Безусловно, кто-то использует любое доступное преимущество, чтобы расправиться с врагом... но когда я работаю с партнерами, я не отворачиваюсь от них и не бросаю на произвол судьбы. И исхожу я не из сентиментальности. Я делаю это потому, что веду дела со множеством людей на протяжении веков, и предательство – неудачная инвестиция в долгосрочной перспективе. Это просто неправильное ведение бизнеса.

«Лжец», – снова подумал я. Может быть, чуть менее уверенно, чем прежде. Его слова имели смысл. В сверхъестественном мире куча людей и других существ отмеряют жизнь промежутками длиною в века. Например, разозлите молодого чародея, подождите триста лет и обнаружите, что он не забыл обиду... и все еще копит силы для наглядной демонстрации неприемлемости вашего поступка. Стоит попасться на пути у вампира, и он будет охотиться на вас тысячелетиями.

Именно некоторая толика безжалостного прагматизма и

делала возможными какие-либо сделки между различными созданиями сверхъестественного мира. Я мог убедиться в этом на примере соглашения между моим дедом и профессиональным убийцей по прозвищу Адский Пес. Насмотрелся я подобного и за многолетнюю практику стычек с плохими парнями – большинство из них были не прочь заключить со мной сделку. Черт, да я и сам ее заключил, с Мэб. А она в свою очередь заключила сделку с Никодимусом, из-за чего я, собственно, и торчу сейчас здесь.

Так что вполне возможно, что он сказал правду. Или, по крайней мере, он был столь же искренен, как и я, касательно общей идеи заключения альянсов. Нам нужно было выполнить его план, а потом убраться оттуда. И я был готов поставить на то, что до этого момента он будет держать слово.

И я не имел ни малейшего понятия, что произойдет после.

С другой стороны, он приложил все усилия, чтобы стереть любое упоминание о себе из человеческой памяти, уничтожая свидетельства своих деяний на протяжении веков. Честные парни не лезут из кожи вон, чтобы скрыть содеянное.

Но это не имело значения. Мэб дала слово. Я должен был быть пай-мальчиком, пока мы не стащим пожитки Аида или пока Никодимус первый не попробует воткнуть мне нож в спину.

Сплошное веселье!

Я перевернул страницу и обнаружил фотографию женщины, которую не видел уже... Адские погремушки, почти де-

сять лет? Она не сильно изменилась за это время, разве что стала выглядеть более опытной и суровой. Я не был уверен, что она рада будет меня видеть, но я был чертовски уверен в том, что она подумает о Никодимусе.

И когда это я успел стать тем парнем, с которым все это происходило десять лет назад?

Никодимус продолжил тоном лектора:

– Чтобы выйти на цель в Небывальщине, нам нужно место, к которому она привязана здесь, в мире смертных. А это значит, нам придется проникнуть на строго охраняемый объект в этом мире, прежде чем мы примемся за дело в Небывальщине.

Я поднял руку.

– Будем исходить из этого, – произнес Никодимус, немного помолчал и вздохнул. – Да, мистер Дрезден?

– Вы издеваетесь, – сказал я, – она никогда не будет с вами работать.

– Возможно, нет, – согласился Никодимус. – Однако она может согласиться работать с вами. Нам нужен эксперт по охранным системам с практическими знаниями о мире сверхъестественного. Число таких лиц весьма ограничено. Я назначил ей встречу на приеме, который начнется примерно через полтора часа. Вы с мисс Эшер войдете с ней в контакт и уговорите присоединиться к нашему делу.

– А если она откажется? – спросил я.

– Постарайтесь быть убедительным, – отрезал он. – Она

нужна нам, чтобы дело увенчалось успехом.

Я стиснул зубы и кивнул. Черт, если она нужна Никодиму-су, может быть, провалив это задание, мне удастся расстроить его планы.

– Ладно. Но это буду я и Мёрфи.

– Нет, – возразила Эшер. – Это буду я и Вязальщик.

– Боюсь, что встреча намечена в официальной обстановке, – пояснил Никодимус. – Я взял на себя смелость подготовить соответствующую одежду и документы для Дрездена и мисс Эшер. И они не подойдут ни мисс Мёрфи, ни Вязальщику. Может, мисс Мёрфи будет вашим водителем? Обувь у нее подходящая.

Я не слышал звука, но не сомневался, что Кэррин скрипнула зубами.

– Вязальщик, – сказал Никодимус, – у меня есть для вас поручение. Вы должны забрать с вокзала четвертого, точнее – прошу прощения, мисс Мёрфи, – пятого члена команды. Он настаивал, чтобы его встретил кто-нибудь знакомый.

Вязальщик кивнул:

– Кто приезжает?

– Гудман Грей.

Лицо Вязальщика стало серым.

– А, да, я с ним работал.

– Кто он? – спросила Эшер.

– Он... с ним лучше не ссориться, – ответил Вязальщик. – Но он профи. Я за ним заеду. Все пройдет как по маслу.

Эшер недовольно поджала губы, но кивнула:

– Тогда ладно. – Она посмотрела на меня через стол и улыбнулась. – Ну что, Дрезден, похоже, пришло время надевать вечерние платья.

– Фу-ты, – ответил я. – Вот это будет потеха.

И закрыл папку на странице с фотографией Анны Вальмон.

Глава 8

Дейрдре принесла мне сумку с одеждой и указала на небольшую комнату отдыха для персонала, совмещенную с кухней. Ее освещала еще одна пара ламп. Я вошел, закрыл дверь и открыл сумку. В ней оказался черный смокинг и все необходимые аксессуары. Я вытащил его и прикинул, что размер вполне подходящий.

На мгновение меня охватила паранойя. Что, если конечной целью всего этого предприятия было заставить меня снять плащ и с легкостью замочить меня, открыв огонь через стену? Я уже знал, каково быть застреленным, и этого опыта мне вполне хватало. Сцены с Сонни Корлеоне заплясали у меня перед глазами.

Но я не думал, что это произойдет. Снаружи за всем приглядывала Кэррин. Если бы они осмелились навести на меня пушку, она бы как минимум подняла шум, чтобы дать мне об этом знать. Кроме того, Никодимусу еще нужно было осуществить свои планы. Не думаю, что он захочет рисковать своим имиджем «надежного союзника», пока ему не представится возможность поиметь всех наиболее эффективным и необратимым способом. Если он убьет меня сейчас, Мэб примет это очень близко к сердцу. Не важно, как давно ты в подобном бизнесе. Перешел дорогу Мэб – и можешь уже не строить план на следующую пятилетку.

Я снял плащ, разделся и стал облачаться в смокинг.

В самый дьявольски неподходящий момент дверь вновь распахнулась, и Ханна Эшер полезла в комнату со своим собственным пакетом в руках.

Она медленно и неприкрыто оглядела меня с головы до ног, не переставая при этом ухмыляться.

Я был совершенно уверен, что температура в комнате не изменилась, но мог бы поклясться, что стало жарковато. У некоторых женщин есть такая не поддающаяся четкому определению особенность, которую называют по-разному. Я всегда называл ее жаром или огнем. Она не обязательно (хотя и часто) связана с сексом. И у Ханны эта особенность определено была.

Я понимал язык ее тела и глаз. Лицо и тело говорили, что она прекрасно знает, какой эффект производит на меня, и вовсе не возражает против этого. Можно сказать, что желание накрыло меня с головой, но ему было не угнаться за внезапно напавшим на меня чисто физическим голодом.

Ханна Эшер была чертовски привлекательной. А я не покидал остров очень, очень долго.

Я отвернулся в попытке проигнорировать ее, пока не застегну пояс. Могучие чародеи не дергаются только потому, что кто-то увидел их в трусах.

Эшер отступила на пару шагов и еще раз меня оглядела. На ее лице растянулась улыбка.

– Черт возьми, Дрезден, – воскликнула она. – Ты что, хо-

дишь в спортзал?

– Э-э-э, – выдавил я. – Паркур.

Мой ответ ее, похоже, позабавил.

– Ну что ж, это определенно тебе на пользу.

Не глядя она повесила сумку на ручку шкафа и расстегнула ее, все это время не сводя с меня глаз.

– Так много шрамов.

У нее были длинные руки. Ее пальцы легко коснулись моего плеча.

– Откуда этот?

От ее прикосновения вниз по позвоночнику и животу начал разливаться жар. Всякие магические привороты были тут ни при чем. Я был в полной боевой готовности для такого рода глупостей с того самого момента, как мои ноги коснулись берега. Все было куда хуже. Это была химия, простая и чистая. Мое тело решило, что Эшер ему нужна, и плевать оно хотело на мнение мозга.

Я отдернул плечо, одарил ее свирепым взглядом и произнес:

– Эй! Я тебя не смущаю?

Она скрестила руки на груди и улыбнулась еще шире:

– Вовсе нет. Так откуда он?

Я сердито на нее посмотрел и вновь занялся смокингом.

– Агент ФБР меня подстрелил. Около двенадцати лет назад.

– Серьезно? – удивилась Ханна. – Шрама уже почти не

видно.

– У чародеев все быстро заживает.

– Твоя левая рука. Это от огня.

– Вампирский прихвостень, – пояснил я. – С самодельным огнеметом.

– Какая Коллегия?

– Черная.

– Интересно, – сказала Эшер и стянула свитер одним плавным движением.

Как и обещали контуры, проглядывавшие под свитером, на ее тело приятно было посмотреть. И не только посмотреть. Мое либидо бурно его одобряло.

Я быстренько повернулся к ней спиной:

– Эй!

– Ты издеваешься? – спросила она с примесью чего-то похожего на смешок в голосе. – Отворачиваться? От этого? Да что ты за легендарный крутой парень такой, Дрезден?

– Не знающий вас крутой парень, мисс Эшер, – ответил я.

– Это поправимо. – В ее голосе были дразнящие нотки. – И с чего это я вдруг «мисс Эшер»?

Ее черный атласный лифчик мельтешил у меня в периферическом зрении. По краю его шли кружева.

Я торопливо натянул брюки, стремясь уберечь себя от позора.

– Послушай, – сказал я. – Мы работаем вместе. Можем мы просто сделать свою работу?

– А на спине у тебя не так много шрамов, – невозмутимо заметила она. – Тебе нечасто приходится убегать?

– Убегаю я постоянно, – ответил я, просовывая руки в рукава рубашки. – Но если будешь часто давать атаковать себя со спины, то заработаешь не шрамы. А только яму в земле.

Ее сапоги глухо ударили подошвами об пол. Опять же периферийным зрением я отметил, что к бюстгальтеру прибавились носочки и джинсы.

– Эта воришка, за которой мы отправляемся, – сказала она. – Вас обоих связывает какая-то история?

– Типа того. Она сперла мою тачку.

Она испустила отрывистый смешок:

– И ты позволил ей?

– Она вернула ее обратно, – пояснил я. – Я однажды выручил ее из беды.

– И как думаешь, сможешь ты убедить ее пойти с нами?

– Будь дело только во мне, это было бы вполне вероятно, – ответил я.

– Или ты попытаешься вставить Никодимусу палки в колеса, сделав так, чтобы она точно не согласилась с нами работать, – спокойно предположила она. – Ты же так его любишь.

Упс. А она была весьма проницательна.

– Что? – сыграл я дурака.

– Судя по твоему ответу, врун из тебя тоже неважный, – заметила она, шурша одеждой. – Не расстраивайся. Я в этом

профи. У меня своего рода нюх на людей.

– И какого же рода нюх?

– Ну, например, прямо сейчас я могу сказать, что ты на взводе, как двадцать часовых пружин, – принялась перечислять она. – Ты нервничаешь, напуган и зол, а еще готов взорваться от воздержания. Видела я только что вышедших из тюрьмы, которых не так распирало, как тебя.

Она обезоружила меня своим заявлением в самый разгар застегивания запонок.

– Кроме шуток, я могу видеть, что ты ослаб. Тебе следует немного выпустить пар. Это пойдет тебе только на пользу.

– Ты что, эксперт? – спросил я. Голос мой прозвучал слегка грубовато.

– По выпусканию пара? – ответила она вопросом на вопрос, а в ее голосе снова прозвучали дразнящие нотки. – Можно сказать, да. Поможешь мне застегнуться?

Я повернулся и обнаружил, что она расположилась ко мне спиной. На ней было сногсшибательное, облегающее фигуру черное платье, глубину цвета которого подчеркивали сверкающие черные, под цвет платья, блески. Ее ноги были просто превосходны. Платье почти не прикрывало спину, но на несколько дюймов выше уровня бедер все же имелась молния. Я был уверен, что она могла справиться и без моей помощи. Но все же шагнул к ней и застегнул.

Она пахла полевыми цветами в лучах жаркого солнца. Когда она пошевелила головой, ее длинные выующиеся волосы

коснулись верха моих ладоней.

Я чувствовал, как во мне возбужденно ворочается Зима, реагируя на все, что вызывало чувственное влечение, и страстно желая выхода. Это было нехорошо. Зима считала, что секс – это почти так же весело, как насилие, и что они становятся еще лучше, если смешать их вместе. Как шоколад и арахисовое масло.

Я принялся мысленно перемножать в уме числа и снова отошел в сторону, пытаюсь сосредоточиться на одевании, и на «восемью восемь», и на том, как надеть носки, не присаживаясь и не замечая женщину, не сводившую с меня глаз.

– Приятель, – сказала она наконец, – да ты уже не раз обжигался.

Я застегнул булавку галстука на воротнике, расправив его на ощупь.

– Ты даже не представляешь сколько.

– Прекрасно, – сказала она твердым и спокойным голосом. – Ты не хочешь смешивать работу и удовольствие, это круто. Ты мне нравишься. Мне нравится твой стиль. Но эта работа важна для меня, и для моего партнера тоже. Имей в виду – подставишь нас, и у нас с тобой будут проблемы.

– Вы правда думаете, что справитесь с чародеем Белого Совета, мисс Эшер? – спросил я.

– Мне не привыкать, – ответила она без тени сомнения или бравады в голосе.

Я повернулся к ней лицом и обнаружил, что благодаря па-

ре туфель на каблуках, которые подходили к платью, ее глаза были теперь почти на одном уровне с моими. Она пыталась застегнуть на руке тонкий бриллиантовый браслет «ручеек».

Я снова подошел к ней и взялся за застёжки браслета.

– Выслушай и ты мои условия, – сказал я. Зима, пронизывающая мой голос, делала его тихим, холодным и жестким. – Этот город – мой дом. Если ты навредишь кому-нибудь в моем городе, я порву тебя в клочья и вышвырну отсюда вместе с остальным мусором. И вспомни картинку моей спины, если начнешь раздумывать, не всадить ли в нее нож. Только попробуй, и я тебя в землю зарую.

Я справился с застёжкой и поднял на нее взгляд. Она сохраняла бесстрастное выражение лица... но под этой маской я видел возросшую неуверенность. Она чуть поспешно высвободила руку, следя за моей позой, будто ожидая, что я попытаюсь ее ударить.

Я и раньше вел жесткие разговоры со всякими монстрами и прочими опасными личностями. Но только не мог припомнить, что они проходили в такие интимные и домашние моменты, как, например, совместное одевание или помощь с застегиванием браслета. В этом ее жесте было что-то, что делало Ханну Эшер в первую очередь женщиной и только во вторую – опасной колдуньей. А я ловко воспользовался моментом для запугивания... что, скорее всего, делало меня в ее глазах в первую очередь страшным Стражем Белого Совета, мочившим всех подряд паранормальных преступников, и

только во вторую – человеком.

Супер. Привет, я – Гарри Дрезден, Запугиватель Женщин. Не самое лучшее начало знакомства с женщиной, вместе с которой я собираюсь заняться опасной и грязной работой.

В следующий раз нужно просто сунуть ей в лицо пистолет.
– Отлично выглядишь. – Мой голос звучал намного вежливее, чем пару секунд назад. – За работу!

Глава 9

Отель «Пенинсула» – один из самых шикарных среди всех отелей Чикаго. Его большой банкетный зал занимает едва ли не целый гектар. Все важные события чикагской ночной жизни редко начинаются раньше восьми вечера. Людям нужно дать время вернуться домой с работы и навести марафет, чтобы показать себя в лучшем виде. Мы с Эшер заявили неприлично рано, в районе половины восьмого.

– Я буду ждать здесь, – сказала Кэррин с переднего сиденья черного лимузина, которым снабдил нас Никодимус. Она проверила автомобиль на взрывчатку. Я же прошелся по нему на предмет менее опасных угроз.

– Не знаю, сколько времени все это займет. Копы не задержат тебя за то, что прстоишь долго?

– Я все еще знаю пару ребят в силах правопорядка, – ответила она. – Но возможно, мне придется поехать по кварталу. Сигналь вспышкой, если вляпаешься в неприятности.

Кэррин протянула мне пластиковую коробочку с бутоньеркой из розы цвета вечерней зари:

– Не забудь свой условный знак.

– Да не нужен мне условный знак. Я и так ее узнаю.

– А она узнает тебя, – возразила Кэррин. – Если не дашь понять, что должен с ней поговорить, она может скрыться. Не так уж трудно будет заметить твое появление.

– Ну хорошо, – согласился я, открыл коробочку и тут же ухитрился уколоть палец булавкой, пытаясь прикрепить чертову шутовину к лацкану.

– Давай сюда, – вмешалась Эшер.

Она взяла цветок, вытерла булавку бумажной салфеткой и передала ее Кэррин вместе с крошечной капелькой моей крови. А потом закрепила цветок на смокинге. Она не пыталась изображать женщину-вамп, но низкий вырез ее платья пару раз открыл восхитительное зрелище. Я старался не пялиться, и мне даже частично это удалось.

– Приехали! – сказала Кэррин и вылезла из машины. Она обошла вокруг и открыла передо мной дверцу. Я вышел, помог выбраться Эшер, и, выходя, она так сверкнула своей стройненькой ножкой, что никто из персонала отеля на входе даже не взглянул на меня, разве только мельком. Кэррин села обратно в автомобиль и тихо испарилась, как настоящий профессионал, а я протянул Эшер руку и сопровождал ее внутрь.

– Постарайся не смотреться вот так, – едва слышно сказал Эшер, после того как мы вошли в лифт.

– Как «так»? – не понял я.

– Так, словно ты все время ждешь, что из мусорных ведер выскочат ниндзя. Это же обычная вечеринка.

– Все знают, что ниндзя не существует, – пошутил я. – Но что-то точно произойдет. Можешь не сомневаться.

– Все обойдется, если мы все сделаем правильно, – отве-

тила Эшер.

– Тебе придется довериться мне в этом вопросе, – возразил я. – Всегда что-то идет не так. Без разницы, насколько ты умен, насколько проработан план и насколько проста задача, – что-то всегда идет не так. В жизни вообще ничего не бывает просто. Так уж устроен мир.

Эшер пронзила меня взглядом:

– Ты очень пессимистично настроен. Просто расслабься, и мы справимся. Постарайся не озира́ться по сторонам так часто. И бога ради, улыбнись.

Я улыбнулся.

– Может, не стоит так играть желваками?

Двери открылись, и мы вышли в коридор, ведущий в большой банкетный зал. Перед входом стояла пара охранников, одетых в цвета отеля; они пытались выглядеть дружелюбно и услужливо. Я подошел к ним и протянул наши тисненные приглашения и фальшивые документы. В чем в чем, а уж в этом Никодимусу нельзя было отказать – он предусматривал все до мелочей. Просто возмутительно, и когда только успевал, да еще и с таким качеством. Поддельные права (на имя Говарда Делроя Оберхайта, миленько) выглядели достовернее, чем настоящие водительские права штата Иллинойс, что когда-то у меня были. Охранники оглядели меня, затем мои права (тщательно), но подвоха не заметили. Эшер (в девичестве – Хармони Эрмитейдж) широко улыбнулась им и принялась дружелюбно болтать. К ее правам они сильно не

присматривались.

И я не мог их за это винить. Эшер выглядела именно так, как полагается выглядеть женщине, появившейся на приеме среди высших слоев общества. Во мне вышибалы из отеля распознали своего собрата – только выше ростом и более покрытого шрамами. Но так как я сопровождал Ханну, они позволили мне пройти.

В интерьере банкетного зала преобладали китайские мотивы. Широкие полосы красной ткани, ниспадающие с потолка красивыми складками, разделяли зал на множество уютных уголков. Весело поблескивали бумажные фонарики, повсюду были расставлены стойки из бамбука... Был даже сад-дзен с иссеченным аккуратными бороздками песком. Персонал в основном состоял из женщин в красных шелковых блузах с оранжевыми воротниками. Официанты в белых пиджаках с черными галстуками как раз заканчивали сервировать шведский стол. Когда мы вошли, я не увидел, но отчетливо услышал, как играет живая группа – духовые инструменты, барабаны и пианино, всего человек семь, исполняющих какую-то классическую танцевальную композицию.

Войдя, я медленно осмотрел зал, но Анны Вальмон нигде не увидел.

– Насчет той воровки, с которой у нас назначена встреча, – спросила Эшер. – Чем она знаменита?

– Она принадлежала к банде так называемых Церковных Мышей, – объяснил я. – Они специализировались на ограб-

лении церквей по всей Европе. Никодимус нанял их несколько лет назад, чтобы они украли Туринскую плащаницу.

Эшер повернула ко мне голову:

– И что, удачно?

– Они украли ее втроем, – продолжил я. – Думаю, что они пытались завысить цену. Никодимус и Дейрдре убили двоих и убили бы Анну, не вмешайся я.

Ее глаза чуть расширились.

– И теперь Никодимус хочет, чтобы она ему помогала?

Я тихо фыркнул:

– Ага.

Эшер прищурилась и какое-то мгновение разглядывала меня.

– Ох!

– Что? – не понял я.

– Нет, просто... восхищаюсь такой аферой, – ответила она. – То есть не одобряю, но это замечательно.

– И чем же? – поинтересовался я.

– Разве не понятно?

– Я стараюсь не думать такими категориями, – ответил я.

Официанты сняли крышки с серебряных подносов, и уже через мгновение мой нос ощутил запах жареной курицы и говядины. Желудок громко заурчал. Очень долгое время я питался тем, что готовил себе в камине. Голод это, конечно, утоляло, но, учитывая мои кулинарные навыки, настоящей едой назвать это было сложно. Шведский стол источал такие

соблазнительные ароматы, что я уже почти готов был услышать звук капающей у меня изо рта слюны.

– Если ты не будешь так думать, то кто-нибудь это сделает за тебя, – сказала Эшер. – В любом случае тебе придется защищаться... Эй, ты, часом, не проголодался?

– Угу, – кивнул я в ответ. – К тому же у нас вроде бы образовалось свободное время, которое нужно как-то убить.

– Значит, мы не испортим себе репутацию, совершив налет на шведский стол?

– Даже Питт и Клуни должны чем-то питаться, – подтвердил я. – Идем.

И мы совершили этот налет. Я наполнил свою тарелку, надеясь, что порция у меня умеренная. Эшер не ограничивала себя. Она взяла всего понемногу, жадно загромождая едой тарелку. Мы прошли к одному из столиков, расположенных по краям банкетного зала, а музыкальная группа начала играть следующую композицию. Я выбрал столик с расчетом, чтобы видна была дверь, и принялся ожидать прибытия Анны Вальмон.

Текли минуты, но она так и не появлялась. На банкет прибыло уже несколько чикагских знаменитостей, и общее число людей в зале понемногу увеличивалось. Прислуга отеля принимала у гостей верхнюю одежду и сновала по залу с подносами, уставленными едой и напитками, а официанты бойко курсировали туда и сюда через служебные входы, подобно маленькой армии муравьев-рабочих, практически мгновенно

венно устраняя урон, причиненный обилию блюд на шведском столе. Это занятие казалось для них столь важным, что я уже подумывал о том, чтобы внести свою лепту в разорение шведского стола – просто чтобы предоставить им лишний шанс снова все исправить, сами понимаете. Я стараюсь быть добрым к людям.

Я как раз брал свою опустевшую тарелку, чтобы продемонстрировать человеколюбивую сторону своей натуры, когда женщина из персонала отеля мягко тронула меня за руку и произнесла:

– Простите, мистер Оберхайд? Вас к телефону, сэр. Телефон-автомат рядом.

Я поднял взгляд на девушку, вытер рот салфеткой и произнес:

– Хорошо. Покажите где, – и кивнул Эшер: – Я скоро.

Поднявшись, я проследовал за служащей к занавешенной нише в углу, где был телефон. Тут мы находились в относительно уединении от остальных присутствующих в зале.

– Мисс Вальмон, – обратился я к служащей отеля, когда мы оказались одни. – Рад вас увидеть снова.

Анна Вальмон повернула ко мне лицо, одарив меня короткой и не особо приятной улыбкой. В последний раз, когда я ее видел, она выбелила свои волосы перекисью. Теперь ее волосы были черными и подстрижены под пажа. Она стала еще стройнее, чем я помнил, даже чересчур, и сделалась похожей на дикую молодую кошку. Миловидность не исчез-

ла с ее лица, хотя черты его и растеряли признаки бурлящей юности, а взгляд стал более жестким и настороженным.

– Дрезден, – произнесла она. – «Мистер Оберхайт»? Это серьезно?

– Разве я хоть раз критиковал твои псевдонимы? – спросил я в ответ.

Мои слова вызвали у нее улыбку.

– Кто эта стриптизерша?

– Ты ее не знаешь, и шутить с ней не стоит, – ответил я. – И ты так говоришь «стриптизерша», будто это что-то плохое. Как у тебя дела?

Она порылась у себя в блузе и осторожно достала тщательно запакованный деловой конверт.

– Ты принес мои деньги?

Мои брови полезли на лоб.

– Деньги?

Она опять мне улыбнулась, но улыбка вышла какая-то кривоватая.

– Дрезден, хоть мы с тобой и давно знакомы, но на халяву я не работаю. И я не собираюсь торчать тут и заниматься трепом. Люди, которым я перешла дорогу, ради вот этого, – она потрясла конвертом, – сотворят со мной что угодно. Всю неделю они гонялись за мной. Конверт сделан из воспламеняющейся бумаги. Выкладывай бабло, или информация превратится в дым вместе со мной.

Мои мысли понеслись вскачь. Никодимус придумал рабо-

ту для Анны Вальмон. Это единственный способ заставить ее прийти сюда и встретиться с парнем с розой цвета вечерней зари. Значит, информация, которую он у нее просил, была действительно очень ценной.

Я быстро оглянулся по сторонам. С этого места не было видно нашего с Эшер столика, да и самой Эшер тоже. Я вновь повернулся к Вальмон:

– Давай, быстрее сожги его.

– Ты что, думаешь, я не сделаю этого? – спросила она. Затем замерла и нахмурилась. – Подожди-ка... А в чем прикол?

– Нет никакого прикола, – сказал я вполголоса. – Послушай, Анна, здесь много чего происходит, но на объяснения нет времени. Сжигай информацию и сваливай. Нам обоим от этого будет только лучше.

Она наклонила голову, и выражение ее лица внезапно стало скептическим. Она невольно прижала конверт к себе, как будто в защитном жесте.

– Ты дал мне сто штук вперед и обещал еще сто за доставку, а теперь просишь избавиться от информации? Это же не единственная копия.

– Не я тебя нанял, – с нажимом произнес я. – Адские погребушки, ты как-то украла мою машину. Разве похоже, что у меня водятся такие деньги? Я просто парень на подхвате, и тебе не стоит присоединяться к этой команде. Убирайся отсюда, пока не поздно.

– Я сделала работу и получу свои деньги, – ответила она. – Хочешь уничтожить информацию, ну и отлично. Но сначала заплати. Сто тысяч долларов.

– А как насчет двух миллионов? – спросила Эшер. Она проскользнула в нишу с бокалом шампанского, на ободке которого не было ни следа помады.

Анна резко посмотрела на нее:

– Что?

– Два миллиона гарантированно, – продолжила Эшер. – И еще двадцать, если дело выгорит.

Я стиснул зубы.

Взгляд Вальмон пару секунд метался между мной и Эшер. Ее лицо оставалось непроницаемым.

– Эта работа была проверкой.

– Бинго, – сказала Эшер. – У тебя есть необходимые навыки и смелость. А работенка намечается непростая. Дрезден делает то же, что и всегда, – пытается спасти всех от большого жестокого мира. Но эта работа – хороший шанс для тебя состариться на собственном острове.

– Работа? – осведомилась Анна. – На кого?

– На Никодимуса Архлеона, – ответил я.

Взгляд Анны Вальмон потускнел и стал жестким.

– Ты с ним работаешь?

– Долгая история, – сказал я. – И я делаю это не по своей воле.

Но я понял, что Эшер имела в виду до этого. Никоди-

мус выбрал Анну Вальмон и послал меня за ней, потому что он просчитал ее мотивы. Анна кое-что задолжала мне, и еще больше она задолжала Никодимусу. Даже если бы она не взялась за эту работу, чтобы помочь мне, она могла сделать это ради мести, ради шанса подставить Никодимуса в самый неподходящий момент. Он предоставил ей массу причин участвовать. А деньги были здесь лишь вишенкой на торте.

Вальмон точно не была тугодумом.

– Двадцать миллионов, – повторила она.

– В лучшем случае, – поправила ее Эшер. – Два – в любом.

– Никодимус Архлеон, – напомнил я. – Ты же помнишь, что случилось в прошлый раз, когда ты подрядилась на него работать?

– Мы пытались его поиметь, а он поимел нас в ответ еще жестче, – сказала Анна. Она пожирала глазами Эшер, пока двое из прислуги отеля проходили мимо их ниши. – Что будет, если я скажу «нет»?

– Ты упустишь возможность, которая дается раз в жизни, – ответила ей Эшер. – Никодимусу придется отказаться от своей идеи, – она взглянула на меня, – а Дрезден окажется в полной заднице.

В этом Эшер была права. Еще бы, раз она поймала меня на попытке пустить работу под откос. Если я не прикончу ее, чтобы заткнуть – к чему я был не готов, – она доложит обо всем Никодимусу, а он в свою очередь расскажет всем, что

слову Мэб нельзя доверять. Мэб меня за это распнет – причем не в переносном смысле этого слова. Хуже того, я подозревал, что подобное нанесет жестокий удар по могуществу Мэб не только в плане политического влияния – это может помешать ей делать свою работу, важность которой нельзя было недооценивать.

И я был уверен, что Никодимусу все это было прекрасно известно.

Вот ведь урод.

– Это правда? – спросила Вальмон.

Я сжал зубы и не ответил. Команда из четырех официантов пронесла мимо большой поднос.

– Значит, это правда, – произнесла Вальмон. – Эта работа, она реальна?

– И чертовски опасна, – ответил я.

– Вязальщик в деле, – отметила Эшер. – Ты в курсе, кто он?

– Наемник, – кивнула Вальмон. – Заслужил свою репутацию, выбираясь из всевозможных передраг.

– Чертовски верно, – согласилась Эшер. – Он работает со мной. Я же здесь, чтобы не дать Дрездену играть с тобой в благородство.

– Это правда? – спросила меня Вальмон.

– Сукин сын, – произнес я.

Вальмон несколько раз кивнула. Затем она обратилась к Эшер:

– Вы не оставите нас на минутку?

Эшер улыбнулась и согласно кивнула. Она отсалютовала мне бокалом, отпила чуть-чуть и покинула нишу.

Вальмон наклонилась ко мне чуть ближе, понизив голос:

– Деньги тебя не заботят, Дрезден. И ты работаешь на него не по собственной воле. Ты хочешь поджарить его задницу.

– Ага, – согласился я.

Огонь вспыхнул в глазах Вальмон.

– А ты сможешь?

– Эта работа ему одному не по зубам, – ответил я.

– Всякое может случиться, – задумчиво протянула она.

– Или ты уйдешь, – предложил я альтернативу. – И ничего не случится вовсе. Он попадет на миллионы, которые уже потратил, а работа накроется медным тазом.

– И он снова заляжет на дно, – сказала Вальмон. – А может, исчезнет еще на полсотни лет, и у меня больше не будет шанса с ним по квитаться.

– Или ты угробишь себя, пытаясь ему отомстить, – осадил я ее. – Местью движет не разум, Анна.

– Он ею и движет, если ты разбогатеешь, осуществив ее, – ответила Анна. Она пару раз нервно клацнула зубами. – Как сильно тебе достанется, если я откажусь?

– Довольно сильно, – признал я, в то время как вторая команда официантов прошла мимо с еще одним огромным подносом. – Но я все равно уверен, что тебе нужно отказаться.

В ее голосе появился намек на отчуждение.

– Как сказала Эшер, – она покачала головой, – я не маленькая девочка, которую нужно защищать, Дрезден.

– Но ты с этими ребятами в разных весовых категориях, Анна, – возразил я. – И это не оскорбление, а констатация факта. Черт, да я сам не имею ни малейшего желания в этом участвовать.

– Дело не в том, насколько ты крут, Дрезден, – ответила она. – А в том, насколько ты умен. – Она опять покачала головой. – Возможно, ты нуждаешься в моей помощи больше, чем сам об этом подозреваешь.

Мне захотелось выдернуть себе клочок-другой волос.

– Ты не понимаешь? – спросил я. – Это именно то, что он хочет от тебя. Он игрок, который проворачивал подобные комбинации еще до того, как появилось твое семейное древо, и сейчас он тоже тобой манипулирует.

Теперь в ее голосе слышалась неприкрытая ненависть:

– Он убил моих друзей.

– Черт побери, – разозлился я. – Если ты попытаешься его обдурить, он и тебя прикончит так же быстро.

– И все равно ты в деле. – Она аккуратно убрала конверт в блузу. – В прошлый раз мне тоже казалось, что все под контролем. Я не считала, что мне нужна твоя помощь. Но это было не так. А теперь моя помощь нужна тебе. Иди к стриптизерше и скажи ей, что нам пора выдвигаться.

– Почему?

Она потрогала конверт через одежду:

– Как я уже сказала, прежние владельцы этой информации стали чрезвычайно навязчивы, как только я ее украла.

– Кто они?

– Фоморы.

– Чтоб меня! Те самые? – вздохнул я, и тут вступили трубы, и оркестр перешел на свинг. – Ну ладно, пош...

Снова показались официанты, на этот раз целых восемь. На них была одинаковая униформа, и они осторожно тащили два огромных подноса. Внезапно они перевернули их набок. Блестящие металлические крышки полетели на пол с грохотом и лязгом, незаметным среди стука оркестровых барабанов, и тут из-под них вылезли две извивающиеся скользкие твари.

Секунду я даже не мог понять, что передо мной. Просто две кучи извивающейся пурпурно-серой плоти с разноцветными вкраплениями. А потом они вроде как взяли и размотались в пляшущие конечности на странном, похожем на лужу теле. И вдруг две эти твари с безволосыми туловищами гориллы, снабженными щупальцами гигантского осьминога, сгорбились и ринулись на нас, испустив волну тошнотворного запаха гнилой рыбы и оставляя за собой две дорожки из желтоватой слизи.

– Адские погремушки! – выругался я. – Я же говорил ей. Просто никогда не бывает.

Глава 10

Ну и как прикажете называть эту дрянь? Эта мысль бесцельно блуждала в подозрительно спокойном уголке моего мозга, взведенного адреналином на максимальную передачу. Октогориллотавры? Гориллактопусы? Как можно наложить заклятие на существо, которое даже не знаешь, как обозвать?

А главное, мерзкие безымянные монстры жутко опасны. Всегда боишься того, чего не понимаешь или не знаешь. И первый шаг к пониманию – это имя. У меня есть привычка придумывать название любой твари, с которой собираюсь пообщаться, если имеющиеся в наличии названия не подходят. Имена имеют силу, в первую очередь магическую силу, но, что более важно, и психологическую тоже. Нечто ужасное, связанное с именем, имеет куда меньше власти над вами и меньше пугает, чем нечто вообще без имени.

– Осьмиконги. Почему это всегда осьмиконги? – мрачно произнес я, подражая голосу Индианы Джонса.

– Ты издеваешься? – выдохнула Вальмон. Ее тело напряглось, как рабочая линия электропередачи, но паниковать она не стала. – Дрезден?

На другом конце зала музыканты грянули первые аккорды свинга под аккомпанемент рокочущих барабанов. И осьмиконги рванули к нам на всех десяти молотящих осьми-

ножье-гориллных конечностях. Их почти человеческие глаза горели бешеной ненавистью, но не они были тем, что беспокоило меня больше всего. Фоморы были плавильным котлом сверхъестественной нации, выжившими реликтами множества темных мифов и пантеонов, которые явно дожидались своего часа последнюю пару тысяч лет и всплыли из глубин Мирового океана на волне ликвидации Красной Коллегии вампиров. Они провели последние пару лет, усложняя жизнь и уничтожая людей тысячами. Покуда никто не знал почему, но тайные земные слуги фоморов выглядели вполне по-людски, хотя и имели жабры и действовали как образцовые монстры – и именно они были тем, о чем стоило беспокоиться.

Расположившиеся позади осьмиконгов служители в униформе официантов присели в атакующих позах, вытаскивая наружу нечто, что дьявольски походило на утяжеленные кистени. Все они сосредоточились на Вальмон. Зверушки играли роль охотничьих псов. Служители же намеревались вымарать Анну Вальмон из мира живых. Некоторым и в кошмарах бы не приснилось, что люди, кайфующие от скрещивания горилл с осьминогом, могут сотворить с попавшимся воришкой.

Как назло, у меня с собой не было никаких магических инструментов, что ограничивало мои возможности в усиливающейся вокруг толкотне. Хуже того, эти гады подобрались к нам очень близко. Времени на бегство или на какой-то хитрый маневр не оставалось.

К счастью для меня.

Я не любитель хитрых маневров.

Я собрал свою волю в тугой комок, присел, опуская руку и отводя ее влево, а затем резко выпрямился и по широкой дуге выбросил руку перед собой, высвобождая невидимую энергию.

– Forzare! – крикнул я.

И как только выгнутая полумесяцем энергетическая волна устремилась вперед, оба осьмиконга и все восемь служителей кувыркком полетели назад.

Этот резкий и несфокусированный поток магии подбросил в воздух несколько тяжелых блюд. Одно из них врезалось в большое окно банкетного зала и вылетело наружу. Заклинание вскользь зацепило и реального работника отеля, и он полетел на пол, растянувшись там, словно сшибленный с ног футбольным полузащитником. Свисавшие с потолка полосы красной ткани раздулись, словно под ураганным ветром. Какие-то из них вырвало из креплений, и они пустились в полет по залу. Несколько столов и стульев перевернулись... и практически все лампочки в зале разбились одновременно, осыпав воздух снопами искр.

Стоило залу погрузиться в мерцающую темноту, как люди тут же начали кричать. Но музыкантам хватало света, чтобы играть, и после небольшой заминки они продолжили. Осьмиконги успели откатиться назад на несколько ярдов, прежде чем вытянули щупальца и уперлись ими в пол, испу-

стив оглушительный рев, наполненный дикой яростью. Этот ужасающий звук вызвал в зале настоящую панику. Через минуту-другую кто-то наконец догадался включить сигнал пожарной тревоги, и по зданию начал гулять пронзительный механический звук.

Один ноль в пользу Гарри Дрездена – таков результат матча.

Я схватил Анну за руку и метнулся в сторону, свободной рукой отбрасывая алую ткань и пытаюсь вслепую прорваться сквозь нее. Фоморы вот-вот могли броситься вслед за нами. Любое заклятие, которым я попытался бы убить или вывести из строя кого-нибудь из фоморской шайки, в ограниченном пространстве зала принесло бы еще больший ущерб и даже могло убить кого-то из невинных людей. Все, чего мне удалось добиться, – это на время задержать их... но я и не рассчитывал на победу. Я просто хотел вытащить нас оттуда целыми и невредимыми.

Я не знал, куда подевалась Эшер, но фоморы охотились за Вальмон. Эшер много лет подряд удавалось уходить от преследования Белого Совета. Я полагал, что она сможет выбраться из отеля и без моей помощи.

– Что мы делаем? – прокричала Анна.

– Валим!

– Это понятно. Куда?

– Пожарные лестницы! – отозвался я. – Я не хочу застрять в лифте с одной из этих уродин!

Мы вынырнули из-под скрывавшей нас занавески, и я тут же напоролся на стул, споткнулся и сильно ударился бедром о буфетный столик. Я точно упал бы, но Вальмон подхватила меня под руку.

Я показал на дверь, из которой вышли официанты, и двинулся в ту сторону.

– Туда! Пожарные лестницы дальше по коридору, направо.

– Я не слепая, тоже вижу указатели, – отрезала она.

Мы бросились к дверям, завернули за угол, и я столкнулся лицом к лицу еще с одной парой пустоглазых прислужников фоморов. Они были больше и тяжелее прочих и носили более привычную для них униформу – черные брюки и черные водолазки.

И пулеметы.

Не какие-нибудь штурмовые винтовки, а полностью автоматическое оружие. Из тех, к которым патроны поставляют в огромных таких коробках. Эти двое «водолазок», очевидно, остались прикрывать лестницу, и они не просто валялись там дурака. Стоило мне выглянуть из-за угла, один из них вскинул оружие и начал палить по мне очередями по три-четыре патрона.

В кино, когда кто-то стреляет в героя из пулемета, пули попадают куда угодно, но не в него. К сожалению, настоящие пулеметы ведут себя совсем иначе. В опытных руках они могут стрелять очень метко, и для них не проблема сделать

столько выстрелов, чтобы уж точно ранить кого надо. И не раз. Именно для этого пулеметы и предназначены. Если кто-то начинает палить в вас из такого, остается только два выхода: спрятаться в укрытие или быть изрешеченным пулям. Я был меньше чем в пятидесяти футах от него, и нас разделял лишь пустой коридор. «Водолазка» едва ли промахнулся бы по мне, даже если бы постарался.

Правой рукой я толкнул Анну себе за спину, затем вскинул левую и, призвав на помощь волю, резко выкрикнул:
– Defendarius!

Что-то резко дернуло меня за лодыжку, а затем моя воля соединилась в сплошной барьер из энергии между нами и стрелком. Пули ударились об него с яркими вспышками. Со стороны это напоминало светящийся полукупол с очень рваными краями. Каждый удар отдавался во всем моем теле, словно звук большого барабана в слишком шумном ночном клубе. Это были тяжелые патроны, специально созданные, чтобы пробивать любое прикрытие. Убивать солдата через толстое дерево, разрывать на куски человека в бронежилете и превращать бетонные стены в кучи щебня и пыли.

Без помощи магических предметов, помогавших концентрировать энергию, сделать щит, способный полностью остановить пули, можно только ценой огромного расхода жизненных сил. Достаточно замедлить их и не дать ricochetить куда попало. Эти пули прошли бы стены и перекрытия «Пенинсулы», словно мягкий сыр. Невинные люди за пять эта-

жей отсюда могли погибнуть, если бы я не замедлил их полет. Отскакивая, они металлическим дождем прыгали и стучали по полу вокруг меня.

Это не смутило черную «водолазку». Он начал медленно двигаться вперед, по-дурацки перекачиваясь с пятки на носок походкой обученного ближнему бою боевика. Тем самым шагом, который держит глаза, голову и плечи на одном уровне все время движения. Он упорно продолжал стрелять короткими очередями и приближался, заполняя коридор светом и оглушительным грохотом. А я мог только продолжать держать пули подальше от нас.

Удерживать щит было той еще работенкой, и через несколько секунд мне придется встать на одно колено, чтобы уменьшить размер щита. Нужно продержаться еще немного. Скоро у «водолазки» кончатся патроны, и ему придется найти другое оружие или сменить магазин. И тогда у меня появится шанс на ответный удар.

Вот только его приятель, что шел с ним рядом, – не стрелял. И готов был взять на себя огонь, когда магазин первой «водолазки» опустеет. Я сглотнул. Я не был уверен, что моих жизненных сил хватит, чтобы продержаться так долго.

Мне сильно бы пригодился мой браслет из щитов. Но его не было со мной, когда я очнулся на Духоприюте, и у меня не имелось ни времени, ни материалов, чтобы сделать еще один такой же. Мой новый посох тоже сгодился бы, но было довольно трудно протащить его на официальный прием.

Мне нужен был новый план.

Вальмон что-то кричала мне. Я был так сосредоточен, что поначалу ничего не разобрал.

– Закрой глаза! – крикнула она, затем напряглась и махнула рукой. Что-то пролетело над слабо светящимся верхним краем моего щита и шлепнулось на землю к ногам «водолазок».

Оба стрелка среагировали мгновенно, бросившись в стороны. Через секунду коридор заполнила вспышка совершенно ослепительно-белого света, и что-то хлопнуло, как ладони гиганта.

Я не успел вовремя закрыть глаза, и теперь всюду плясали красные и пурпурные пятна, в ушах все время звенело, но щит заслонил меня от энергии небольшого взрыва, и голова оставалась достаточно ясной, чтобы, пошатываясь, выбраться из смертельного коридора, тащась на буксире у Вальмон.

– О господи! – со злостью сказала она на бегу. – Это же была всего-то чертова упаковка конверта! Другая лестница!

Оказавшись в темном банкетном зале после мерцавшего, как стробоскоп, коридора, мои глаза безуспешно пытались приспособиться.

– Я ничего не вижу, – сказал я и почувствовал, как она взяла меня за руку. – Отлично. Вперед!

Вальмон побежала, и я, словно малыш-переросток, рванул вместе с ней, стараясь не упасть. Мы пересекли, наверное, половину зала, как вдруг Анна остановилась. Мои арен-

дованные ботинки оказались дьявольски скользкими, и я едва не налетел на нее, прежде чем тоже остановился.

– Что случилось? – спросил я.

– Тихо, – зашипела она. – Одна из этих тварей у двери.

– У тебя есть еще что-то типа твоей светошумовой гранаты? – спросил я шепотом.

– Знаешь, обычно девушки их с собой не носят, – чопорно ответила она. – Мне трудно сосчитать, сколько дел прошло нормально с тех пор, как я последний раз видела тебя. Но как только ты появляешься, все летит к чертям.

– Этот девиз вышит у меня на полотенце, – подтвердил я.

Через пару секунд, проморгавшись, я смог различить расплывчатый силуэт одного из осьмиконгов, ждущего нас у двери. Ну, технически он находился над дверью. Его щупальца растянулись по потолку, как лапы огромного паука, а обезьяноподобные руки свисали вниз. Вальмон остановилась за колонной, в тени позади лампы аварийного освещения.

– Ух ты! Какие уродины! – Я моргнул еще пару раз. – Ладно, держись поближе.

– Ты уже видишь?

– Ага. Почти. Нам надо бежать со всех ног. Если эта штука бросится на нас, я отшвырну ее подальше, и мы – бип-бип – отсюда к чертям.

– Бип-бип, – сухо повторила Вальмон. – Всегда приятно иметь дело с настоящим профессионалом.

– Ладно. Выберемся, эвакуируемся... как тебе больше нравится, – не стал спорить я. Затем перебросил ее ладонь в левую руку, чтобы правая была свободна, и скомандовал: – Вперед!

И мы побежали к двери.

Осьмиконг начал спускаться вниз по стене, перебирая щупальцами, пачкая все вокруг слизью и издавая противные кряхтящие звуки. Но не слишком быстро. И хотя я уже был готов выпустить в него новый заряд энергии, мы успели проскочить мимо, на пару дюймов разминувшись с кончиком ближайшего щупальца, и оказались в совершенно пустом коридоре – это было даже легче, чем я планировал.

Так что, естественно, в моей голове сразу же врубилась тревожная сирена.

Напротив выхода из зала была еще одна дверь, и я не стал сбавлять ход. Подставив плечо, я врезался в нее всем своим весом, всей силой Зимнего Рыцаря.

Я не хочу сказать, что мантия Зимнего Рыцаря делает меня суперсильным... но я поднимал в воздух машины. Может, это и не настоящая суперсила из комиксов, но парень я немаленький, вешу тоже немало. Дверь поддалась, и замок вылетел из дверной рамы настолько легко, словно она была наполовину прогнившей. Таща за собой Вальмон, я пролетел сквозь дверной проем, чувствуя горячую пульсацию в районе плеча.

Второй осьмиконг поджидал нас посреди коридора и уже

начал спускаться вниз. Стоило нам замешкаться хотя бы на долю секунды, и он схватил бы нас. В качестве альтернативы я врезался в стойку с метлами и швабрами в задней части большой кладовки, сломав несколько рукояток и оставив огромную вмятину в стене из гипсокартона. А когда отлетел от нее, оглушенный, перед глазами все еще плясали круги.

– Дрезден! – закричала Вальмон.

Обернувшись, я увидел, что она покачнулась и пытается ухватиться за тяжелую металлическую полку с чистящими средствами. Я понял, что в какой-то момент выпустил ее руку из своей. Тут ногу Анны резко дернуло назад, и она не смогла удержаться за полку.

Я ухватился за Вальмон, прежде чем ее вытянуло из кладовки, одновременно осознавая, что вокруг ее лодыжки обернулось фиолетово-серое щупальце. Я упал на пол и изо всей силы лягнул ногами дверь, и она резко захлопнулась, аккуратно отрезав кончик щупальца осьмиконга.

С другой стороны двери раздался яростный рев.

– Назад, назад! – закричал я Вальмон, упираясь в дверь ногами. Она перебралась через меня в темноте кладовки, ее худые конечности оказались неожиданно твердыми. Секунду спустя раздался щелчок, комнату залил свет крохотного фонарика, и она тут же принялась оглядывать полки.

Я ждал, что осьмиконг будет долго колотить в дверь, но ему хватило нескольких ударов, дверь затрещала, словно ее раздирали на куски. Краем глаза я успел заметить несколько

щупалец, сжимающих дверные обломки. А затем порог переступил осьмиконг. Передвигался он, согнувшись и опираясь на щупальца, которых все еще было много, и на обезьяньи лапы.

Я закричал и пнул его обеими ногами, впечатав их достаточно сильно, чтобы вызвать удивленный кашляющий рев и вытолкнуть тяжелое туловище обратно в коридор. Но щупальца вцепились в дверной проем со сверхчеловеческой силой, погасив импульс и снова бросая тело монстра вперед.

Я вскинул руку и прокричал:

– Forzare!

Вторая волна кинетической энергии врезалась в осьмиконга, отталкивая его назад. Несколько секунд моя воля противостояла силе всех этих рук и щупалец.

Но щит, созданный в коридоре, отнял у меня слишком много сил. Я чувствовал, как моя воля начинает угасать, как заклинание слабеет. Осьмиконг подбирался все ближе и ближе к моему распростертому телу. Перед глазами начали плясать звезды.

И тут раздался визг – пронзительный, воющий, по частоте и интенсивности напоминающий какой-то промышленный звук. Вспыхнул свет, сине-белый и такой яркий, что светшумовая граната Вальмон показалась в сравнении с ним простенькой фотовспышкой. Воздух прорезал ослабленный раскат грома, и на месте черепа осьмиконга возникла сфера огня величиной с два моих кулака.

Потом раздался короткий хлопок, словно лопнул мыльный пузырь.

И все пропало... остались только почерневшие кости и облако черной пыли.

Осьмиконг вздрагивал, подергивая десятую конечностью, но вскоре затих. Обезглавленное тело рухнуло на пол, и почерневшие останки черепа откатились от него в сторону, трескаясь и крошась.

Над телом возникла Ханна с парой вечерних туфель в руках. Глаза ее горели огнем.

– Дрезден? Ты в порядке?

Секунду я тупо пялился на нее.

Адские погремушки!

Не поймите меня неправильно. Я чародей Белого Совета. Но то, что я сейчас увидел, было проявлением такой концентрации и мощи, которую я едва ли ожидал увидеть даже от старших членов Совета, не говоря уже о чертовой колдунье, которая была моложе меня. Использовать огненную магию совсем непросто. Вложи в нее достаточно мощи, чтобы нанести какой-то ущерб, и тебе еще придется потрудиться, чтобы она не вышла из-под контроля. Чем больше жара ты в нее вкладываешь, чем сильнее она распространяется, уничтожает, разрушает. Но это огненное заклинание было хирургически точным.

Я сам неплохо управляюсь с огнем.

Но и Ханна Эшер была с ним на «ты».

Боже правый, неудивительно, что Стражам не удавалось ее поймать.

– Спасибо, – произнес я, поднимаясь на ноги. Но тут же оттолкнул ее вбок, когда за спиной Ханны на пороге показался первый осьмиконг и резко пошел в атаку, молотя щупальцами.

Я успел лишь выбросить вперед руки, как оказался прижатым к полу под его весом. Я пытался бороться, но бороться мне было нечем... мясистая паутина щупалец, которая меня придавила, хватала, рвала, молотила по мне сквозь одежду. Я чудом умудрился высвободить из-под этой склизкой и вонючей кучи хотя бы голову и жадно втянул в себя воздух. И сделал это как раз вовремя, чтобы заметить, как Анна Вальмон выходит из кладовки и швыряет в глаза осьмиконгу банку с каким-то порошком.

Тварь завизжала в агонии, чистейшей агонии, и половина щупалец тут же отстала от меня в тщетной попытке защитить себе голову и лицо. Чудовище корчилось в муках, и я умудрился извернуться так, чтобы наконец спихнуть его с себя. И тут же вскочил на ноги.

– Валим! – прокричал я Эшер и Вальмон. – Вперед, быстрее, быстрее!

Им не нужно было повторять дважды. Мы помчались по коридору, оставляя позади вопящего осьмиконга, и буквально полетели вниз по лестнице.

– Получай, – на ходу крикнул я Эшер. – Она с нами и

помогает. Счастлива теперь?

– Да, Дрезден, – раздраженно ответила она. – Я счастлива. Я в восторге. Да я просто на седьмом небе, черт побери. А теперь заткнись и беги.

Я мчался по отелю в изодранном смокинге, перепачканном кровью.

Но не слишком переживал по этому поводу.

Я был не прочь посмотреть, как Никодимус будет сдавать смокинг туда, где его взял.

Глава 11

По дороге к выходу Анна Вальмон сорвала с себя форменные блузу и штаны, оставшись в облегающем вечернем платье. Сбросив туфли с носками, она стала неотличима от любой другой девушки из высшего общества, бегством спасающейся из здания. Маленькая сумочка, закрепленная во-круг талии и спрятанная под блузой, превратилась в клатч. Анна сорвала парик, обнажив светлые волосы средней длины, взъерошенные по последней моде, надела темные очки и позаимствовала у Ханны туфли. Затем немного ускорила шаг, нагнала спешащую к выходу группу людей и легко смешалась с ними. К тому времени, когда мы добрались до входных дверей, бесформенная невысокая брюнетка из персонала отеля исчезла без следа. Высокая и стройная блондинка в черном платье нетвердой походкой покидала здание вместе со всеми остальными спасающимися.

Вальмон была не душой. Служители фоморов в форме официантов поджидали снаружи, пристально изучая всех, кто выходил из отеля, своими пустыми глазами, чем-то напоминающими глаза земноводных.

– Я их отвлеку, а ты доставь ее к машине, – негромко сказал я Эшер, когда мы покидали отель.

Затем ткнул пальцем в ближайшего служителя и заорал:

– Ты!

Мужчина перевел взгляд на меня. Я почувствовал, что остальные сделали то же самое. Хорошо. Чем больше глаз будет смотреть на меня, тем больше вероятность, что Вальмон удастся проскользнуть незамеченной. Я направился к служителю с видом человека, готового полезть в драку.

– Вы ребята вообще думаете, что творите? Я слышал, что суши принято делать из свежей рыбы, но это уже просто смешно!

Да, с юмором служители фоморов были явно не в ладах. Парень в ответ просто вытаращился на меня и нерешительно отступил назад.

– Я собираюсь подать в суд! – проорал я, широко размахивая рукой, будто пьяный. – Видите, на что теперь похож мой смокинг? Вы нанесли мне ущерб. Непоправимый ущерб душевному спокойствию моего гардероба!

Теперь на меня пялились уже все – эвакуирующиеся гости, персонал отеля и даже простые прохожие. Даже в Чикаго нечасто встретишь на улице с головы до ног заляпанных кровью увальней в изодранных смокингах и орущих во все горло. Орал я под аккомпанемент сирен, и звук их быстро нарастал. Экстренные службы были на подходе. Копы на мотоциклах и патрульные машины уже начали прибывать, что было неудивительно, в самом-то центре города.

Служитель тоже это заметил и стал неловко переминаться с ноги на ногу.

– Ага, – сказал я уже тише. – Я не знаю, на кого из фомо-

ров ты работаешь. Но передай своему боссу, что Гарри Дрезден вернулся, и он советует ему держаться от Чикаго подальше. В противном случае я ему все зубы повыбиваю. – Я на секунду замолк и добавил: – Если, конечно, у него есть зубы. Но что-нибудь точно повыбиваю. По-любому. Так и передай.

– Да как ты смеешь ему угрожать? – прошипел служитель.

– Я лишь констатирую факты. А вам, ребята, лучше бы отсюда линять. Прежде чем я примусь разрывать на вас воротники и спрашивать полицию и журналистов, что не так с вашими шеями.

Некоторое время служитель злобно пялился на меня пустыми глазами. Затем резко повернулся и пошел прочь. Остальные парни в форме официантов последовали за ним.

– Тонко, – услышал я голос Кэррин.

Обернувшись, я увидел, что она стоит в десяти футах позади меня, скрестив на груди руки – так чтобы легко можно было выхватить пушку. Если бы служитель и компания взялись за оружие, она занимала отличную позицию, чтобы вступить в бой и начать уравнивать шансы.

– Мёрф, – произнес я, – они выбрались?

– Ждут в машине. – Она оглядела меня, и в ее глазах отразилась мука. – Боже, Гарри. Ты в порядке?

– Немного больно. Немного жжет. Да нормально всё.

– У тебя кровь на ноге. Не шевелись.

Кэррин опустилась на колени, и я неожиданно понял, что она права: моя нога кровоточила, штаны намокли и кровь

капала с обшлага прямо в арендованные ботинки. Она быстро закатала окровавленную ткань и сообщила:

– Тебя подстрелили.

Я заморгал:

– Чего? Я ничего такого не чувствую. Ты уверена?

– В твоей голени два пулевых отверстия, – ответила она. – И выходное такое же маленькое, как входное. Господи, ты, похоже, был совсем близко.

– Эм двести сорок. Примерно с тридцати футов.

– Тебе повезло... кость не задета, и пуля прошла навылет. – Она вытащила носовой платок и сказала: – Именно об этом тебя и предупреждал Баттерс. Ты даже не чувствуешь, что ранен. Я должна перетянуть ее, пока мы не сможем позаботиться о ней должным образом. Приготовься.

Она обернула ткань вокруг моей ноги и туго затянула. Я чувствовал легкое покалывание и жжение, но не более того. Я вдруг понял, что Зима пронизывает меня, словно ледяной ветер, притупляя боль.

А еще я неожиданно понял, что Кэррин стоит на коленях у моих ног. Моя внутренняя Зима считала, что этот вид очень интересен. Что-то похожее на панику затрепетало в моей груди, что-то гораздо более энергичное и дестабилизирующее, чем страх, который я чувствовал в драке за несколько минут до того.

– Э-э-э, ты права, – сказал я, заставляя себя отвести глаза. – Что мы здесь стоим? Пошли уже.

Кэррин поднялась на ноги и взглянула на меня. К беспокойству на ее лице примешивалось что-то еще, более мрачное. Но она лишь кивнула:

– Машина недалеко. Не отставай.

* * *

Сев в машину, я первым делом посмотрел, как там на заднем сиденье Вальмон и Эшер. Кэррин уже заводила мотор, и мы отъехали как раз в тот момент, когда на место прибыла большая часть машин с мигалками. Вальмон смотрела в окно, выражение ее лица сложно было прочесть за темными очками. Эшер глядела через плечо, не сводя глаз с улицы перед отелем.

Когда она наконец обернулась и перехватила мой взгляд, ее лицо расплылось в широкой улыбке, а темные глаза за сверкали.

– Черт, – сказала она, – а вечер получился насыщенный.

– Для одних больше, чем для других, – заявила Кэррин. – Мисс Эшер, я собираюсь забросить вас обратно на скотобойню, к вашему напарнику.

Эшер нахмурилась:

– А вы куда?

– Дрездена подстрелили.

– Когда? – забеспокоилась Эшер.

– Когда он меня вытаскивал. – Вальмон по-прежнему не

отводила взгляд от картины за стеклом. – Его подстрелили, когда он пытался прикрыть меня.

– Я отвезу его туда, где ему помогут, – сказала Кэррин. – Передайте Никодимусу, что Вальмон с нами.

Эшер нахмурилась и глянула на Вальмон:

– Вы с этим согласны?

– Я не собираюсь встречаться с этим парнем без Дрездена, – заявила Вальмон. – И будь вы поумнее, вы бы тоже не стали.

– Оставьте ее, – тихо сказал я, – Эшер большая девочка. Она может сделать свой собственный выбор.

– Конечно, – ответила Вальмон.

Эшер некоторое время, нахмурившись, разглядывала меня, затем произнесла:

– Я много слышала о тебе.

– И что же? – поинтересовался я.

– Колдун, который стал Стражем, – сказала она. – А потом отказался охотиться на колдунов для Белого Совета.

Я пожал плечами:

– Верно.

– И они тебя не убили после этого? – спросила Эшер.

– Была война, – сказал я. – Каждый боец был на счету.

– Ходили и другие слухи. Совсем дикие. Что ты помогаешь людям. Что ты готов драться с кем угодно.

Я снова пожал плечами. Это было немного больно.

– Временами.

– Он всегда такой? – спросила Эшер у Кэррин.

– Только когда истекает кровью, – сказала Кэррин. – Обычно не знаешь, как заставить его заткнуться.

– Эй, я еще тут, – заявил я.

Кэррин посмотрела на меня смеющимися глазами.

Я снова дернул плечом и устало произнес:

– Ладно, ты права.

– Если ты такой крутой парень, – произнесла Эшер, – то как вышло, что я не видела, чтобы ты надирал там всем задницы и закатывал в асфальт?

Я на мгновение прикрыл глаза. Мне не хотелось объяснять Эшер, что Зимнего Рыцаря создавали в качестве машины для убийств, которая двигается, крушит всех направо и налево, но никогда не останавливается, чтобы подумать. Мне не хотелось объяснять ей, что может произойти, если я выпущу этого джинна из бутылки в одном из лучших отелей Чикаго. Кэррин была права. Раньше я сжигал дотла целые здания в мгновение ока. Пожар в «Пенинсуле» мог убить сотни людей. Если бы я дал волю инстинктам, которые навязывает мне Зимняя мантия, я погубил бы еще больше народу.

Посреди всей этой схватки не на жизнь, а на смерть мне страстно хотелось сорвать с нее вечернее платье и посмотреть, что будет потом. Но это во мне говорила Зима. В основном. И этим порывам я тоже поддаваться не собирался.

– Мы пришли туда не для того, чтобы убивать фоморов, – ответил я наконец. – Мы пришли за Вальмон. Мы ее выта-

щили. Это все, что требовалось.

– Если бы я не подросла вовремя, эта тварь разорвала бы тебя на части, – заметила Эшер.

– Значит, хорошо, что ты подросла, – ответил я. – Ты внесла свою лепту. Я это признаю. Ты очень ловко обращаешься с огненной магией, хотя это непросто. У тебя талант.

– Ладно, – сказала Эшер, явно смягчившись. – Ты и понятия не имеешь, сколько парней, с которыми я работала, отказывались признавать, что их спасла девушка.

– Да уж, – ответил я, поглядывая на Кэррин. – Это такой новый опыт для меня.

Кэррин фыркнула и остановила машину. Мы снова были у скотобойни.

– Передай Никодимусу, что к рассвету мы вернемся, – сказал я.

Вальмон молча сняла немного великоватые ей туфли и вернула их Эшер.

– Конечно, – ответила Эшер. – Главное, не умри от потери крови или чего-нибудь еще. Нас ждет интересная работа.

– Угу, – отозвался я.

Она снова сверкнула улыбкой, надела туфли и вышла из лимузина. Кэррин тронулась с места в тот же миг, не дожидаясь, когда Эшер войдет в здание.

– Ты в порядке? – Я оглянулся на Вальмон.

Она сняла очки и улыбнулась мне уголком губ.

– Никодимус. Он действительно снова здесь?

– Да, – подтвердил я.

– И ты собираешься поджарить его задницу?

– Если смогу.

– Тогда я в норме, – ответила она и снова уткнулась носом в стекло. – Я в норме.

Кэррин нахмурилась и секунду разглядывала Вальмон в зеркало заднего вида. Затем стиснула зубы и снова уставилась на дорогу.

– Куда едем? – тихо поинтересовался я.

– Ко мне, – ответила она. – Я позвонила Баттерсу сразу, как только в отеле врубилась сирена. Он будет нас ждать.

– Я не хочу больше никого в это впутывать.

– Ты хочешь сразиться с рыцарями Темного Динария, – сказала Кэррин. – Ты правда считаешь, что справишься в одиночку?

Я устало вздохнул в ответ и прикрыл глаза.

– Так я и думала, – ответила она.

Покрышки лимузина шелестели по городским улицам, и я перестал обращать внимание на все остальное.

Глава 12

Дом Кэррин располагался в скромном районе Чикаго и выглядел так, словно принадлежал какой-то милой старушке – в основном потому, что когда-то именно так и было. А у Кэррин как будто никогда не хватало ни времени, ни духу кардинально менять то, что ее бабушка так заботливо обставляла, украшала, где собственноручно сажала цветы. Когда мы подъехали, все места на улице перед домом уже были заняты, и Мёрфи свернула на проезд, ведущий к заднему двору.

Прежде чем она припарковалась, я спросил, повернувшись к Вальмон:

– А что было в конверте?

– Информация на одного местного бизнесмена, – ответила Анна.

– Я его знаю?

Она пожала плечами, слезила в сумочку и передала мне свернутое в трубочку досье. Я взял его, развернул, открыл, прищурился, пытаюсь что-нибудь разглядеть, пока Кэррин не включила в салоне лампочку. Она горела примерно пять секунд, а потом замигала и погасла.

– Вокруг тебя хоть что-то бывает просто? – поддела она меня.

Я показал ей язык, вытянул из-под рубашки серебряную

пентаграмму, амулет моей матери, и послал в нее маленькую частичку воли. Серебро засветилось бело-голубым магическим светом, достаточным, чтобы я смог просмотреть документы.

– Харви Моррисон, – начал читать я вслух, – пятьдесят семь, инвестиционный брокер, финансовый консультант и консультант по ценным бумагам. – Я удивленно заморгал и обратился к Кэррин: – Это еще кто?

– Он управляет деньгами богатых людей, – ответила она. Я хмыкнул и вернулся к чтению:

– Ходит под парусом, играет в гольф, если погода позволяет, и время отпуска проводит в Лас-Вегасе дважды в год. Не женат, детей нет. – Там еще была фотография. – Симпатичный парень. Похож на Клуни, но только с залысинами. Список любимых фильмов, книги и музыка. Есть и биография: вырос здесь, ходил в неплохие школы, родители умерли, когда он учился в колледже.

– Почему он? – спросила меня Кэррин.

Я посмотрел на Вальмон.

– По мне, он выглядит довольно обыкновенно. – Она пожала плечами. – Никаких мошенничеств или растрат, обычных для людей его уровня.

– Честный человек? – спросил я с некоторым скепсисом.

– Или умный вор, – ответила она. – Он заслуживающий доверия бизнесмен, как сотни других в этом городе.

– Может, проблема с азартными играми?

Вальмон опять пожала плечами:

– Фоморы не оценили его как удачную цель для манипулирования.

– Они что, составляют досье на богатых парней?

– Они покупают информацию направо и налево последние несколько лет, – ответила Вальмон. – Разбрасываются большими деньгами. Это настоящий рынок, и покупателей множество.

– В смысле?

– Покупают все: фоморы, Белый Совет, Венатори Умбрум, свартальвы, каждое паранормальное сборище, которое не стоит в стороне от дел. Вот почему я взялась за такую работу – это уже третья в этом месяце. Если хочешь легко заработать и знаешь парочку приятных секретов, я могу связать тебя с серьезными покупателями.

Глаза мои закатились.

– С каких пор ты так подкована в сверхъестественных дрязгах?

– С тех пор, как монстры убили двух моих лучших друзей, – пожала плечами она. – Я поставила себе цель узнать о них побольше. И была сильно удивлена тем, как легко мне это удалось. Как будто они не так уж и сильно скрываются от людей.

– В этом нет необходимости, – пояснил я. – Большинство людей ничего такого не хотят знать и не поверят, даже если им сунешь под нос.

– Ну, это понятно, – сказала Вальмон.

– Почему он? – еще раз спросила Кэррин. – Что Никодимусу от него нужно?

Я сжал губы и задумчиво втянул воздух через зубы:

– Доступ, я полагаю.

– Что ты имеешь в виду?

Я приподнял фотографию Харви:

– Этот парень может дать то, чего не может никто другой. Это единственное разумное объяснение.

– С чьими деньгами он работает? – спросила Кэррин.

Я сверился с папкой:

– Эмм... вот список клиентов. Частные лица, предприниматели, недвижимость, трасты. Большая часть из них обозначена только цифрами или вопросительными знаками. Некоторые и вовсе перечислены как неизвестные.

– Довольно типично, – констатировала Вальмон. – Ребята вроде него действуют с большой долей осторожности. Что Никодимус рассказал тебе о предстоящей работе?

– Только о конечной цели и о тебе, – ответил я. – Ни слова о промежуточных стадиях.

– Держит тебя в неведении, – заключила она. – Заманивает тебя обещаниями, и при этом всячески усложняет возможность твоего предательства, потому что ты не имеешь понятия о его следующем шаге.

– Урод, – в который раз пробормотал я себе под нос. – Значит, мы еще не знаем, что у него на уме, но я готов поспо-

ритель на что угодно, что этот Харви – следующий этап плана.

– Логично, – поддержала меня Кэррин.

– Хорошо, – сказал я. – Не посвящайте в это никого из наших в Чикаго. У нас тут намечается очень серьезная заварушка. Если слух о деле просочится наружу, то это плохо отразится на Мэб, а она выразит свое недовольство в виде скромного распятия меня на кресте.

Кэррин состроила гримаску:

– То есть ты тоже хочешь держать их в неведении и выдавать информацию по мере необходимости и на поэтапной основе?

– Не хочу, – поправил я Мёрфи. – Вынужден. Я понял твою иронию, но как я уже сказал – в этот раз я не намерен раскрывать карты до времени.

Я закрыл глаза и прислушался к своему телу. К уже привычному ощущению смутного дискомфорта и усталости, пронизавшей все мои члены, добавилась слабая пульсация боли, дергавшая меня за спину, что могло означать мышечный спазм. Серебряная сережка в моем ухе до сих пор весила слишком много и пульсировала холодом, граничащим с неудобством.

Инстинкты подсказывали мне, что маленькое болеутоляющее Мэб мне несколько не помогало, разве что притупляло боль, которая иначе разрывала бы мою голову. Там, в отеле, я истратил порядочное количество сил всего лишь на пару заклинаний, и без моего колдовского инструментария это была

та еще работа. Меня заставили черпать энергию из Зимней мантии, просто чтобы держаться на уровне, необходимом, чтобы остаться в живых. Нет никакой достоверной информации о том, как мантия взаимодействует с моими способностями, единственное, что я знаю точно, — до меня не было ни одного Зимнего Рыцаря с чародейскими способностями. Но я был чертовски уверен, что чем больше я полагался на эту холодную, темную силу, тем привычнее оно для меня становилось и с тем большей долей вероятности это изменяло то, кем и чем я был.

Чем бы ни была эта штука в моей голове, она была близка к тому, чтобы меня прикончить. Внезапно я стал почти уверен, что у подарка Мэб было два назначения. Да, он помогал мне стоять на ногах и продолжать вляпываться в неприятности, но так же он ослаблял меня достаточно для того, чтобы моя потребность в Зимней мантии возросла как никогда. Возможно, Мэб пыталась этим намекнуть, что мне следует чаще прибегать к мантии.

Но рано или поздно это изменит меня, как изменило всех моих предшественников.

Если уже не изменило.

Я почувствовал, что испуган.

После долгого молчания Кэррин сказала:

– Пока что мы тебе подыграем. Пойдем внутрь.

Усилием воли я отбросил темные думы и страх, который являлся их непременным спутником.

– Мои вещи у тебя? – спросил я.

– В багажнике.

Я выбрался из машины и доковылял до багажника. Достал из него свою походную сумку и посох, забросил на плечо плащ, ощутив его успокаивающую тяжесть. Плащ и что-нибудь удобное из одежды я надену, когда меня залатают. Может, даже спать в нем придется лечь.

Вот такой выдался у меня денек.

* * *

Я расположился на кухне Кэррин, на кафельном полу, чтобы не заляпать кровью ковер, и обнаружил поджидающего меня Уолдо Баттерса.

Баттерс был худым, мелким парнем возрастом лет за сорок, но по его телосложению он выглядел гораздо моложе. У него была копна черных взъерошенных волос, тонкий нос, смахивающий на клюв, очки и длинные изящные пальцы.

– Гарри, – сказал он, протягивая мне руку, когда я вошел, – нам пора прекращать встречаться вот так.

– Да, или я никогда не буду в состоянии оплатить счет. – Я обменялся с ним рукопожатием и устало улыбнулся.

– Что с тобой стряслось? – Он критически оглядел меня с головы до ног. – Ты что, полез в драку с машиной для подметания улиц?

– Осьмиконги, – ответил я. – И «водолазка» с пулеметом.

– Правая икра, – сказала Кэррин, заводя Вальмон с улицы и закрывая дверь. – Его подстрелили.

– И вы позволяете ему опираться на подстреленную ногу? – спросил Баттерс.

Кэррин бросила на него взгляд, от которого бы молоко скисло.

– В следующий раз я спрячу его у себя в сумочке.

Он вздохнул и произнес:

– Послушай, Гарри, я знаю, что ты не чувствуешь боли, но ты уязвим. И боль в этом смысле очень полезная штука. – Затем показал рукой на один из стульев. – Садись, садись...

На кухне было не развернуться, такая она была крохотная. Я сел. Баттерс – врач, хотя большую часть своей медицинской практики вскрывает трупы, работая судебно-медицинским экспертом в штате Иллинойс. Врачи в больницах начинают немного нервничать, когда ты приходишь к ним с огнестрельным ранением, поэтому я уже довольно давно обращаюсь к Баттерсу, который неофициально помогает мне в подобных вопросах.

Баттерс оголил мою ногу, проворчал что-то себе под нос и произнес:

– Надо перенести на стол. Помогите мне только его раздвинуть.

– Ага, – согласилась Кэррин.

Где-то с минуту они сустились вокруг стола, чтобы расставить его пошире, затем Кэррин легонько ткнула меня лок-

тем и сказала:

– Ну же, Гарри. Я тебя не подниму.

И тем не менее она подставила мне плечо, помогла подняться, а затем и занести ноги на стол. Мне показалось, что на все эти манипуляции в итоге потребовалось куда больше усилий, чем если бы я все проделал сам.

– Баттерс, ты собираешься раскромсать мой смокинг?

– Просто сиди смирно, – ответил он, достав из сумки с инструментами пару безопасных ножниц.

– Потрясающе, – улыбнулся я. – Я просто прикрою глаза на минуту.

– Кэррин, ты не могла бы побыть вместе с Энди? Пожалуйста. И так достаточно плохо, что я работаю с ним в таких условиях. Не хочу, чтобы меня случайно толкнули под локоть.

– Хорошо, – ответила она. – Мы будем в гостиной.

– Ладно, Гарри, – сказал Баттерс. – Дай мне поработать.

– Как у тебя с Энди? – спросил я. – Все нормально?

Он никак не отреагировал на мой вопрос о его девушке:

– Постарайся лежать спокойно.

Я так и сделал. Серьга пульсировала, волны успокаивающего холода накатывали чуть быстрее, чем утром. Баттерс чем-то ткнул в место первого пулевого ранения, и я отметил, что это наверняка было бы адски больно без присутствия Зимы в моем усталом теле. Я приоткрыл глаза и увидел, как он обрабатывает рану пластиковой трубочкой, заполненной

каким-то антибиотиком.

Которая насквозь проходит через дырку в моей ноге.

Я вздрогнул и снова закрыл глаза.

Первый день работы с рыцарями Темного Динария, а я уже подстрелен, потрепан парочкой отвратительных тварей – и это пока еще относительно простые и безопасные части операции.

У меня было дурное предчувствие, что день второй будет еще хуже.

Глава 13

«Открой глаза, придурок. Она прямо перед...»

Я оторвал голову от стола и моргнул. Пугающий злобный голос звучал в моем ухе ясно как день.

– Чего?

Уже прошло какое-то время. Баттерс стоял у раковины и мыл свои инструменты. Он остановился, недовольно посмотрел на меня через плечо и произнес приказным тоном:

– Лежи!

Я так и сделал. Сережка жгла, как кусочек льда, такого холодного, что мне трудно было сдерживать дрожь.

– Ты что-то сказал? – спросил я Баттерса.

– Нет, – нахмурился он. – Ты немного не в форме, и я дал тебе отдохнуть.

– Кто-нибудь еще здесь есть?

– Нет, Гарри.

– Я мог бы поклясться...

Он выжидательно посмотрел на меня, подняв бровь:

– Поклясться в чем?

Я тряхнул головой:

– Приснилось, наверное.

– Ладно, – не стал спорить Баттерс.

– Ну что, док, жить я буду?

Он фыркнул:

– Инфекция остановлена, с тобой все будет в порядке. Нет, что я говорю... Тебе нужно в больницу, чтобы сделать внутривенное вливание, и еще неделю соблюдать постельный режим. Впрочем, ты же, по своему обыкновению, все равно будешь продолжать делать все эти идиотские и опасные вещи. Но в данный момент тебе, скорее всего, не грозит истечь кровью в процессе.

Я как мог приподнял голову, чтобы себя осмотреть. Из одежды на мне были лишь брюки с отрезанной почти целиком правой штаниной. Получи! Вот тебе и бюджет, который выделил Никодимус. Несколько порезов были перевязаны. На двух красовались свежие швы, такие же, как и по краям ран от выстрелов, всего где-то с десятков, и...

– Это что, суперклей?

– Суперклей и швы. Если бы ты предложил мне изоленду, использовал бы ее.

– Ладно, в следующий раз возьму с собой изоленду, на всякий случай, – ответил я. – Ну что, мне можно одеваться?

– Попробуй не двигаться слишком резко. – Баттерс вздохнул. – И будь аккуратнее, когда встаешь. Не думаю, что потеряно много крови, но какое-то время ты можешь чувствовать головокружение.

Я осторожно встал, нашел свою спортивную сумку и вытащил из нее комплект чистой одежды. Затем скинул с себя остатки брюк и принялся одеваться.

– Так чем ты сейчас занимаешься? – поинтересовался Бат-

терс. – Кэррин на этот раз еще более разговорчивая, чем обычно.

– Будет лучше, если я пока не стану тебе рассказывать, – ответил я. – Но сначала должок.

– Что? – Он недоуменно нахмурился.

Я закончил одеваться, снова заглянул в сумку и вытащил оттуда круглое изделие из древесины дуба. Мне потребовались целый месяц работы и несколько неудачных попыток, чтобы добиться нужных пропорций, но в результате я смог вырезать почти точную копию человеческого черепа. Затем я выдолбил его с помощью инструментов, сделанных лично мной из изогнутых и заостренных фрагментов оленьего рога, который нашел для меня Альфред. Ну а потом занялся главным. Теперь деревянный череп покрывали аккуратные плотные ряды рун и символов, напоминающих те, что на моем посохе.

– Четыре месяца я убил на это, – сказал я и протянул череп Баттерсу. Я не знал, кто был в доме еще и сколько ушей могли меня слышать, поэтому не хотел вслух упоминать имя Боба. Дух-советник был слишком ценным и уязвимым созданием, чтобы кричать о нем во весь голос.

– Передай это нашему общему другу и скажи, что теперь мы в расчете. Он сам тебе объяснит, что с этим делать.

– Это то... что я думаю? – Баттерс слегка опешил.

Я подошел к нему ближе и понизил голос до полупшепота.

– Запасной сосуд, – подтвердил я. – Не столь удачный, как

предыдущий, но должен защитить его от восхода и солнечного света. Я заключил с ним сделку и свою часть обязательств выполнил.

– Гарри, – Баттерс плавно покачал головой, – уверен, что он будет доволен.

– Не будет. – Я усмехнулся. – Он станет ныть и причитать, как топорно у меня получилось. Но она у него будет, вот что важно.

– Спасибо, – поблагодарил меня Баттерс подчеркнуто вежливым тоном и убрал деревянный череп в сумку. – Я ему передам.

– Э-э-э, старина! Ты в порядке? – Я заметил в нем что-то неладное.

Он странно посмотрел на меня, затем вернулся к раковине и продолжил мыть свои инструменты.

– Год был долгий, – ответил он. – И я мало спал. Вот и все. Это было не все. Я, конечно, не великий специалист по части человеческих отношений, но он явно был чем-то озабочен.

– Баттерс?

Он покачал головой.

– Тебе нужно задавать поменьше вопросов, Гарри. – Его голос прозвучал тверже и суше, чем я ожидал.

– Ага, и еще мне нужно есть больше овощей, – парировал я. – Но давай смотреть правде в глаза. Я такой, какой есть, другого уже не будет. Так в чем дело?

Он вздохнул и сказал:

– Гарри... Ты читал «Кладбище домашних животных»? Я нахмурился.

– Ну да, давно когда-то... – Мой желудок подпрыгнул. – Что ты хочешь сказать? Что я вернулся с того света другим?

– Ты был мертв, приятель, – ответил Баттерс. – Люди были... Слушай, когда ты был здесь, ты был в городе своего рода шерифом, во многих смыслах. Ты умер, и все в Чикаго пошло наперекосяк. И не только с фоморами. Вокруг снуют вурдалаки. Из Подземья полезла всякая нечисть. Вампиры начали в открытую похищать людей. Даже обычные люди замечают неладное. Молли делала, что могла, но цена, которую ей пришлось за это платить...

Я не сводил с него глаз, пока он говорил. Его взгляд был где-то далеко отсюда, руки двигались все неувереннее.

– И тут появился твой призрак, это было... ну, ты понял. Странно. Но мы подумали, раз ты жил не как все, значит и умер не как все.

– Это была клиническая смерть... – начал я.

– Ты нам этого не сказал, – ответил Баттерс.

Я открыл рот и снова закрыл. Он был прав. Да, не сказал. Я имею в виду, что тогда я этого не знал, но у него была масса оснований, чтобы начать думать обо мне в прошедшем времени.

– И вот, когда все катится в пропасть, ты объявляешься опять. – Он слабо улыбнулся. – Представь только, крутой

старший брат Гарри воротился из мертвых! Думаю, тебе не понять, что это для нас значило. Ты уже очень давно владеешь огромной силой и разве можешь понять, каково это – ходить по улицам без нее. Ты не знаешь, что это такое – беспомощно наблюдать, как с людьми происходят страшные вещи, а ты способен только ходить вокруг без возможности кому-то помочь. – Он издал короткий горький смешок. – Да, череп болтал всякое. Не уверен, что это изменило ситуацию к лучшему. Я знал, что происходит, но не мог ничего сделать, только какие-то случайные мелочи – и никогда по собственной воле.

– Баттерс... – начал я.

Он не слышал меня.

– Дела идут все хуже и хуже, и тут внезапно защитник возвращается, когда ты думал, что он ушел навсегда. – Баттерс покачал головой, на глаза его навернулись слезы. – Это было как доза чистой надежды. Супермен снова надел свой плащ. Шериф снова вернулся в город.

Я наклонил голову. Кажется, я знал, что последует за этим, и мне это ни капли не нравилось.

– Если не считать того, что в город ты так и не вернулся, – продолжил он. – Ты остался на Пугающем острове. И не стал делать вообще ничего. А затем исчезла и Молли, и мы вдобавок лишились даже ее защиты. Знаешь, в прошлом году Билли и Джорджия попали в больницу. Какое-то время мы даже не знали, выкарабкаются ли они. А у них теперь ма-

ленькая девочка. Она едва не осталась сиротой. Каждый из нас потерял кого-то за последние пару лет, ну или знает тех, кто потерял. А ты все оставался на своем Пугающем острове.

– Мне пришлось, – ответил я.

Баттерс стиснул зубы.

– Постарайся посмотреть на это моими глазами, Гарри, – сказал он. – С Чичен-Ицы ты перестал быть собой. Ты сам-то хоть понимаешь?

– Ты о чем? – спросил я.

– Ты заключил сделку. С Мэб, – просто ответил он. – А потом умер. Объявился твой призрак, и это подтверждало то, что ты умер. И он заставил нас попотеть. Потом ты появляешься снова, уже живой, только теперь у тебя эти жуткие силы Зимних фэйри. А на следующий день исчезает Молли, также обзаведясь такими же силами. Дальше ты опять пропадаешь на целый год, живешь на острове, где никто не может до тебя достучаться и никаких от тебя ни вестей, ни помощи... – Первый раз за все это время он заглянул мне в глаза. – Это не ты. Не тот ты, которого мы знаем. Парень, который играл с нами в карты. С которым мы ездили смотреть кино под открытым небом...

Я засунул руки в карманы.

– Да, с людьми всякое бывает, – продолжил он. – И возможно, у тебя были важные причины сделать то, что ты сделал. Но... В конце дня у меня просто нет замены, чтобы всякий раз ездить сюда. Мы теряем людей. Детей. Старых дру-

зей. Черт побери, одно время здесь даже водилась пакость, убивающая домашних животных. – Он вернулся к своим инструментам. – Всего этого хватает, чтобы стать циником. И вот ты снова тут и не собираешься говорить о том, чем занят на этот раз. Люди боятся, а вдруг ты слетишь с катушек, как все Зимние Рыцари до тебя. – Он обернулся ко мне, тяжелый взгляд его темных глаз был наполнен болью. – И после того, как тебя зашили, что ты делаешь в первую очередь? Эй, Баттерс! Как дела, Баттерс? Извини, что поколотил твою подружку! Не хотел раздолбать твой компьютерный зал, дружище! Нет. Первое, о чем ты говоришь, – о сраном каком-то долге. Как какой-нибудь из этих вонючих фэйри.

Холодный озноб прошелся по моему животу. Баттерс не знал всего, он не знал всю историю, но...

Он был прав.

Баттерс начал ожесточенно сваливать свои вещи в сумку. – Я боюсь. – Голос его стал мягче. – Я знаю, что происходит, и я боюсь. Скажи мне, Гарри: мы должны ожидать того, что Супермен и Лютор² споются? Когда мне станет известно, во что ты втянул Кэррин, это меня успокоит? Потому что я уже не уверен, что знаю тебя.

Прошло где-то с минуту, прежде чем я ответил.

– Не успокоит, – сказал я тихо. – И я по-прежнему пока не хочу тебя в это посвящать.

---

² Лютор – суперзлодей и заклятый враг Супермена из знаменитых комиксов и мультсериала.

– Честный ответ. – Он кивнул. – Что ж, хотя бы так. В холодильнике апельсиновый сок. Попей. В ближайшие несколько дней пей больше жидкости.

Баттерс взял свою сумку и вышел из кухни.

Он выглядел таким же усталым, каким ощущал себя я. И я видел, что он напуган и что страх гложет его изнутри. Он сомневался. Весьма разумно в этом мире. Он сомневался во мне. Это было больно, но объяснимо. Может быть, даже мудро. И он говорил открыто. Для этого требовалась смелость. Если бы я действительно превращался в монстра, он выставил бы себя отличной мишенью. Но он все равно не стал молчать – а значит, не был уверен и хотел рискнуть.

Более того, когда мне понадобилась его помощь, он не отказался, пришел.

Баттерс – отличный парень.

И он не ошибся.

Я слышал, как в гостиной тихо переговариваются Баттерс, Кэррин и кто-то еще – наверное, Энди. Секунду спустя хлопнула дверь. В опустевшем доме воцарилась тишина.

Кэррин появилась в дверях.

– Ты все слышала? – спросил я.

– Да, – сказала она, – слышала.

Она подошла к холодильнику, открыла его и достала пакет с апельсиновым соком. Нашла в шкафу пластиковый стакан и наполнила его до краев. Потом передала мне.

Я поморщился и отпил немного, потом опустил взгляд.

– Ты согласна с ним?

– Его можно понять.

– Но ты с ним согласна?

– Я тебе верю, – сказала она.

Три слова. Значимые. Особенно от нее. На мгновение они заполнили комнату целиком, и я почувствовал, как тугой узел в груди стал немного слабее.

Я посмотрел на нее и улыбнулся. Она ответила тем же.

– Возможно, зря, – произнес я.

Ее улыбка сделалась шире, и в уголках глаз собрались морщинки.

– Возможно, я уже большая девочка и могу решать за себя сама.

– Может, и так, – допустил я.

– Год был тяжелый, – сказала она. – Они вымотаны и напуганы. Иногда люди теряют веру. Но они поймут. Вот увидишь.

– Спасибо, – сказал я тихо.

Она опустила ладонь мне на руку и несильно сжала, затем убрала.

– Я устроила Вальмон в гостевой спальне. Ты ляжешь в моей комнате, а я – на диване.

– Нет, я на диване, – возразил я.

– Ты на нем не поместишься, дурачок. И ты забыл, что это тебя сегодня подстрелили. И если мы собираемся осуществить задуманное, мне нужно, чтобы завтра ты был в хоро-

шей форме.

Я поболтал апельсиновый сок в стакане. Она дело говорила.

На пороге появился Мистер и бросился ко мне. Я отставил простреленную ногу назад, чтобы масса его пришлась только на левую голень, потом нагнулся и почесал его рваное ухо.

– Где тебя носило, шерстяной клубок?

– Это забавно, – сказала Кэррин. – Он исчезает, стоит тут появиться Энди.

Я вспомнил хаос, который устроил когда-то Мистер в моей старой квартире, и улыбнулся:

– Может, она просто не кошатница.

– Пей свой сок, – напомнила она. Я выпил. Она снова наполнила стакан и проследила, чтобы я выпил и его.

– Хорошо, – сказала она. – Вальмон уже легла. Иди спать. Завтра нам рано вставать, и ты мне понадобишься хорошо отдохнувшим.

Я и сам знал, что Кэррин права. В такой ситуации лишать себя жизненно важного отдыха без всяких на то причин – смерти подобно. К тому же сегодня я и так уже сделал достаточно. Все прочее подождет до завтра.

Я отправился в спальню Кэррин, но, проходя через гостиную, остановился.

Кофейный столик был завален оружием. Часть его была выложена на ткань, другие стволы, уже вычищенные, стояли, прислоненные к ближайшему стулу, где для них уже

была приготовлена сумка. Среди них был любимый маленький бельгийский карабин Кэррин, а рядом с ним какие-то две штуковины, напоминающие бластеры из фантастических фильмов.

– Новые игрушки? – поинтересовался я.

– Аксессуары, – не без самодовольства ответила она. – Я же девочка, Гарри.

– А это что, базука?

– Нет, – ответила она. – Эй-ти четыре. Гранатомет. Намного лучше, чем базука.

– На тот случай, если мы соберемся поохотиться на динозавров?

– Какая работа, такие и инструменты.

– Можно, я с ним поиграю?

– Нельзя, тебе пора баиньки.

Она расположилась на диване и начала собирать один из своих стволов. На мгновение я замер в нерешительности. Какое я имею право втягивать ее в ту игру, которую затеял?

Я быстро загнал эту мысль подальше, но тут же всплыла другая. Могу ли я вот прямо сейчас вывести ее из этого дела?

Кэррин посмотрела на меня и улыбнулась. Она справи-лась со сборкой так быстро, как другие завязывают шнурки.

– Увидимся утром, Гарри.

Я кивнул. Лучший способ убрать ее с линии огня – начать дело и закончить его. Она не перестанет мне помогать, даже если я ее попрошу. Хватит ходить вокруг да около, Гарри.

Вступай в бой и отделай Никодимуса и компанию так, чтобы больше им неповадно было.

– Ага, – ответил я. – Увидимся утром.

Глава 14

Сколько бы Зимняя мантия ни поддерживала меня в бою, она, похоже, совершенно обо мне забывала, как только я оказывался в безопасности.

За мучительное количество прыжков я добрался до ванной Кэррин, помылся как мог, при помощи мочалки, раковины с теплой водой и маленького обмылка, а затем рухнул в постель. Примерно через десять секунд усталость, отступившая было на задний план, навалилась с новой силой, жжение и тупая боль от десятков порезов и ушибов давали о себе знать.

Я слишком устал, чтобы обращать на это внимание. Пока я размышлял недолгое время, встать ли мне и поискать аспирина или другое болеутоляющее, как незаметно подкрался сон и я отключился.

Сон, который мне снился, был из тех, что называются лихорадочными, – шумный, яркий, бессвязный. Я не помню всех деталей. Помню только, что я никак не мог поспеть за происходящим. Как только мои глаза фокусировались на чем-то, все изменялось. Как только я догонял действие, оно, хохоча, мчалось в другом направлении и оставляло меня. Я отчаянно пытался развернуться в нужную сторону и поймать ритм, но казалось, что мои ноги увязли в грязи. В то же время неподалеку от себя я видел других Гарри Дрезденов, и

каждый из них танцевал собственный путаный танец параллельно со мной. И иногда мы останавливались, чтобы помахать друг другу рукой и обменяться жалобами.

Под конец сна я обнаружил, что еду по какой-то дороге в моем старом разноцветном «фольксвагене» по прозвищу «Голубой жучок», продираясь вперед через сильный дождь. Моя ученица Молли сидела рядом со мной.

Ей было чуть за двадцать, и она была прекрасна, хотя, по мне, выглядела немного худовато. Ее волосы, цвет которых постоянно менялся с подростковых времен, теперь были длинными и почти белыми. Она была одета в старые дизайнерские джинсы, синюю футболку с выцветшим символом вторичной переработки и сандалии.

– Ненавижу такие сны, – пожаловался я. – Никакого сюжета, просто набор случайных странных событий. Этого мне хватает и наяву.

Она посмотрела на меня с испугом и несколько раз моргнула:

– Гарри?

– Конечно я. Это же мой сон.

– Нет, не совсем, – сказала Молли. – Как ты это делаешь?

Я на мгновение оторвал руки от руля, чтобы театрально пошевелить всеми десятью пальцами и зловеще протянуть:

– Я – чародей!

Молли разразилась веселым смехом:

– О боже, это что, случайность? Ты наконец выбрался с

острова? Как твоя голова?

Теперь пришлось заморгать мне:

– Постой-ка. Это ты, Молли?

– Я, – сказала она с улыбкой, на секунду обернула руку вокруг моей шеи и склонила голову мне на плечо в быстром объятии. Прикосновение было теплым, что выходило за рамки нормальных ощущений во сне. Чувство ее присутствия было таким отчетливым, что не вызывало сомнений. – Ух ты! Так приятно вас видеть, босс.

– Ух ты! – повторил я. – Как же это происходит?

– Хороший вопрос, – сказала она. – С Нового года на меня нападали во сне, наверное, раз пятьдесят. Я думала, что моя защита довольно крепкая.

– Нападали? Кто? – спросил я.

– А-а, – протянула она небрежно, – в основном сидхе.

– Подожди, разве ты не их принцесса?

– Во плоти – да. – Глаза Молли сверкали. – Но во сне они могут приходить ко мне анонимно, поэтому каждый панк думает, что это круто. Это как Интернет для фэйри.

– Вот уроды.

– Ну не совсем, – возразила она. – Послушай, Гарри, Мэйв была действительно очень, очень ужасной Зимней Леди. Теперь я получила эту работу. Сидхе просто хотят убедиться, что я для нее гожусь. Они меня так проверяют.

– Приходят во сне?

– Тихонечко, пока Мэб не видит, – ответила Молли. – Это,

вообще-то, напоминает, как моя мама оставляла меня дома следить за моими маленькими братьями и сестрами. Только с более преступными намерениями.

Я издал короткий смешок.

– Ты улыбаешься – это хорошо. Они наступают. Я даю им пинка. Ничего личного, – продолжала она. – Потом я возвращаюсь к своей работе. Из-за которой, кстати, от меня и не было никаких вестей. Прости. Еще лет полтора, и я стану делать ее так же хорошо, как Мэйв. А у тебя какие оправдания?

– Я посылал тебе гонцов каждый день последние полгода, – ответил я.

Глаза Молли расширились, затем сузились.

– Мэб?

– Мэб.

– Я тебе была нужна? – После моего ответа в голосе ее прозвучало негодование.

– Позавчера. Эта штука в моей голове собирается убить меня в ближайшие несколько дней. Духоприют считает, что ты можешь помочь. Похоже, и Мэб так считает.

Голубые глаза Молли стали ледяными.

– Иначе она не перехватывала бы твоих гонцов. Сука. Если бы я знала... – Молли прикусила губу. – Она дала мне работу, которую я не могу бросить так сразу.

– Раздражает? – спросил я.

– Я под двумя милями льда. Весь день сюда добиралась.

Вот почему я сейчас сплю. Что у тебя происходит?

Я ей рассказал.

– О боже, Гарри! Никодимус? А Саня уже там?

– Нет, – ответил я и тут же поправился: – Пока нет.

– Рыцарь Меча будет там, – пообещала она. – Он всегда появляется. А я уже убегаю...

На лице ее появилась досада, и в то же мгновение окружающее начало мерцать. Я внезапно оказался посреди небольшого стада «Голубых жучков», в каждом из которых сидели немного разные версии Гарри Дрездена и Молли Карпентер. Я переезжал через другие «фольксвагены», как лыжник на слаломе.

– ...Как только смогу... – прозвучал голос Молли издалека.

И вот я уже ехал один.

Движение становилось все плотнее и беспорядочнее. А затем раздался громкий визг шин и скрежет гнущегося металла, появился яркий свет, и возникло ощущение вращения и падения одновременно в преувеличенном и изящном темпе замедленной съемки.

Радио закашлялось от помех, потом женский голос заговорил тоном радиокomentатора:

– ...К другим новостям. Гарри Дрезден, чародей из Чикаго, слепо несется навстречу собственной гибели, потому что отказывается замечать простые и очевидные истины, лежащие перед ним как на ладони. Дрезден проигнорировал

несколько чрезвычайно удачно посланных предостережений и, как результат, вполне возможно, погибнет в ближайшие сорок восемь часов...

* * *

Я выдернул себя из сна и сел на кровати, весь в поту и с трясущимся телом, мои инстинкты взвыли, предчувствуя опасность и подсказывая мне, что я больше не один в комнате.

Инстинкты оказались правы ровно наполовину.

Кэррин бесшумно прикрыла за собой дверь и мягко подошла к кровати, освещенная тусклым светом уличных фонарей. На ней была длинная полинявшая майка чикагской полиции, а волосы она связала в простой конский хвост. В руке она сжимала свой любимый «зиг», направленный стволом вниз.

– Эй, – прошептала она, встав возле меня. – Я услышала какой-то шум. Ты в порядке?

Одной рукой я протер глаза. Неужели Молли мне снилась? Всего лишь сон? Или это было нечто большее? Я знал, что множество безумных вещей становятся возможными во сне, и я знал, что этот казался невероятно реальным, но это не значит, что он был реальностью.

– Сны, – пробормотал я. – Извини, не хотел тебя будить.

– Я все равно не спала. Ты что-то бормотал и ворочался.

Я услышал, как Кэррин положила «зиг» на прикроватный столик. Она была в каких-то полутора футах от меня, что позволило мне уловить исходящий от нее аромат. Запах чистой одежды из прачечной, дезодоранта, смутно напоминающего какой-то цветочный аромат, намек на загоревшую под солнечными лучами кожу, а также еле уловимый запах средства для чистки оружия. Секунду спустя она положила мне на лоб руку.

– У тебя температура, – заключила она. – Сны при лихорадке самые скверные. Сядь прямо. – Она пошла в ванную и вышла оттуда минуту спустя с водой в пластиковом стаканчике и четырьмя таблетками. – Ибупрофен, – пояснила она. – Как твой живот?

– Отлично, – пробормотал я. – Что меня действительно беспокоит, так это порезы и синяки. – Она передала мне таблетки и воду, я закинул все в себя и поставил стаканчик на стол. – Спасибо.

Она взяла стаканчик и повернулась, чтобы выбросить его в мусорное ведро, а свет из ванной осветил сильные, рельефные мышцы ее ног. Я постарался не замечать, насколько мне понравилась эта картина.

Но Кэррин все заметила.

Она застыла в этой позе, наблюдая из-за плеча, как я наблюдаю за ней. Затем она повернулась и подошла к двери в ванную, чтобы выключить свет. Я увидел ее ноги еще отчетливее. Затем свет погас, и мы оба оказались в темноте. Она

не двигалась.

– Твои глаза, – тихо произнесла она. – Ты смотрел на меня так лишь несколько раз. Это... возбуждает.

– Извини, – сказал я. Мой голос показался мне грубым.

– Не нужно, – ответила она мне. Тихо зашуршала одежда. Я почувствовал, как под ее весом осел край кровати. – Я... я думала о том, о чем мы говорили в прошлом году.

В горле у меня пересохло, сердце забилося чаще.

– Что ты имеешь в виду?

– Это, – сказала она. Ее рука коснулась моей груди и ласково прошла по лицу. Затем ее вес переместился на кровать чуть дальше, и ее губы соприкоснулись с моими.

Это был замечательный поцелуй. Медленный. Теплый. Ее губы, мягкие, нежные, ласкали меня тихими волнами. Я слышал, как рвется ее дыхание, пальцы Кэррин тешили мои волосы, один раз даже царапнув кожу, а затем ее руки скользнули ниже, от шеи к плечу.

Желание переполнило меня жаром и чисто животной страстью, Зима тоже пробудилась во мне, требуя немедленного удовлетворения. Тело волей инстинкта говорило мне, что вот она, рядом, – теплая, настоящая, прижимается ко мне все плотнее через один только тонкий покров одежды – бери ее, не раздумывая.

Я себя успокоил. С мягким стоном оторвал ее губы от своих губ и выдавил через силу:

– Кэррин...

– Я знаю, – ответила она, тяжело дыша и не отстраняясь; ее горячее дыхание обжигало мне кожу. – Эта штука, которой тебя одарила Мэб. Это она. Я знаю.

Она взяла мою руку и положила себе на пах. Потом переместила ее чуть ниже и стала двигать ею под майкой туда-сюда. Я чувствовал мягкость и упругость ее кожи, ее гибкость, ее изгибы. Под майкой у нее не было ничего.

Я неподвижно замер. Это была единственная альтернатива неминуемым животным инстинктам.

– Что? – выдохнула она.

Что-то во мне, с Зимой не имеющее ничего общего, вопило, чтобы я не медлил, призывало начать двигать пальцами, стянуть с нее майку и действовать дальше. Я предотвратил этот порыв.

Она была слишком важна для меня. Я не мог довериться своей похоти в решении подобных вопросов.

Увы, моя голова отказывалась четко выражать эти мысли.

– Ты не... – лепетал я. – Я не уверен, что я могу... Кэррин, я хочу, но я...

– Все в порядке, – шепотом сказала она.

– Я не уверен, – говорил я в попытках оправдаться.

Я хотел ее. Но я хотел, чтобы в этом участвовало не только желание. Я мог обладать ею, если бы захотел, – бездумный секс ради секса точно не являлся редкостью среди Зимних сидхе.

Но подобное могло оставить от вас лишь пустую оболочку.

ку, если вы позволите желанию собой управлять. А у Кэррин была и храбрость, и верность, и сердце, и мозги, и еще столько всего куда большего, чем примитивная потребность и желание.

Я пытался объяснить это. Слова стремительно и бессвязно вылетали из моих уст. Сомневаюсь даже, что в правильном порядке.

Она прикрыла мой рот рукой. В ее голосе чувствовалась улыбка:

– У меня в запасе был целый год, чтобы подумать об этом, Гарри. И я не хочу проснуться однажды и понять, что мне было страшно переступить черту. – Она наклонилась и ласково поцеловала меня в веко. – Я знаю, ты человек хороший. И у меня никогда не было друга лучше тебя. – Она опять наклонилась и поцеловала мне веко, уже другое. – И я знаю, что ты долгое время живешь один. Как и я. И вот я здесь, рядом. И я хочу этого. Ты этого хочешь тоже. Так может, ты наконец заткнешься и что-нибудь сделаешь?

Мои пальцы дрогнули, наслаждаясь теплом ее мягкой, упругой кожи на изгибе бедра. Тело Кэррин пронзила дрожь, она испустила вздох и затаила дыхание.

Это вконец меня распалило. Я обнял ее рукой и усадил на себя. Тело Кэррин было крепким и жилистым, роста она была невысокого, и сил во мне хватало вполне. Я устроил ее поверх, ее грудь прижалась к моей груди через тонкую материю майки, я положил руки на ее бедра и стал водить ими

вверх и вниз, чувствуя мягкую теплоту плоти и порождая у нее наполненные желанием стоны.

Я сказал, споря с желанием:

– Не знаю, смогу ли я сдержаться... Не хочу, чтобы тебе было больно...

В ответ она слилась со мной в поцелуе, и поцелуй этот был чистый голодный огонь. Я ответил с таким же жаром, наши языки сплелись в танце; Кэррин в порыве страсти сбросила с постели одеяло.

– Я сражалась с викингами, Гарри, – сказала она. – Я не стеклянная. Тебе нужно это. Нам нужно это. Заткнись уже, Дрезден. – Ее губы снова впились в мои, и я перестал думать о чем бы то ни было.

Поцелуй становился все жарче, ее руки смелее. Я потерял счет тому, сколько раз мои пальцы шарили под ее майкой, от затылка и вниз до бедер, снова и снова. Ее губы рыскали по моему лицу от уха до шеи, посылая импульсы желания телу, пока напряжение не достигло последних пределов.

Я вскрикнул и перевернулся, подминая Мёрфи под себя, отчего она резко втянула воздух. Я поймал ее руки и с силой вжал их в матрас, затем заскользил вниз по женскому телу, пока мой рот не оказался у Кэррин меж ног. Она была сладкой и тяжело дышала, в то время как я изучал ее губами и языком; каждая волна дрожи, пробежавшая по ее телу, все больше распаляла ее, бедра Кэррин ходили ходуном, она неистово выгибала спину. Мёрфи выкрутила запястья, пыта-

ясь опереться на них... затем ее дыхание резко оборвалось, а тело выгнулось дрожащей дугой.

Несколько секунд она жадно вдыхала воздух, ерзая и содрогаясь от ощущений, и я снова увидел ее лицо в неверном свете уличных фонарей. Оно стало багровым от страсти, глаза были закрыты. Я был возбужден настолько, что дальше сдерживаться становилось больно. Тогда я снова поднялся выше, на этот раз прижав запястья Кэррин над ее головой.

– Да, – прошипела она. – Прямо сейчас. Пожалуйста.

Господи, подчас самой чувственной вещью, которую женщина может дать мужчине, является слово «да».

Мне не нужно было повторять дважды.

Она была горячее, скользкой от пота, и я едва сдерживался от того, чтобы просто взять и войти. Крошечная часть моего сознания смогла немного замедлить ход событий, когда я начал входить в нее, – пока она не вскинула ноги и не вдавила пятки мне в бедра, заставляя меня войти еще глубже.

Я уже не пытался сдерживаться.

Кэррин освободилась из моей хватки и обвила мою шею руками. Она рывком опустила меня ниже, разница в нашем росте не позволяла мне добраться губами до ее губ и не выйти из нее при этом. Но я сумел. Наши губы сливались в страстном поцелуе, наше дыхание переплеталось, пока тела двигались в одном ритме. Она извивалась в моих объятиях, ее глаза закатились, когда она снова выпрямилась, а затем, изогнув спину, издала тихий, почти неслышный стон. Я

не остановился, когда после оргазма она рухнула ничком на кровать, а только больше распалился от этого, ее тело двигалось навстречу каждому моему толчку.

– Сейчас, – выдохнула она. – Не останавливайся, только не останавливайся.

Я уже не мог и не хотел останавливаться. Я уперся руками в кровать, оторвавшись от ее тела, и был способен думать только о том, как мне хорошо и как росло и росло во мне ощущение скорого удовлетворения.

– Да, – снова выдавила из себя Кэррин. – Кончай уже.

Я достиг пика...

...И почувствовал, как что-то твердое и холодное тычется мне в висок.

Я открыл глаза и увидел, что она приставила к моей голове свой «зиг». А над ее бровями открылась еще одна пара глаз, горящих дьявольским лиловым огнем; на лбу же проступил пылающий тем же цветом символ, по форме схожий с песочными часами.

Голос Мёрфи изменился, стал ниже, глубже и чувственнее.

– Даже в самом страшном аду нет фурии страшнее, чем женщина, которую отвергли, – мило промурлыкала она.

И нажала на спуск.

Сидя в постели Кэррин, я пытаюсь сдержать рвущийся из меня крик.

Я протер глаза, пытаюсь собраться с мыслями и прогоняя сон. Серебряная серьга в левом ухе ощущалась, как маленький кусочек ледяного свинца, тяжелого и по-северному холодного. Я тяжело дышал, меня заливал пот, несколько порезов горели. Мое тело болело и – что много хуже – было взвинчено до предела, разочарованное неудовлетворенным желанием моих возбужденных чувств.

Я со стоном откинулся на постель.

– Ладно, – тяжело выдохнул я. – Даже во сне облом? Это же смешно, черт побери!

Мгновение спустя под потолком щелкнул свет и дверь спальни открылась.

Кэррин стояла в проеме в своей полицейской футболке и свободных спортивных шортах, держа в опущенной руке «зиг».

– Гарри? – сказала она. – Ты в... – Она остановилась,глянула на меня и вскинула золотисто-темную бровь.

Я схватил подушку и бросил себе на бедра.

Кэррин разглядывала меня с секунду, трудно было определить по лицу, о чем она сейчас думает.

– Прибереги это для ночных баталий. – Она повернулась

было, но остановилась. – Как только мы справимся с нашим делом...

Она снова глянула на подушку и улыбнулась. Эта была удивительная улыбка – веселая и в то же время с намеком.

– Когда мы с ним разберемся, тогда и поговорим.

Я понял, что отчаянно краснею.

– Увидимся утром. – Она снова улыбнулась.

Затем притворила дверь и оставила меня одного.

Но, судя по этой улыбке, одиночество мне в будущем не грозило.

Глава 15

Кэррин, Вальмон и я явились на бойню на рассвете. Когда я поднялся по лестнице и вышел на галерею, Джордан и еще один оруженосец поспешно брызнули в стороны, словно подростки, пойманные на чем-то постыдном. Джордан при этом прятал в карман свой малоформатный блокнот.

– Привет, Джордан, – поприветствовал я его с улыбкой. – Как дела?

Он хмуро посмотрел на меня.

Я подошел к нему:

– Покажи-ка мне свой блокнотик.

Джордан так же хмуро пялился на меня. Бросил взгляд на другого оруженосца, тот стоял на своем посту в сорока футах от нас на ближайшем повороте галереи. Оруженосец на его взгляд не ответил.

– Сделай милость. – Я протянул руку. – Я не сдвинусь с места, пока ты мне его не покажешь или пока Никодимус не придет и не увидит нас здесь.

Губы Джордана скривились в недовольной гримасе. Он вытащил блокнот и протянул мне.

– Спасибо, – поблагодарил я, открыл блокнот и начал читать.

«Сейчас 10 коз».

Ответ был записан крупно и четко – похоже, оруженос-

цем-соседом.

«И ЧТО?»

«Одна пропала ночью, другая только что. Куда они все деваются?»

«ТЫ СКАЗАЛ ОБ ЭТОМ ХОЗЯИНУ?»

«Да».

«ЧТО ОН СКАЗАЛ?»

«Ничего».

«ЗНАЧИТ, ЭТО ВСЕ, ЧТО ТЕБЕ СЛЕДУЕТ ЗНАТЬ».

«Рядом с нами что-то присутствует. Опасное. Чувствуешь?»

«ЗАТКНИСЬ И ДЕЛАЙ СВОЮ РАБОТУ».

«Но что э...»

Запись обрывалась резкой каракулиной.

Я посмотрел на Джордана:

– Ну-ка, скажи мне, мальчик, почему твой босс избегает любых вопросов?

Кэррин многозначительно кашлянула.

– Лично я готов ответить на любой из твоих вопросов, – произнес я подчеркнуто монотонно, – впрочем, не сейчас. – Я вернул блокнот Джордану. – Скажи мне, для чего Нику козы. Он кормит кого-то?

Лицо Джордана побледнело, но он смолчал.

– Малыш, твой босс сделал плохо многим хорошим людям. Даже кое-кого убил.

На мгновение в памяти мелькнуло воспоминание о Широ.

Старый Рыцарь отдал свою жизнь в обмен на мою. Никодимус с компанией расправились с ним. Жутко расправились.

И они должны мне за это.

Возможно, что-то прочиталось у меня на лице – Джордан сделал шаг от меня, сглотнул и потянулся к ружейному ремню.

– Будь умнее, вали отсюда. Никодимус пустит тебя на фарш при первом удобном случае. Я не знаю, что он наобещал вам, парни. Собственную ли монету для ваших душ. Личного ли ангела, запертого в лампе. Я через это проходил. Все не так, как нам кажется.

На лице Джордана отразилось сомнение.

Думаю, не так уж много людей, вступивших в Темный Динарий, смогли выйти из него.

– Поверь мне, – продолжил я, – что бы там вам ни говорили, от Падших не стоит ждать ничего хорошего.

Я кивнул ему и пошел вниз. Кэррин и Вальмон поспешили за мной.

– И в чем смысл? – поинтересовалась Кэррин.

– Посеять семена раздора, – ответил я.

– Они фанатики. Их не переубедить.

– Да, фанатики. А этот еще дитя. Сколько ему? Двадцать три? Кто-то должен рассказать ему правду.

– Даже если ты знаешь, что он тебя не слушает?

– Это под вопросом. Но правду ему я рассказать могу. И я это сделал. Остальное зависит от него.

Кэррин вздохнула:

– Если ему прикажут, он пристрелит тебя не моргнув глазом.

– Может быть.

– Сегодня в загоне только десять коз, – заметила она.

– Ага. Охранники считают, что кто-то их забирает.

– Считают? Но не видели кто?

– Нет, похоже.

Кэррин оглядела склад. По крайней мере десять внушительно выглядящих мужчин с оружием стояли в непосредственной близости от загона с козами.

– Меня это почему-то беспокоит.

– Не говори, – ответил я. – Есть не так много способов спрятаться. Я бы увидел, если бы знал, на кого смотреть.

– Думаешь, этот «кто-то» был тут с нами вчера?

– Думаю, да.

Она пробормотала что-то себе под нос, потом сказала:

– Звучит настораживающе. Ты мог бы использовать свое магическое Зрение?

– Мог бы, – подтвердил я. Чародейское Зрение позволяло увидеть магию и проникало сквозь любые магические обманки – чары или завесы, – но имело свои недостатки. – Но в последний раз, когда я его использовал, увидел такое, отчего пролежал несколько часов в лежку, превратившись в массу бессмысленно бормочущего желе. Не думаю, что мы можем себе сейчас такое позволить. Придется использовать что-ни-

будь более тонкое.

– Ты – и тонкое? – ухмыльнулась Вальмон.

Я поморщился и проигнорировал ее замечание.

– Мистер Дрезден! – воскликнул Никодимус, когда мы добрались до залитого светом стола для переговоров. – Очень вовремя. Пончик хотите?

Я посмотрел на стол. Он был завален пончиками. Были даже с сахарной пудрой. У меня чуть слюнки не потекли.

Но это были нечестивые пончики. Дьявольские, дурные пончики, отмеченные порождениями тьмы...

...Впрочем, они могут быть спасены, пройдя через очистительную геенну пищеварительного тракта чародея.

Я по обыкновению не отводил взгляда от всех сидящих, огибая стол на пути к пончикам.

Никодимус и Дейдре выглядели так же, как и вчера. Вязальщик и Эшер, сидевшие немного поодаль, шептались друг с другом. Вязальщик в своем сдержанного тона темном костюме уминал какое-то незнакомое мне пирожное.

Перед Эшер стояла тарелка, вся в крошках от пончиков, которые она на данный момент пыталась спасти от геенны огненной. Она снова переделалась в джинсы и свитер и собрала в пучок волосы. Несколько локонов выбились из прически и слегка подрагивали при разговоре. Она мне кивнула, когда я проходил мимо, и я ответил ей тем же.

Чуть в стороне от всех сидел за столом ничем не примечательный человек, вчера его с нами не было. Возрастом силь-

но за тридцать, среднего роста, крепкий, мышц в нем было куда больше, чем казалось под джинсами и свободной спортивной курткой. Черты лица четкие и изящные, но какие-то искусственные по виду. Слегка темноватый цвет и правильный овал щек делали его похожим на жителя практически любой точки Западного полушария, да и прочих частей планеты. В черных волосах незнакомца просвечивала редкая седина.

Единственное, что удивляло, – это его глаза. Они были золотисто-коричневые с вкраплением бронзы. Но странность была не в этом. Глаза блестели. Играли светом: металлический отблеск на секунду появлялся на их поверхности и сразу же исчезал. Это были нечеловеческие глаза. Да, он выглядел человеком, но что-то в нем было нечеловеческое.

И меня в нем беспокоило еще кое-что...

Он был совершенно расслаблен.

Никто в этом идиотском строении не был расслаблен. Это место заставляло быть напряженным само по себе. Оно было буквально пронизано темной энергией. Заполнено опасными существами. Я знал, что выгляжу напряженным. Кэррин пряталась за каменным выражением лица, но я видел трепещущий волосок, отделявший ее от нервного срыва. Вязальщик смотрелся так, словно пытался наблюдать сразу за всеми, чтобы благоразумно свалить в нужный момент. Взгляд Эшер метался туда-сюда. Никодимус и его дочь пытались обмануть окружающих своей якобы незаинтересованностью в

происходящем, изображая уверенность и расслабленность, но с ними было все ясно, они параноики по своей природе. Я знал, что они готовы ударить в любой момент. Даже Вальмон выглядела так, словно была готова броситься хоть куда, словно крыса, рискнувшая пуститься у всех на виду по полу ради чего-нибудь съестного.

Язык тела каждого из нас буквально кричал, предупреждая остальных, что мы потенциально опасны... или слишком на грани.

Но не новый парень.

Он сидел, ссутулившись в своем кресле, полузакрыв глаза, словно был не в силах держать их открытыми. Перед ним стоял початый пластиковый стаканчик с кофе. Должно быть, от скуки он начертил на нем ногтем квадратики, и было видно, что незнакомец уже пару раз сыграл сам с собой в крестики-нолики. В человеке не было и намека на агрессивность, напряженность, беспокойство и осторожность. Со всем не было.

И от этого волосы у меня на затылке поднялись дыбом.

Парень был то ли идиот, то ли безумец, во всяком случае он был явно опасным, потому что совершенно не волновался по поводу заполонивших помещение людей. Но Никодимус вряд ли нанял бы идиота или безумца на такую работу.

Я взял себе пончик и кофе. Предложил Кэррин и Вальмон. Никто из них не желал спасти пончики от развращающего влияния Никодимуса. Да уж, не каждому дано быть

крестоносцем.

– Рад слышать, что вчера все прошло нормально, – сказал Никодимус. – Добро пожаловать в нашу команду, мисс Вальмон.

– Спасибо, – ответила та осторожно. – Я счастлива получить такую возможность.

Улыбка перекосила лицо Никодимуса.

– Неужели?

Ответная улыбка Вальмон получилась милой, но неестественной. Когда я сел, она устроилась рядом со мной, а это был уже жест. Кэррин, как всегда, заняла позицию позади меня.

– Полагаю, досье у вас? – спросил Никодимус.

Я полез в карман плаща и задержал там руку немного дольше, чем было необходимо, а затем вынул досье немного резче, чем полагалось.

Все буквально подскочили на месте, во всяком случае мне так показалось. Вязальщик вздрогнул. Никодимус вцепился в столешницу. Волосы Дейрдре дернулись, будто собирались ожить. Эшер резко качнула плечом как бы в защитном жесте, но вовремя себя успокоила.

Незнакомец, напротив, продолжал излучать уверенность. Он даже улыбался, совсем чуть-чуть.

Положив на стол документы, я повернул к нему голову и спросил:

– Это кто?

Прежде чем ответить, Никодимус кинул на меня осуждающий взгляд.

– Прошу всех поприветствовать Гудмана Грея. Мистер Грей любезно согласился участвовать в нашем проекте. Я уже рассказал ему о каждом из вас.

Грей поднял свои странные глаза и тщательно обследовал стол.

Его глаза остановились, зацепившись за Кэррин.

– Не обо всех, – сказал он. У него оказался звучный баритон и легкий акцент уроженца Нижнего Юга. – Уверен, что вы не упоминали эту женщину, Никодимус.

– Это Кэррин Мёрфи, – пояснил Никодимус. – Ранее работала в полиции Чикаго.

Грей долго разглядывал Кэррин и в конце концов произнес:

– Видеозапись с луп-гару. Вы были на ней вместе с Дрезденом.

– Ставь машину времени на до хрена назад, – вставил я. – Та запись потеряна.

– Да, – уж очень недружелюбно ответил Грей. – Но я ведь не с тобой разговаривал, чародей?

Это не осталось незамеченным за столом. Повисла тишина, и все замерли в ожидании, что произойдет дальше.

Самое главное, что вы усваиваете, общаясь с людьми вроде Мэб, – никогда не показывать свою слабость хищникам. Особенно если вы действительно не слишком уверенно себя

чувствуете.

– Не со мной, так. Но я должен задать тебе вопрос, – сказал я. – Как думаешь, какой толщины стена позади тебя? Когда ты полетишь в нее через пару секунд, как думаешь, ты пробьешь ее насквозь или всего лишь оставишь дырку по форме тела?

Грей обернулся ко мне с широкой улыбкой:

– Серьезно? Ты уже собрался начать тут ломать что ни попадя? Хотя пробыл всего две минуты.

Я откусил край пончика, проглотил (божественно!) и сказал:

– Ты не самый крутой парень, который мне попадался. Даже близко не самый.

– О, – возразил Грей. – Не говори так.

И хотя он даже не привстал и не пошевелился, атмосфера стала заметно напряженнее.

Кэррин нарушила эту хрупкую тишину, предостерегающе положив мне на плечо руку:

– Это я была на видео.

Взгляд Грея вернулся к ней.

– Отличный выстрел мимо уха этого идиота, чтобы снять того парня, что стоял позади него. Это требует некоторой решимости. Молодец.

– Сейчас я стреляю лучше, – сказала она.

Брови Грея поползли вверх.

– Проклятье! Вы оба мне угрожаете?

Он перевел взгляд на Вальмон:

– А ты, сестричка? Тоже хочешь запрыгнуть на этот поезд?

– Я тебя не знаю. – Вальмон на него даже не посмотрела.

Грей фыркнул, потом ненадолго остановил на мне задумчивый взгляд:

– Никодимус?

– Хмм?

– Чародей точно нужен для оставшейся части плана?

– Боюсь, что так.

– А что насчет Мёрфи?

– Не особенно.

Грей выдохнул через нос, глаза его горели огнем.

– Понятно, – протянул он, затем кивнул и обратился ко мне: – Не стоит ли нам отложить это на потом, Дрезден?

– Нет возражений, – ответил я. – Никодимус?

На этот раз Ник ответил осторожнее:

– Да?

– Какая польза от этого придурка?

– Только я могу провести вас туда, куда вы хотите, – чопорно протянул Грей.

– Интересно. И почему же? Что такого ты можешь сделать?

– Все, – улыбнулся Грей. – На этой неделе я открываю двери.

– Ну одну ты уже точно открыл, ту, на которой написано:

«Мордобой гарантирован», – заверил я его. – И к этому мы еще вернемся.

Грей спокойно посмотрел на меня. Затем поднялся, неторопливо прошел вдоль стола и опустился в кресло рядом с Дейрд্রে и Никодимусом – еще один откровенный жест. Он медленно отхлебнул кофе, глядя на Кэррин, как сытый горный лев глядит на козленка, только что вступившего в жизнь, – со спокойным снисходительным интересом.

– Джентльмены, спасибо, что решили на время оставить свои разногласия, – вкрадчиво произнес Никодимус, не выказывая недовольства ни местом, которое выбрал себе Грей, ни предметом его активного изучения.

– Предполагая такое, вы рискуете выставить себя дураком, – заметил я, затем откусил от пончика и добавил: – Что ж, ладно.

– Досье, пожалуйста.

Я толкнул досье через стол. Никодимус тут же передал его Грею.

Тот открыл его и начал читать. Странные глаза пробежали страницу за страницей так быстро, будто могли ухватить содержание с одного только взгляда. Секунд через шесть он уже закончил.

– Ну и? – обратился к нему Никодимус.

– Для основной части этого хватит, – ответил Грей. – Но чтобы должным образом справиться с остальным, мне необходим образец. Свежий.

– Мы добавим это к текущему списку дел, – заверил его Никодимус. Он кивнул Дейдре, та встала и обошла вокруг стола, раздавая тонкие бумажные папки с надписью: «ДЕНЬ ВТОРОЙ».

Я открыл свою, на верхнем листе прочитал надпись:

ЭТАП ПЕРВЫЙ
ПОДГОТОВКА
ОРУЖИЕ
ЗАКЛИНАНИЯ
ВХОД

– Сегодня нам предстоит большая работа, – сообщил Никодимус. – Вязальщик, я уже подготовил оружие для наших союзников, но нам нужно проверить его состояние и комплектность. Возможно, мисс Мёрфи выразит желание с этим помочь?

– Конечно, – сказала та. – Почему нет?

Никодимус улыбнулся.

– Мисс Вальмон, в вашей папке вы найдете схему входа в хранилище. Вам потребуется открыть дверь, не повредив ее. Сегодня вам нужно будет продумать, как вы собираетесь это сделать, и сообщить, какое потребуется снаряжение. Просто составьте список и передайте одному из оруженосцев.

Вальмон перелистнула страницу, нахмурилась и принялась изучать схему. Затем сказала:

– Это Фернуччи.

– Да.

– Не скажу, что это нереально, – заявила она. – Но я еще никогда не взламывала такую и даже не знаю, кто смог бы взломать эту дверь. Ее проще взорвать.

– Мы не будем этого делать, – спокойно возразил Никодимус. – Жизнь – это вызов. Примите его.

– Отлично. – Она покачала головой. – Мы что, в Вегас едем? Кто в этом городе станет ставить в хранилище такую дверь?

– Обсудим это на вечернем совещании, – заключил Никодимус. – Мисс Эшер, мистер Дрезден. Первый этап потребует от нас проникнуть в охраняемое здание. Нам нужно будет проделать в стене проход, аккуратный, без всяких взрывов. И нам определенно понадобится что-то громкое, вызывающее, чтобы отвлечь внимание службы безопасности, пока мы будем проникать в хранилище. Эта задача ляжет на ваши плечи.

Я усмехнулся и посмотрел на Эшер:

– Что хочешь взять на себя, громкое или вызывающее?

– «Громкое, вызывающее», – повторила она со смехом. – Это само уже голосит во всю мочь: «Дрезден!»

– Мы не хотим, чтобы на нас обрушились стены, – добавила еле слышно Кэррин.

– Ладно, – ответил я. – Беру на себя шумовой эффект.

– Высвободить достаточно энергии, чтобы проделать дыру, и избежать при этом взрыва? Хитрая задача, – сказала Эшер. – Я могу подогнать под это одно заклинание, но нуж-

но будет потренироваться.

– Можете тренироваться хоть до заката, – ответил Никодимус. – Дейдрде, ты отвезешь мистера Грея к агенту и сможешь раздобыть образец.

– Нет, – встрял я. – Эти двое останутся здесь. Я поеду за образцом.

Никодимус осуждающе посмотрел на меня.

– Грей ведь оборотень? – Я расплылся в улыбке. – Вы собираетесь использовать его, чтобы подменить Харви?

– И что? – спросил в ответ Никодимус. В его словах чувствовался лед. Ему не понравилось, что я вычислил следующий шаг его плана.

– Харви живет в моем городе, – сказал я. – Вы выпустите этих двух психов в Чикаго, а потом Харви найдут мертвым в какой-нибудь подворотне. Вот почему это сделаю я. Я добуду образец, необходимый вашему доппельгангеру, и при этом все останутся живы.

– Ну и в чем тут прикол? – громко поинтересовался Грей.

– Прикол в том, что кое-кто не уйдет живым. Ты, например, – пояснил я. – К тому же, если труп Харви обнаружат до окончания работы, думаешь, никто не суммирует два и два и не поймет, на что мы нацелились? Или будем действовать тупо?

Грей вздохнул и посмотрел на Никодимуса:

– Нет, честно. Где ты этих умников откопал?

Никодимус не сводил с меня глаз.

– Согласен, – наконец изрек он. – Действовать надо осторожно. – Его темные глаза зло поблескивали. – У вашей тройки не возникнет проблем с заданием.

– Что? – спросил я.

– Грей, Дейдрре и Дрезден выполняют эту часть плана, – произнес он. – Пока все остальные будут заняты своими делами тут. – Он сделал паузу. – Если, конечно, Дрезден, ты не откажешься помогать мне.

Я закрипел зубами. Мне ужасно хотелось врезать ему по роже – но это значило бы запятнать честь Мэб. Поэтому я ответил: «Нет».

– Дейдрре и мистер Грей – свидетели твоего искреннего ответа.

Я посмотрел на Дейдрре, которая потянулась ко мне с довольной улыбающейся физиономией. Впрочем, улыбка в ее выпученных глазах не обещала ничего, кроме очередных мерзостей. Волосы Никодимусовой дочери заскользили и заелозили по моему пиджаку и плечам.

Грей смотрел на меня со спокойной улыбкой. Он сделал едва уловимое движение рукой, будто воткнул во что-то булаву. Или вынул ее.

– Да уж, – пробормотал я. – Экспедиция в полной готовности.

Глава 16

Офис Харви располагался неподалеку от Логан-сквер, на втором этаже роскошного особняка, который наш клиент делил с банком «Джи-Пи-Морган-и-Чейз». Я проехал мимо и дважды обогнул сквер на черном лимузине Никодимуса, пытаясь выиграть время, чтобы хорошенько подумать. Солнечное утро обещало перейти в умеренно теплый весенний день.

– Ты, гляжу, привык ездить кругами, – заметил Грей с пассажирского сиденья.

– Харви делит здание с банком, – подчеркнул я.

Грей недовольно хмыкнул.

– Какая разница? – спросила Дейрдре с сиденья сзади.

– Там имеется один вооруженный охранник как минимум, – объяснил Грей. – Может, больше. Они быстро вызовут полицию, если что.

– Тогда давайте скрутим его и смоемся, – предложила Дейрдре.

– Похищение среди бела дня, – начал перечислять я. – На виду у прохожих, банковских работников и... – Пока я говорил, белый седан с синей мигалкой и небесно-голубой полосой на боку миновал другую сторону сквера. – И полицейского патруля, постоянно шныряющего поблизости.

– Он прав, – кивнул Грей. – Надо переждать.

– Я не могу все время кружить по скверу, – сказал я, разворачиваясь. – Проедем вон по той улице, попробуем найти место, откуда хорошо видно здание.

Дейрдре хмуро смотрела на меня из зеркала заднего вида:

– Самый простой способ – это войти, тихо его прикончить и забрать то, что нам нужно. Никто ничего не заметит, если тело не обнаружат.

– Она права, – согласился Грей.

– Ну да, проще простого, – ответил я. – Поймите, мы не знаем его планов на сегодня, не знаем, кто должен посетить офис, кого сегодня там ждут, кто поднимет тревогу, если он вдруг пропадет, мы ничего не знаем... То есть пусть эти дурацкие мелочи нас не тревожат?

Хмурый взгляд Дейрдре стал раскаленным. Я проигнорировал это и медленно поехал по улице с другой стороны здания банка. Было еще рано, и мне удалось найти парковочное место, откуда был хорошо виден вход в офис Харви.

– Вон его машина, – заметил Грей, после того как я остановился. – Наш клиент начинает работу рано.

– Может, он ее просто любит.

– Как все это скучно, – сказал Грей и откинулся на спинку сиденья, полужакрыв свои странные, словно подернутые туманом глаза.

– И что дальше? – спросила Дейрдре. – Что будем делать?

– Ждать развития событий, – ответил Грей.

– Ведь когда-нибудь Харви выйдет, – подсказал я. – Хотя

бы на обед. Мы поедем за ним, пока он не приведет нас куда-нибудь, где нет сигнализации и полицейских глаз.

Дейдре это не понравилось:

– У нас график!

– Может, папочке стоило об этом подумать прежде, чем начинать дело? И поделиться с участниками своими планами? – съязвил я. – Мы могли все начать несколько дней назад.

– Терпение, мисс Архлеон, – посоветовал Грей, едва шевеля губами. Его, похоже, устраивала идея долгого ожидания. Должно быть, он раньше работал сторожем. – Время у нас есть, и потом, если что, мы всегда можем действовать напрямую.

И мы стали ждать.

* * *

– Почему? – внезапно спросил меня Грей пару часов спустя.

– Что «почему»? – спросил я в ответ. Мне нужно было отлить, но я не хотел уходить и давать этой парочке шанс сговориться и грохнуть Харви.

– Этот человек для тебя никто. Какое тебе дело, жив он будет или умрет?

– Убивать людей неправильно, – объяснил я.

– Нет, я серьезно. – Грей улыбнулся.

– Я тоже.

– Спонтанный приступ морализаторства? – Он от меня не отставал. – Я знаю о вашей репутации, Дрезден. Вы не против убийства как такового.

– Я убиваю по необходимости, – объяснил я. – Если у меня на то нет причины, я не убиваю. Опять же, это много разумнее.

Грей повернул голову в мою сторону:

– Разумнее?

– Когда убиваешь, всегда найдется какой-нибудь человек, который примет это слишком близко к сердцу. Или несколько человек. Уничтожаешь одного врага и получаешь взамен тройку других.

– Ты правда думаешь, что у Харви есть кто-то, готовый за него отомстить? – спросил Грей.

– Есть тот, на кого он работает, – напомнил я. – Есть копы и ФБР. Сделаем из него труп – поставим нашу цель под удар и приведем в движение опасные силы. Это может испортить все дело.

– Всех их тоже убьем, – угрюмо сказала Дейрдре.

– У нас же график, – съязвил я ей и вновь обратился к Грею: – Убийство – это всегда нехороший ход, если исходить из долгосрочной перспективы. Да, иногда приходится убивать, чтобы выжить... но чем чаще это делаешь, тем больше рискуешь нажить себе врагов и заработать еще больше проблем.

Грей вроде бы задумался на мгновение, затем пожал плечами:

– Аргумент не совсем обосновательный. Скажи мне, чародей, защита этого человека приносит тебе удовольствие?

– Да.

Он поднял брови и хмыкнул.

– Вот и хорошо, что ты передумал его убивать, – произнес я, и, весьма вероятно, в моем голосе прозвучал сарказм. – Правда ведь, никаких сложностей?

Грей снова прикрыл глаза и весь погрузился в ожидание.

– Мне безразлично, умрет он или нет, – сказал он через какое-то время. – Я не против убийства, если того требует дело, но зачем же совершать это, когда ничего хорошего убийство не принесет.

– Кажется, ты говорил, что это будет прикольно.

Грей обнажил зубы в улыбке:

– Это всегда прикольно. Но не обязательно делать что-то только потому, что это прикольно.

– Посмотрите! – сказала Дейрдре. Голос ее напрягся.

Я проследил за ее взглядом. Три человека в пальто шли к офису Харви. Они миновали главный вход в здание и направились к лестнице в задней части строения. Двое из них были довольно крупной комплекции. Третья – миниатюрная женщина.

Все трое двигались четко и целеустремленно, они были явно из породы хищников.

– Конкуренты, – заключил Грей.

Я присмотрелся к женщине повнимательнее и глянул на Дейдре через плечо:

– Это...

Ее глаза расширились, и она уверенно кивнула:

– Моя мама.

Уму непостижимо!

Полония Лартесса, рыцарь Темного Динария, носительница Имариэля. Колдунья и жена Никодимуса, хотя и жила с ним врозь. Это не сулило нам ничего хорошего.

– Что она здесь делает? – требовательно спросил я.

Дейдре не сводила с женщины глаз.

– Я не знаю. Считалось, она в Иране. И она не должна знать... – Дейдре оборвала себя на полуслове.

Итак. Жenuшка решила вмешаться в дела Никодимуса, если верить Дейдре. А та могла и соврать.

– Мы не можем позволить ей нас опередить, – спокойно произнес Грей. Он отстегнул ремень безопасности и вышел из машины. – Идем.

Дейдре прикусила губу. Но все-таки вышла из машины.

И я вместе с ними.

Глава 17

– Грей, – сказал я, догоняя его.

– Ну?

– Считаешь, что лучше ввязаться в драку с Тессой, чем заняться Харви?

– Не считаю, – ответил он. – Но иначе мы можем его потерять. Это недопустимо.

– Так давай не станем его терять, – предложил я. – Насколько точно ты можешь изобразить Никодимуса?

– Ты о чем? – Грей сузил свои стальные глаза.

– Вы двое их отвлекаете, – объяснил я. – Одна большая счастливая семья. Я захожу с парадного входа и забираю Харви. Тихо!

Грей замер на секунду, затем кивнул.

– Больше чем на пару секунд вряд ли можешь рассчитывать. Но думаю, тебе этого хватит.

Дейдре поморщилась:

– Просто сожми губы как можно крепче. И не открывай рот. Он всегда так делает, когда злится. Говорить буду я.

Грей оскалился в довольной ухмылке. Затем подмигнул мне и исчез.

Только что рядом со мной стоял ничем не примечательный мужчина в джинсах и спортивной куртке. А уже в следующую секунду это был Никодимус – тютелька в тютельку,

черный костюм и все остальное... И дело было не только во внешности. Изменилась осанка, походка, наклон головы... Грей обыграл все, вплоть до подозрительного и самодовольного взгляда.

– Спасибо, Дейрдре, – сказал он, в точности имитируя скрипучий голос ее отца. – Милое мое дитяtko.

Секунду Дейрдре откровенно таращилась на Грея, разрываясь между восхищением и отвращением, затем обратилась ко мне:

– Поторопись. Имариэль быстро поймет, что Андурiezля здесь нет.

Я кивнул и побежал. Перескочил через высокий кованый забор позади дома (паркур!) и припустил по переулку между зданием банка и соседним; переулок был в размер ширины моих плеч, поэтому, чтобы не попасться на глаза Тессе и ее головорезам, я подражал белке, которая бежит кругами, прячась за стволом дерева. На углу я остановился, убедился, что они скрылись из виду и горизонт чист, затем перебежал вдоль фасада здания, потом рванул вверх по лестнице в офис Харви, перескакивая через три ступеньки.

На входной двери висела простенькая табличка: «Фидуциарные услуги Моррисона». Я зашел, и глазам моим предстал офис, декорированный в спартанском стиле. Стойка-ресепшен, за которой никого не было, распахнутая дверь, похоже ведущая в кабинет.

– Минуту, – прокричал кто-то из другой комнаты, – сей-

час подойду.

У меня не было в запасе минуты. Планировка здания была специфической: черный ход вел непосредственно в офис Харви, и Тесса с компанией могли заявиться в любой момент.

Офис Харви был оформлен так же, как и приемная, но более заставлен предметами, нужными для работы; компьютеры, оргтехника, полки, на полках папки. Хозяин помещения сидел за столом, рукава рубашки закатаны. Он согнулся над клавиатурой, пальцы его летали, глаза следили за какими-то графиками и диаграммами на экране.

Не успел я ввалиться в офис, как компьютер издал подзвонное жужжание, и запах жженого пластика расплылся по комнате. Секундой позже на мониторе Харви образовался синий квадрат, испещренный маленькими белыми буквами.

– Что за?.. – озадаченно спросил он, постукивая по монитору, и повторил: – Что за?.. Ты, наверное, шутишь...

Раздраженный, он обернулся ко мне и вдруг замер, увидев мое лицо и мой посох.

– Опаньки! А вы кто такой?

– Идем со мной, если хочешь жить, – сказал я.

– Не понял? – ответил он.

– Нет времени объяснять. Ты ни в чем не виноват, но у тебя проблемы. Сейчас здесь будет женщина с двумя отморозками, и они здесь не для того, чтобы впарить тебе подписку на журналы.

– Что? – спросил он. – Вы записаны на прием?

– Охренеть! Ты что, издеваешься? – Я направился к столу. – Вставай и пойдем со мной.

– Послушайте, молодой человек, – пробормотал Харви, – я не позволю вам вести себя так, будто вы в собственной квартире. Если вы немедленно не уйдете, я вызову администрацию.

На хождение вокруг да около просто не оставалось времени. Поэтому я обогнул стол, схватил его за предплечье и рывком поставил на ноги.

– Немедленно уберите от меня свои руки! – заорал он.

– Я пытаюсь тебе помочь, – сказал я ему, силой вытаскивая его в приемную. – Благодарить будешь позже...

Входная дверь распахнулась, и два здоровенных битюга вперлись в офис. Это были не те двое, которые сопровождали Тессу. Адские погремушки! Я не заметил слежки по пути сюда. Ну конечно, если мы сообразили перекрыть оба выхода, почему бы Тессе и ее людям не поступить так же?

Войдя, эти двое сунули руки под куртки, чтобы вытащить из кобуры стволы.

Я был быстрее. Спрятав Харви у себя за спиной, я направил посох на эту парочку, собрал воедино волю и прокричал: – Forzare!

Руны, что покрывали посох, вспыхнули бледно-зеленым огнем, и волна силы ударила по этим двоим. Одного из них приложило к стене достаточно крепко, чтобы оставить вмя-

тину на гипсокартоне, пока другой кувыркался через дверь и скатывался вниз по ступенькам.

Тип, повредивший гипсокартоновую панель, оказался непрошибаемым. Он отскочил в сторону, вытащил пистолет с глушителем, упал на колено и нацелил его на Харви.

Не было времени, чтобы установить щит. Тем более не было специального магического устройства, предназначенного для этого. Поэтому я развернулся, встал между Харви и стрелком, опустил голову как можно ниже и ссутулил плечи.

Пистолет закашлял: клац-клац. Пули рвались возле моей спины, разрушаемые защитной энергией заклинания, которое я старательно нанес на кожаный плащ. Я насчитал восемь попаданий, которые ощущались как при ударах мяча в фистболе – болезненно, но не критично. Потом пистолет замолк, и я услышал металлический звук опустошенного магазина.

Развернувшись, я врезал стрелку основанием посоха. Тяжелая дубовая деревяшка саданула его по запястью и отшвырнула запасной магазин с патронами. Я воспользовался инерцией замаха и врезал ему в челюсть в области уха, пошлав мужика в нокаут. Пистолет вывалился у него из руки.

Я ногой отбросил оружие от него подальше и поставил Харви на ноги. Он обалдело тарашился на повергнутого бандюгана.

– Этот... этот человек только что пытался убить тебя.

– Ты что, – возразил я, – это он тебя пытался убить. Seriously, парень, что именно ты не понял во фразе: «Пойдем

со мной, если хочешь жить»?

Я поволок Харви за собой, на этот раз он не сопротивлялся. Мы уже приблизились к двери, когда из офиса раздался звук бьющегося стекла.

– А это что? – задыхаясь, выпалил он.

– Это неприятности. Крупные. Давай быстрее.

Я шел впереди с посохом в руке, готовый немедленно действовать, если мы наткнемся на второго бандита, поджидающего нас. Но его нигде не было.

– Харви, а ты в неплохой форме, – отметил я, ведя его вниз по лестнице. – Бегом, случайно, не занимаешься?

– Э-э-э... Я плаваю. Ну и плюс йога.

– Нет, Харви, ты точно первоклассный бегун. Пробегаете каждое утро перед завтраком свой личный марафон. Давай, заставь меня поверить в это. Шевелись.

Я рванул вдоль тротуара, уворачиваясь от редких прохожих. Харви старался не отставать, но дыхалка его постоянно сбивалась. Мы миновали банк и квартал роскошных особняков рядом, когда сзади раздался крик. На пороге здания, где был офис Харви, стояла Тесса. Она на сводила с меня глаз, и даже с такого расстояния я чувствовал, какую злобу источает ее пристальный взгляд. Она указала на меня пальцем, и двое громил бросились в погоню.

Я нырнул в следующий проход между зданиями, стараясь направить путь туда, где, как я думал, должны были ждать Грей и Дейдре, готовые прийти мне на помощь. Но их нигде

не было видно. Высматривая их, я заметил Тессу, выходящую из задней двери офиса Харви и направляющуюся к нам. Народу поблизости было не много, и я увидел, как Тесса на бегу сбрасывает пальто. В следующий момент она приняла свое демоническое обличье и двинулась на нас.

Если Тесса действительно намеревалась сорвать планы мужа, то у нее не было причин волноваться по поводу устроенного спектакля. А то, что она при этом взбудоражит городскую полицию, – это было ей только на руку. Тесса с радостью превратится в жуткую насекомоподобную тварь и проломит Харви башку.

– Проклятье! – выдохнул я, продолжая бежать вдоль по улице, прочь от офиса Харви и моих спутников. Выбор был невелик. Тесса с ее бандитами превосходили меня числом. Возможно, я и попытал бы счастья в бою, но бороться с ними и одновременно защищать Харви я бы не смог. Попробуй я удержать позиции, они бы схватили его. Так что я несея вперед, пытаюсь выиграть себе немного времени на раздумья.

И, поразмыслив, понял, что мне не нужно их побеждать. Мне требовалось всего лишь остановить их, задержать, пока не подспеют Дейрдре и Грей. Конечно, я понимал, что компаньонам на меня наплевать, но для успешного завершения дела им нужен Харви, и чем дальше я убегу от Тессы, тем больше у меня шансов.

Мы добежали до заброшенного здания. Если судить по окнам, забитым фанерой, и по граффити, покрывающим сте-

ны. Это должно было сработать. Я выпустил по зданию новую волну энергии посоха и пробил в стекле и фанере дыру размером с мусорный контейнер.

– Вперед! – велел я. – Не отставай.

– Что ты делаешь?

– В прятки играю, – отрезал я и нырнул в здание. На секунду у Харви отвисла челюсть, но тут он бросил взгляд в сторону Тессы.

Его лицо побледнело, глаза полезли на лоб. Он что-то прохрипел и полез в дыру, едва не растянувшись на битом стекле. Я подхватил его и помог устоять.

Похоже, когда-то здесь был магазин или типа того, и основную часть занимало одно просторное помещение. На полу валялись вешалки для одежды вперемешку с мусором. Единственный свет проникал в щели из-за заколоченных окон и через ту дыру, которую я проделал.

Я направился в глубину здания, спотыкаясь о хлам, валявшийся на полу, почти ничего не видя, пока мои глаза не справились с переходом от света утра к темноте внутри магазина. Я едва не уперся в стену, прежде чем увидел ее, но вроде бы разобрался в планировке, чтобы сообразить, что у магазина имеется еще задняя дверь, ведущая в многочисленные подсобки и в административные помещения.

Я вытолкал Харви в коридор, закрыл его собой, поднимая посох и готовя защитное заклинание. Это было не идеально, но по сравнению с улицей лучшей оборонительной позиции

я не смог бы придумать. Преследователи должны были выйти на меня одного из строго определенного направления.

– Пригнись, – посоветовал я ему. – Стой на месте.

– Надо сваливать, – пробормотал он. – Разве не так? Позвонить в полицию?

– У копов есть дела поважнее, чем быть убитыми, – ответил я.

– Что? – Он тупо моргнул.

– Ни фиги себе! Ты что, совсем не ловишь ни одной цитаты? Адские погремушки, Харви, да ты вообще в кино когда-нибудь ходишь?

Тени заволокли льющийся из моего импровизированного портала свет, и несколько непонятных личностей зашли в заброшенный магазин. Трое громил, с ними четвертый – по облику богомол, только в сотни раз больше, с фасеточными глазами навывкате и еще одной парой глаз над ними, отливающих зеленым.

У Тессы ушла секунда, чтобы определить мое месторасположение. Когда она бросилась в мою сторону, двигаясь по полу с безумной скоростью, присущей насекомоподобным, я вызвал заклинанием щит. Руны на моем посохе снова вспыхнули бело-зеленым светом, и защитный сине-зеленый полог вырвался из его вершины, прикрывая дверной проем.

Тесса остановилась где-то в десяти футах от него. Ткнула в направлении двери длинной тонкой конечностью и абсолютно спокойным человеческим голосом приказала:

– Огонь!

Бандиты не стали медлить. Защелкали их снабженные глушителями стволы, щит искрил и ярко вспыхивал при каждом ударе пули. Останавливать их было не так уж сложно. Дозвуковые пули в принципе летят медленнее, и каждый снаряд при ударе обладает меньшей энергией, чем обычная пуля.

– Отставить! – сказала богомолоподобная тварь.

Громилы прекратили стрельбу.

Безумных размеров богомол какое-то время пристально глядел на меня. Затем его челюсти разомкнулись и начали открываться все шире и шире, пока изо рта не показались лицо и голова Тессы. Мягкий хитин откинулся назад, словно капюшон. Ее кожа и волосы были покрыты какой-то блестящей слизью. Это было очень странное зрелище. Без одежды, придававшей бы ей солидности, Тесса выглядела не старше подростка. И впечатление только усиливалось оттого, что женщина она была миниатюрная, ростом футов пять, не больше. Симпатичная такая девочка-школьница, живущая с вами по соседству.

Вот только ходила она по земле более чем за тысячу лет до появления первой общеобразовательной школы.

– Привет, Дрезден, – сказала Тесса.

– Привет, Тесса, – ответил я.

– Героический Гарри Дрезден, – поздравила меня Тесса. – Работает на Никодимуса Архлеона. Неужто Ласкиэль нако-

нец-то уговорила тебя взять монету?

– Ты же знаешь, что нет, – сказал я.

Она повела плечом. Движение смотрелось довольно жутко, учитывая ее насекомоподобное тело.

– Это да. Но я не могу представить, что могло заставить такого человека, как ты, работать на кого-то типа моего мужа.

– Долгая история, – сказал я. – А теперь сваливай отсюда.

– Боюсь, не получится. – Она покачала головой. – У тебя есть кое-что для меня интересное. Я хочу, чтобы ты отдал это мне.

– Не выйдет, – ответил я. – Если учесть перспективу, что ты потом откусишь мне голову, чтобы насладиться моментом своего торжества.

– Не обольщайся, – сказала Тесса. – Отдай смертного мне. Заставь меня забрать его силой, и ты разделишь его судьбу.

– Ты кто? – испуганно спросил Харви, голос его дрожал. – Что я тебе такого сделал?

Тесса прищелкнула языком.

– Не терзай себя этими вопросами, человечиска. У тебя их больше не будет.

– Господи, – сказал Харви.

– Предлагаю сделку, – встрял я. – Вали отсюда, и я не вызову дезинсектора.

В ответ она подняла свою богомолью лапу и прошипела заклинание. В меня полетел луч гнилостно-зеленого света.

Я стиснул зубы, щит выдержал, отражая атаку, но я чувствовал, что поддерживать защиту становится все труднее.

– Это не переговоры, – сказала она. – Ты уже проиграл. Ты в ловушке и не можешь прикрываться этим щитом вечно. Отдай его мне, и я обещаю, что ты сможешь спокойно уйти отсюда.

Правда была на ее стороне. Я не могу удерживать щит долго. В тот момент, когда сила его ослабнет, Тесса и ее мордовороты применят весь арсенал, который у них имеется. Возможно, она не лжет, обещая мне возможность уйти спокойно, хотя я сильно в этом сомневаюсь.

Но даже если и так, то это и есть мой шанс сорвать план Никодимуса. Тесса из его окружения; коль она вмешается и одолеет меня, то это будет уже не моя вина. Я смогу покончить с этим безумием, выйти из дела, не навредив репутации Мэб. Она будет счастлива такому решению.

И всего-то мне надо позволить Тессе покончить с Харви.

Нет. Я не готов к этому. Может, мне и приходилось делать в жизни неверный выбор, но я никогда не заходил так далеко. Опять же, я не мог доверять ее слову. Она могла убить меня просто забавы ради так же легко, как и отпустить целым и невредимым.

– Почему бы тебе не вернуться в ту тараканью дыру, из которой ты вылезла? – спросил я.

Тесса покачала головой и вздохнула:

– Какая растрата потенциала. – Она повернула голову к

одному из своих приспешников и кивнула. – Возьмите обоих.

Громилы начали делать то, чего я меньше всего от них ожидал, – они побросали свое оружие и принялись стаскивать с себя верхнюю одежду. Как только охранники ее сняли, они начали корчиться и преобразаться. Суставы выкручивались, плоть шла волнами. Рубашки натянулись, когда плечи их нечеловечески исказились, а лица вытянулись в собачьи морды, зубы преобразились в клыки и бивни. Руки стали толще и удлиннились, пальцы обернулись когтями.

– Божемойбожемойбожемой, – прошептал Харви; его охватила паника. – Что они такое?

– Вурдалаки, – мрачно пояснил я. – Сильные, быстрые, чрезвычайно живучие.

– Что они с нами сделают?

– Проломят стены, окружат нас, перебьют и сожрут, – ответил я.

И, под аккомпанемент тишины, вурдалаки начали рвать гипсокартон по обе стороны моей оборонительной позиции, чтобы все случилось именно так, как я сказал Харви.

Глава 18

Проламываться сквозь гипсокартон – шумное дело. Рвется он с хлопками и громким треском. Вурдалаки известны своей способностью когтями проделать дыру в каменной стене мавзолея, чтобы полакомиться полуразложившейся человечинкой. С гипсокартоном и деревом они справляются без труда; сгорбившись и работая когтями, они продираются сквозь такой материал, не сбавляя темпа.

У нас была в запасе минута, не больше, прежде чем они прорвутся сюда и возьмут нас в кольцо.

– Идут, – тяжело дыша, причитал Харви. – Нас схватят. Что будем делать?

Мое сердце забилося куда быстрее, чем секунду назад. Вурдалаки – это не шутка. И сражаться с ними в таком ограниченном пространстве для чародея было хуже всего. Мой плащ, хоть и защищенный заклятиями, не сильно-то здесь поможет, если кто-то из этих тварей вздумает откусить мне голову. И не важно, сколько раз ты встречался со смертью лицом к лицу. Когда твоя жизнь под угрозой и ты знаешь об этом, тебе страшно, без вариантов.

Страх – настоящий, чистый, наполненный адреналином страх – овладел мною.

– Хм... – хмыкнул я, чтобы одолеть панику. – Мы...

Я собрался сказать «отступим назад». Правда собрался.

Но Тесса глядела на меня с самодовольной и злорадной ухмылкой, и это привело меня в бешенство. С ней у меня особый счет. При прошлой встрече она отправила одного хорошего человека в больницу на несколько месяцев, покалечив его на всю оставшуюся жизнь. Чудо, что он вообще выжил. Реально чудо.

Она покалечила моего друга.

Наравне с гневом во мне буйствовала Зима, и внезапно тот факт, что я еще не требовал с Тессы этот должок, вытеснил для меня все остальное.

– Встань мне за спину и держись как можно ближе, – приказал я Харви.

– Что? – выпалил он.

К моему удовлетворению, в ту же секунду злорадное выражение покинуло лицо Тессы, – видимо, что-то в моей физиономии испугало ее. Я опустил щит, правой рукой вскинул посох, призвал Зиму и крикнул:

– Infriga!

В помещение с ревом ворвался мощный порыв арктического ветра, в мгновение ока заполнив все пространство вокруг – пол, потолок, стены – ровным слоем искрящейся изморози. От сильного перепада температуры комнату заволгло туманом, видимость резко ухудшилась... Что нам давало немалое преимущество, затрудняя координацию между превосходящими силами противника.

Я ломанулся через туман, сокращая дистанцию с Тессой,

чтобы взять ее в оборот еще до того, как она опомнится и начнет действовать. В обычном мире я нашел бы ее замороженной в глыбу льда... но Тесса была чародейкой и в этом деле вовсе не дилетантом. Приблизившись на нужное расстояние, я увидел, что она пятится назад, скрестив передние лапы в защитной стойке. Нас разделяла линзоподобная стена льда – но Тессу она полностью не защищала.

– Forzare! – Я взмахнул посохом.

Ледяная стена разлетелась на множество острых, как лезвие, осколков, смертоносных не менее, чем шрапнель. Тесса попыталась метнуться в сторону, но, ошеломленная силой атаки, не учла, что пол под ее ногами покрыт льдом. Я же стоял на нем твердо, как на баскетбольной площадке. Ее лапы, покрытые хитином, заскользили по ледяной поверхности, и тело врезалось в лед. Во все стороны брызнула зеленая кровь, а богомолья голова Тессы полностью поглотила ее человеческое лицо. Над жуткими глазницами Тессы открылись еще одни, пылающие ярким зеленым огнем и беспредельной яростью. В сгустившемся тумане я не мог разглядеть ничего, кроме этих глаз Падшего ангела, покровителя Тессы.

– Имариэль! – крикнул я. – Для тебя у меня тоже припасено кое-что! Fuego!

При этих словах я пропустил через посох бурлящую массу из воли и стихийного пламени, подпитывая заклинание, вылетевшее из него серебристо-белым огнем времен Сотворения мира. Шар из Огня Души размером с баскетбольный

меч прорезал воздух, словно аккорд торжественного хора, и ударил в горящие глаза Падшего. Раздался грохот, клубы пара еще больше заволокли пространство. Глаза исчезли с визгливым воплем ужасающей ярости, сопровождаемым громовым шумом обваливающейся в дальнем конце кирпичной стены.

Этим я выиграл себе немного времени, резко развернулся и пихнул Харви себе за спину. Только я это сделал, как из тумана возник самый быстрый – или самый удачливый – из вурдалаков и бросился к нам, нацелившись на мою голову.

На заклинание не оставалось времени. Но его и не требовалось. В моем теле все еще на полную катушку бурлила Зима. Я крутанул своим тяжелым дубовым посохом и встретил прыгнувшего на меня вурдалака ударом, в который вложил всю силу рук, плеч, бедер и ног. Я врезал ему чуть ниже шеи; раздался тошнотворный звук ломающейся кости и выворачивающихся суставов. Удар припечатал его к полу, и он, как какой-нибудь неразумный котенок, взвыл от боли и удивления.

В голове у меня всплыли образы двух молодых волшебников, брата и сестры, несколько лет назад на моих глазах замученных до смерти вурдалаками... и я вспомнил, что у меня к ним должок, ко всем сразу. Я пнул скорчившегося вурдалака с такой яростью, что он отлетел прочь, скользя по ледяному полу, и, хотя я и так уже достаточно использовал эту силу, снова спустил с поводка Зиму и произнес:

– Infriga!

Вурдалак был незащищен перед такой магией. Мгновением позже на его месте уже была белая масса льда, смутно напоминающая по форме то, чем был вурдалак до этого. Масса продолжала скользить, шлифуясь о ледяной пол... пока не врезалась в когтистые лапы трех других вурдалаков.

Долю секунды те пялились на ледяную массу, а затем, как один, перевели свои полные ненависти глаза на меня и яростно зарычали.

О-о-ой!

Когда они пригнулись, чтобы метнуться ко мне, время замедлилось.

Закатать вурдалака в лед – это одно. Прodelать такое с тремя – совсем другое. Если я ударю первого, два оставшихся достанут меня, не успею я и глазом моргнуть. А четыре минус два вурдалака – это на двух вурдалаков больше, чем нужно. Когда тебя так серьезно превосходят числом, рассчитывать на потери два к одному – все равно что сказать, что ты проиграл и будешь сожран без остатка.

Мне нужно было изменить тактику.

Вурдалак слева от меня был чуть быстрее своих собратьев, и я бросился влево, увлекая его за собой и еще более увеличивая дистанцию между ним и его собратьями. Когда лапы того, что слева, оторвались от земли, я вскинул посох, снова воззвал к Зиме и прокричал:

– Glacivallare!

Пласт льда толщиной в полтора фута с пронзительным звуком вырос от пола до потолка, разрезав помещение ровным диагональным, словно прочерченным по линейке слоем. Поднимаясь, лед ударил по пяткам первого вурдалака и уперся в потолок перед носом у других двух с душераздирающим скрежетом.

Время было выбрано безупречно. Вновь расклад один к одному. Я был на седьмом небе.

Это продолжалось где-то с секунду, затем скачущий вурдалак врезался в меня, как профессиональный полузащитник, совмещающий параллельно обязанности голодного каннибала.

Сила удара была достаточная, чтобы сломать ребра, и я понадеялся, что раздавшийся звук исходит от ломающегося льда. Мы жестко приземлились, причем я оказался снизу, и мой плащ теперь скользил по твердой поверхности, гася часть энергии удара.

Вурдалак явно знал, что делает. Я сталкивался с ними прежде несколько раз, и все вурдалаки в основном дрались со слепой яростью, одной грубой силой, полосуя когтями и разрывая все, до чего могут достать. Этот действовал по-другому. Он ухватил обеими руками мой посох, выворачивая его в сторону с потрясающей, невероятной силой, и наклонил ко мне голову, подбираясь к горлу, чтобы сразу меня прикончить. Я достаточно понимал в рукопашном бое, чтобы распознать его технику. Но одно дело драться с буйным

пьяным любителем, и совсем другое – с хорошо обученным воином или же с чемпионом смешанных единоборств.

За многие годы я кое-чему научился, тренируясь с Кэрин и другими коллегами. Секунду я сопротивлялся усилиям противника вывернуть мой короткий посох, затем выпустил его, одновременно согнувшись и пнув вурдалака изо всех сил, пытаясь оттолкнуть его в сторону.

Я не смог отправить его в полет или сделать что-то подобное, но, лишив соперника точки опоры и придав ему мощный импульс в новом направлении, опрокинул его на ледяной пол, прежде чем вурдалачьи челюсти сомкнулись на моем горле. Я почувствовал отсутствие на себе его веса и поспешно откатился в сторону, используя инерцию собственного пинка.

Встав на ноги на секунду быстрее, чем вурдалак, я уже складывал в уме заклинание огня – но без помощи посоха, чтобы сфокусировать энергию заклинания более эффективно, у меня не получилось сделать это достаточно быстро. Вурдалак вскочил на ноги, впившись когтями в лед, и стремительно кинулся на меня, вращая посохом перед собой так, словно умел пользоваться им в драке.

Я вскрикнул и начал уворачиваться. Если бы мы были на открытом пространстве, он размолотил бы меня в фарш и проглотил, не разжевывая. Но мы были не на улице. Мы дрались в морозном арктическом воздухе мелкого магазинчика, покрытого Зимним льдом. Лед все время мешал ему, за-

ставляя держать равновесие, но для Зимнего Рыцаря он был столь же тверд и надежен, как пол в танцевальной студии. Огибая строй вешалок, я свалил парочку на наступающего вурдалака, думая сшибить его с ног, а затем резко сменил направление, надеясь немного оторваться или заставить его оступиться. Мне нужно было выиграть долю секунды, чтобы пустить в ход еще одно заклинание и закончить бой.

Проблема была в том, что вурдалак тоже знал это. Он бросился на меня, сохраняя равновесие, и пока он был на ногах, я пребывал в замешательстве. Все, что он должен был сделать, – это заблокировать меня, пока его сотоварищи не проломают ледяную стену либо как-то не обойдут ее. Тогда я труп.

Звезды и камни, как мне сейчас не хватало моих силовых колец. И жезла, и защитного браслета, и всех мелких магических приспособлений, какие я когда-либо сделал. Но поскольку моя лаборатория вместе со всем хозяйством была уничтожена, это сильно сократило мои возможности в подобных поделках – а застряв на острове на всю зиму и имея при себе лишь то, что собрал и доставил на лодке брат, я не в состоянии был построить что-нибудь достаточно сложное типа новой лаборатории. Получилось вырезать только посох и деревянный череп в результате кропотливой работы, причем чрезвычайно медленно. Практически все инструменты, которые у меня были, – это малый набор ножей и немного наждачной бумаги, оставшейся после строительства пристани как-жизнь-док.

Подготовка! Черт возьми, Гарри! Ключ к выживанию чародея – в тщательной подготовке!

Я слышал, как по стене из льда словно бы молотят кувалдой, и хотя сквозь туман ничего нельзя было разглядеть, с каждым ударом высота звука менялась, словно лед уже начал трескаться и дробиться.

– О боже! – в панике прокричал Харви. Его я тоже не видел и на время даже забыл о нем. Вероятно, он все еще оставался там, где я с ним расстался, в нескольких футах от стены, и ему было видно, что там творится.

Два другие вурдалака одолевали стену.

Что-то внутри меня начало подавать сигнал тревоги вместе с беднягой Харви.

Пришло время идти ва-банк.

Я резко развернулся и вступил в бой с воином-вурдалаком.

Посох метнулся к моей голове. Я поднял левую руку, пытаюсь принять удар на мягкую часть предплечья. Боли я не почувствовал, лишь перед глазами промелькнула белая вспышка. Рукав плаща немного смягчил удар, но не слишком. Защитные заклинания предназначены для того, чтобы замедлить и рассеять быстродвижущиеся объекты, например пули, или уберечь тебя от колотых ран. Удар большим тупым предметом не отличается особым изяществом, но защититься от него очень сложно.

Оказавшись в зоне досягаемости посоха, я тут же врезал

вурдалаку головой по носу. Он удивленно и яростно взвыл, резко теряя скорость, и я тут же толкнул его рукой, используя каждую крупицу силы, что могла собрать для меня Зимняя мантия.

Вурдалак отшатнулся назад и не устоял на ногах.

Вспыхнувшая во мне надежда заодно пробудила и волю. Вурдалак упал, и я тут же возопил триумфально:

– Infriga!

Зима с ревом ворвалась в тесное помещение магазина – наверное, пятый раз за последнюю минуту, окутывая упавшего вурдалака клубами зверски холодного туманного морока. Пару секунд я лихорадочно хватал ртом воздух, пока туман не рассеялся достаточно, чтобы я мог убедиться, что вурдалак заморожен в ледяной саркофаг.

– Харви! – прохрипел я. – Харви, ты где?!

– О боже! – прохрипел Харви. – Боже мой!

– Боже так боже, – пробормотал я и поспешил на звук.

Я добрался до него в тот момент, когда два других вурдалака пробили стену из льда. Харви издал пронзительный визг и в панике заметался на скользком льду.

Я поднял покрытую льдом правую руку, собирая волю для следующего заклинания...

...И обнаружил перед глазами белую пустоту. Я пару раз моргнул и внезапно понял, что сижу на льду рядом с Харви. Я понятия не имел, как там очутился.

«Зима», – догадался я. Потрачено много сил, причем за

короткое время, практически не было передышки. Я исчерпал свои резервы магической энергии до такой степени, что уже с трудом мог пребывать в сознании. Но даже сейчас я не чувствовал, что магически истощен.

Конечно же, ты не чувствуешь этого, тупица. Ты же Зимний Рыцарь.

Я перевел взгляд на свою левую руку, которая как-то странно пульсировала.

Из-под рукава плаща выпирало что-то острое. Мне потребовалось совершить над собой усилие, чтобы провести осмотр и сделать логический вывод, что это моя собственная рука, и она сломана.

Семифутовый кусок ледяной стены разлетелся и грохнулся на пол.

Я оттолкнулся здоровой рукой и встал на ноги. Два вурдалака появились в проломе.

Их двое, а я один. Харви не в счет.

Без магии.

Без оружия.

И без выбора.

Я оскалил зубы в вызывающем, но бесполезном крике.

И вурдалаки вступили в бой.

Глава 19

Выбрали они, конечно, мою персону как наиболее опасную цель, не хнычущего же Харви им выбирать, понятно. Я бы поступил так же.

Но мы ошиблись.

Вурдалаки подбирались ко мне с обеих сторон, и я мог прикончить только кого-нибудь одного из них, а не двух сразу, даже если бы нашел силы, чтобы вызвать дополнительную поддержку Зимы. Один из вурдалаков подбежал и набросился на меня. Другой перепрыгнул через вопящего Харви.

Гудман Грей убил его первым.

Когда вурдалак оказался рядом, глаза Харви сделались вдруг холодными и спокойными, рука же взметнулась вверх. Я не видел самого превращения, но мне показалось, что рука изменила форму – стала жесткой, изогнувшись в виде серпа, и нечеловечески быстрой. За режущим звуком последовал стук, как от бумажного резака, но какой-то немного чавкающий. И внезапно верхняя и нижняя части вурдалачьего тела повернулись в противоположных направлениях.

Когда второй вурдалак навалился на меня, даже с учетом силы Зимней мантии все, что я мог, – это держать его зубами подальше от моей шеи. Если бы не мой плащ, челюсти этой твари превратили бы меня в конфетти, прежде чем Грей успел бы прийти мне на помощь.

Я даже не увидел, а ощутил движение: что-то расплывчатое, чертами напоминающее гориллу, схватило вурдалака своими мощными руками и отбросило от меня с такой силой, что был слышен хруст вывернутых суставов. Вурдалак врезался в уцелевшую часть ледяной стены и проломил ее, забрызгав все вокруг своей гадкой кровью. Прежде чем он пробил стену насквозь, размытая фигура, напоминающая хищную кошку, ударила его в воздухе и прижала к земле, растворившись вместе с ним за туманным облаком и обломками стены.

Вурдалак слабо вскрикнул. Потом затих.

По другую сторону ледяной стены что-то зашевелилось. Через пару секунд раздался негромкий выдох, и, спокойно ступая по тому, что осталось от перегородки из льда, появился Гудман Грей. Позади него билось нечто в смертельных судорогах. Я не мог разобрать, что это было, да и не хотел. Вурдалаки так просто не умирают и перед смертью оставляют после себя жуткую грязь. Тот, которого Грей расчленил, скребся где-то в тумане, причем звук доносился с двух противоположных направлений.

Грей взглядом оценил обстановку, кивнул и сказал:

– Это был удачный ход, разделить их стеной. И туман тоже неплохо. Не ожидал так много от человека твоего возраста.

– Иногда такие встречаются. – Я поднялся на ноги. Почему-то мне расхотелось сидеть на земле со сломанной рукой и истекать кровью поблизости от Гудмана Грея. Таким хищ-

ным созданиям, как он, не стоит давать повода ни к чему, тем более что небрежно одетый, ничем не примечательный Харви настораживал меня куда больше, чем Тесса вместе с вурдалаками заодно.

Я спросил, прогнав из голоса невольную дрожь:

– Где Харви?

– Здесь, – ответил мне Грей. Выглядел он спокойным, словно на секунду отвлекся, чтобы выбросить бумажный стаканчик, а не разорвал двух вурдалаков на части. Его глаза задержались на моей раненой руке. – Извини, была только пара секунд, а он пер на меня и пер. Пришлось отправить его в нокаут.

Я пронзил его пристальным взглядом. Затем сделал пару шагов к превращенному в лед вурдалаку, отобравшему у меня посох, выдернул его из вурдалачьих клешней. Тот рассыпался любезно на мелкие части, а посох остался в моей руке вместе с парочкой отломанных когтей этой твари. Я стряхнул их и повернулся к Грею:

– Где именно?

Грей поднял в недоумении брови. Кивнул с ухмылкой, махнул рукой, предлагая следовать за ним. Непохоже, что он сильно боялся поворачиваться ко мне спиной.

Адские погремушки! Откуда мне знать, может, у оборотня глаза на затылке.

Грей привел меня в ту часть магазина, где когда-то располагались стеллажи с журналами. Он схватился за один из

них и отбросил его.

Я увидел лежащее тело Харви.

Его горло было аккуратно перерезано чем-то острым. Вокруг на полу грязи было хоть выгребай. Глаза Харви оставались открытыми и слепо пялились в потолок. Кровь все еще пульсировала в такт сердцу, лицо было белое, – короче, я пришел слишком поздно. Харви был мертв. Само тело, впрочем, еще не догадывалось об этом.

Я медленно перевел взгляд на Грея.

Оборотень смотрел на Харви, брови его были нахмурены. Переместив взгляд на меня, он сказал:

– Да, неудачно вышло.

– Думаешь, это смешно? – Раздражение из меня так и перло.

– Думаю, что это хреново, – ответил Грей и вновь посмотрел на Харви. – Я только вырубил его.

– Я сказал бы в точности так же, если бы вешал тебе лапшу на уши.

– Нет, – возразил Грей. – Я бы сказал, что перерезал его болтливую глотку, потому что так было бы справедливо.

– Ты ведь и перерезал?

– Не надо вешать на меня лишнее, Дрезден. Ложь – она слишком давит, и она начинает надоедать где-то через пару веков. Я себя ею не утруждаю. – Он пнул Харви мыском ботинка. – Но кто-то хорошо постарался. Причем быстро. И свалил тоже быстро.

– Дейдре где? – спросил я.

– Думаю, преследует свою мать, после того как ты ей врезал по носу. – Грей опустил на колени рядом с Харви и наклонился ближе, принюхиваясь по-собачьи. – Фу! – Он задумался на секунду. – Слишком много свежей крови и чертовой вурдалачьей вони. Ничего не могу разобрать, – сказал он и поднял на меня глаза. – А ты что-нибудь можешь?

– Если у меня будет двадцать четыре часа и нормальные инструменты плюс еще пять или шесть часов, чтобы поработать на месте, возможно, что-то и выясню.

Мы посмотрели друг на друга. Похоже, мы оба считали, что каждый из нас что-то недоговаривает. Я-то был в неведении точно, Грей же определенно что-то унюхал. Я ему не доверял.

Грей, по-моему, тоже. Он нетерпеливо вздохнул:

– Чародей, ты же знаешь, что я не вру.

– Знаю, – ответил я. – Ведь бойскауты друг другу не врут.

Он изобразил нечто похожее на улыбку. Наклонился, закрыл глаза Харви – я отметил уважение в этом поступке. Затем он зачерпнул ладонью из лужицы крови на полу.

– Что ты делаешь? – спросил я.

– То, за чем мы сюда пришли, – ответил он. – Беру образец крови, он нам понадобится. Скажешь Никодимусу, где меня искать.

– И где же?

– В «Фидуциарных услугах Моррисона». Харви нельзя

было убивать, иначе все бы об этом знали. Значит, сделаем вид, что он жив.

– Ты собираешься изображать его доверенное лицо перед людьми, которых ты никогда раньше не видел? – Сарказм из меня так и пер.

– Да, – спокойно ответил Грей.

– Ты такой крутой? – Мои брови поползли вверх.

– Более чем, – ответил он. Его глаза блеснули так странно, что я вздрогнул.

– А тело Харви, с ним что?

– Родных у него нет. А у нас есть два замороженных вурдалака, – ответил он. – Их не трогай. Вурдалаки сами позаботятся о Харви, когда оттают.

– Может, стоит прикончить их прямо сейчас? – Я скрипнул зубами. – Эти парни не совсем вурдалаки. Не хочется давать им второй шанс добраться до меня.

– Как хочешь, – ответил Грей. – Мне пора.

Грей начал пить кровь из сложенной лодочкой ладони. Поморщился, тело его пробил дрожь, и буквально через секунду он стал походить на труп, лежавший возле его ног, включая одежду и все остальное. Наклонившись, он достал из кармана рубашки очки Харви, вытер с них кровь и надел на себя.

– Сделай что-нибудь с рукой, – сказал он.

Я рассеянно посмотрел на свою сломанную руку, потом спросил:

– Грей?

– Что?

– Я не оставлю тело Харви на съедение вурдалакам. И если у тебя с этим проблемы, мы можем обсудить их прямо сейчас.

Грей посмотрел на Харви, затем кивнул:

– Твое дело, тебе и решать.

И пошел медленным шагом через тающий туман в сторону пролома в стене магазина.

Я взглянул на мертвого Харви. «Прости», – сказал я ему. Потом подумал, что этого «прости» мало. Я собрался пообещать ему наказать убийцу... но Харви это было уже до лампочки.

Мертвецам не нужна справедливость. Она нужна только тем, кто смотрит на их останки.

Я столкнул тяжелые стеллажи обратно на тело Харви. Власти найдут его через пару дней. Конечно, это неуважение к мертвому, но большего себе я не мог позволить.

Мне совсем не хотелось тащиться в хранилище Аида только за тем, чтобы обнаружить там отряд головорезов из древних мифов, поджидающих нас с намерением отрезать нам голову, как только мы войдем. Поэтому я кое-что предпринял.

По части магических приемов у меня был напряг. Зато были одна здоровая рука и тяжеленный посох. С их помощью я превратил в прах замороженных вурдалаков, затем вышел

из магазина и сел в заранее арендованную машину, чувствуя себя невероятно уставшим, больным и никому не нужным на свете.

Глава 20

Черт знает, куда я ехал. Главное – не останавливаться.

Какая-то часть меня отмечала со все растущей тревогой, что здравый смысл сдает свои устойчивые позиции. Числа больше не складывались. Рука была сломана. Время поджигало. И еще я оставил Кэррин один на один с этой бандой, хотя практически был уверен, что Эшер и Вязальщик не убьют ее без приказа, да и у гадины Никодимуса нет на то особых причин. Пока нет. Про Грея я знал лишь то, что он куда-то спешил. Причем спешить он мог обратно на скотобойню, чтобы снова докапываться до Кэррин. Маловероятно, конечно, но мысль, что я ее бросил, меня тревожила.

С другой стороны, я все равно вернуться не мог. С моей-то рукой. Этой банде нельзя было показывать свою слабость.

Я решил убедиться, что со мной все в порядке. Крови на руке не было, но пока я себя обследовал, чуть было не врезался в остановившийся передо мной автомобиль. Какие бы полезные услуги мантия Зимнего Рыцаря ни предлагала, последствия всего этого не всегда бывали приятными. Да, я не чувствовал боль, но ведь мантия должна была откуда-то черпать свою энергию. И источником этой энергии, скорее всего, был я. Боль не волновала меня, но травмы были вполне реальны, и за этот обезболивающий эффект я платил поте-

рей внимания и жуткой усталостью.

Мне нужна была помощь.

Да. Помощь. Баттерс, вот к кому надо ехать. Он вправит кость и наложит шину.

Но неожиданно я обнаружил, что паркую машину перед простым симпатичным домиком в районе Бактауна. Дом был в колониальном стиле, без лишних претензий, но поддерживаемый хозяевами в отличном виде. Перед ним рос огромный дуб, еще несколько деревьев виднелись на дворе сзади, вокруг – забор из штакетника, крашенный белый краской. Новый почтовый ящик, покрытый ручной резьбой. Блестящими золотыми буквами на ящике было выведено: «Карпентерам».

Я затормозил и оглядел дом.

Здесь я не был с моего последнего посещения Чикаго. Было это в прошлом году. Словно вор, я пришел, когда никого не было дома, чтобы взять Мыша, мою собаку, на некое секретное дело.

Так я хитро увернулся тогда от встречи с дочерью, которую не видел с тех пор, как вытащил ее из залитого кровью храма в Чичен-Ице, чтобы унести ее подальше от убитых вампиров Красной Коллегии и тела матери, погибшей от моих рук.

Мэгги. У нее были темные волосы и глаза, как у Сьюзен, ее матери.

Прекрасной Сьюзен, которую я подставил, как я подста-

вил Харви.

А после я взял Молли Карпентер с собой и впутал ее в заварушку с сидхе, самыми опасными существами, каких я знал. И Молли стала невольной жертвой борьбы за власть и теперь, насколько я знал, была даже не совсем человеком.

Молли, которую я подставил, как Харви.

Что я здесь делаю, черт возьми?!

Я вышел из машины и подошел к воротам. Повозившись, открыл их и направился ко входной двери.

Постучал, пытаюсь представить, кто может быть внутри. Середина дня. Дети, должно быть, в школе. На секунду задумался, не повернуть ли назад. Что я надеялся здесь найти? Возможность обвести вокруг пальца Никодимуса?

В этом не было никакого смысла.

И только на крыльце дома я понял, что плачу, и плачу уже давно. И снова подумал о том, чтобы сбежать, как мальчишка. Но мои ноги не двинулись с места.

Через мгновение мне открыли дверь.

Майкл Карпентер ростом был за шесть футов, и если его мускулы были не такие внушительные, как обычно бывает у Рыцаря Креста, то все равно было ясно, что он уделает любого, даже не вспотев. Каштановые волосы Майкла были белы от серебряных прядей, а борода стала совсем седой. Морщин на лице прибавилось, особенно вокруг глаз и рта. Наверное, улыбаться ему поменьше бы. Он был одет в джинсы и синюю фланелевую рубашку и опирался на трость.

Сказывалось ранение; когда он помогал мне, я был недостаточно скор, чтобы это предотвратить. И это опять мой прокол.

Все перед моими глазами потекло, размылось и пошло волнами.

– Похоже, мне нужна помощь, – пробормотал я хрипло. – Что-то со мной не так.

Голос его был мягок, ни следа колебаний.

– Заходи, – сказал мне мой друг.

Изнутри меня разрывало; кроме сдавленного стоны, выдать из себя я ничего не смог.

* * *

Я сидел за столом на кухне у Майкла.

Кухня была просторная, и здесь не было того привычного беспорядка, что раньше. Два вместительных холодильника могли бы накормить целый взвод, который звался его семьей. За столом можно было разместить минимум десяток столующихся, даже если его не раскладывать.

Я осмотрелся. Все чисто, все аккуратно, хотя и раньше здесь царила безупречная чистота.

Майкл заметил мой взгляд и улыбнулся.

– Меньше людей, больше места, – сказал он с гордостью и вместе с тем с сожалением. – Знаешь, дети быстро растут.

Он подошел к холодильнику и вытащил пару бутылок пи-

ва. Открыл их консервным ножом, похожим на молот Тора, легендарный Мьёльнир.

Я взял открывашку и прочитал, что на ней написано: «Кто бы ни взял этот молот, будет обладать силой Тора, если достоин».

«Или будет достоин хотя бы открыть бутылку», – добавил мысленно я.

Майкл улыбнулся. Мы чокнулись, сдвинув бутылки, выпили по глотку, и я положил руки на стол.

Он увидел мой мокрый от крови рукав. Медленно выдохнул и сказал:

– Нужна помощь.

Мы избавились от плаща. Пока проделали это, руку и запястье пронзила страшная боль. Наконец я смог рассмотреть свою несчастную руку.

Кость не выпирала наружу, но было такое ощущение, что она прорвет кожу при малейшей возможности. Предплечье мое распухло. Выпершую из-под кожи кость окружали фиолетовые пятна, а кожа вокруг них пошла волдырями. Майкл взял мою руку, положил на стол и стал осторожно ее обследовать.

– Перелом, – заключил он спокойным голосом.

– Ты что, по совместительству еще и врач?

– В армии был санитаром, – ответил Майкл. – Нагляделся на переломы. – Он внимательно посмотрел на меня. – Как насчет больницы?

Я отрицательно покачал головой.

– Понятно, – ответил он и тронул еще несколько раз мою руку. – Похоже, кость не раздроблена.

– Вправить можно?

– Попробую. Но без рентгена придется делать это на ощупь. Возможно, срастется криво.

– Оборудование выйдет из строя, во всяком случае большая его часть, если я даже просто войду в твой кабинет, – подсказал я.

– Сразу после этого зафиксируем запястье. – Майкл кивнул.

– Не знаю, смогу ли я себе такое позволить.

– Без вариантов, – ответил он. – Если я наложу повязку, стоит тебе дернуть рукой, и кости опять сместятся. Или закрепляем запястье, или края костей будут цеплять друг за друга и вряд ли когда-нибудь срастутся.

Я поморщился:

– Может, обойдемся повязкой?

– Слишком сильный отек, – объяснил он. – Придется наложить шину и ждать, пока опухоль спадет и можно будет сменить ее на гипс. Хочешь, я позвоню Баттерсу?

Его предложение меня напрягло.

– Он... как бы тебе сказать... немножечко ко мне не того. И потом, ты же знаешь, с живыми он не очень любит работать.

Майкл нахмурился, вглядываясь в мое лицо, потом кив-

нул:

– Понятно. Подожди здесь.

Он отправился в свою подсобку, лабораторию – как правильно, я не знаю. Вернулся скоро, принес с собой нужные инструменты, выложил их на стол. Вымыл руки, обработал мою рану антибактериальными средствами. Взял меня за запястье.

– Будет больно, – пообещал он.

– Правда? – Я улыбнулся.

– Тело подай назад и тяни руку на себя. – Он принялся помогать тянуть мою руку, другой своей рукой мягко надавливая на кость.

Даже мантия Зимнего Рыцаря имеет свои пределы. Или в ней сели батарейки? Тупая глубинная боль билась в моей руке; это было примерно то же, что вы ощущаете в тот момент, когда ваши конечности немеют в ледяной воде, только много сильнее. И я слишком устал, чтобы забивать боль криком.

Наконец Майкл выдохнул и сказал:

– Думаю, она встала на место. Не шевели рукой.

Я сидел, тяжело дыша, incapable даже ответить.

Майкл начал обвязывать мою руку бинтами; руки его двигались медленно, но чем дальше, тем более уверенно и быстро – прежний опыт давал о себе знать. Затем он взял кусок листа алюминия, который принес с собой из подсобки, бегло посмотрел на мою руку и с помощью плоскогубцев ловко согнул лист в форме желоба. Положил в него мою руку,

оставив снаружи пальцы. Скоба охватывала бо́льшую часть руки, от запястья до локтя. Майкл снял ее, немного подправил угол изгиба, приложил снова. Затем плотной тканью зафиксировал скобу на моей руке.

– Как тебе? – спросил он, когда закончил.

– Не могу шевелить запястьем, – проверил я. Очень осторожно проверил. – С этим точно будут проблемы.

– Думаешь? – спросил он.

Я говорил спокойно, как только мог.

– Трудно пошевелить запястьем. А вдруг возникнет опасная ситуация? Все может быть.

Он сел и строго посмотрел на меня.

Я понял, что шутки в сторону.

– Спасибо, Майкл, – сказал я. Вдохнул. Не было никакого смысла говорить что-то еще. Должно быть, моя сломанная рука подкинула мне эту идею. – Я, пожалуй, пойду.

И начал подниматься со стула.

Майкл взял свою трость и рукоятку подцепил мою ногу. Я хлопнулся обратно на стул.

– Гарри, сколько раз я тебя спасал? – спросил он, наморщив лоб.

– Кучемиллион раз.

Он кивнул.

– Я что-нибудь просил у тебя взамен?

– Ничего. Никогда.

Он снова кивнул.

Потом мы долго пребывали в молчании.

Наконец я произнес очень тихо:

– Знаешь, не думаю, что я такой же хороший парень, каким я тебе казался.

Сказал и сглотнул при этом.

Он меня внимательно слушал.

– Как я могу быть таким после всего, что сделал? – Это сказал я.

– И что ты сделал?

Я с минуту обдумывал ответ.

– Ты знаешь о Мэб. Знаешь о том, кто я теперь. И какую я заключил сделку.

– Я знаю, что ты это сделал, чтобы получить необходимую силу для спасения жизни дочери.

– Ты не знаешь о Сьюзен. – Мы пересеклись взглядами. – Я ее убил, Майкл.

Не знаю, как я в этот момент выглядел, но на его глаза навернулись слезы.

– Гарри. – Он опустил голову. – Она *обратилась*? Что произошло, скажи?

– Этот сукин сын, Мартин, – сказал я. – Он... он ее подставил. Сдал семью, в которой жила Мэгги. Думаю, что он сделал это, чтобы втянуть меня в разборки с Красным Королем, вероятно, в надежде, что это заставит Белый Совет сосредоточиться на войне. Но он знал Красных. Он работал на них. Был двойным агентом, или тройным, возможно. Я

не думаю, что он следовал какому-то плану, но он вычислил момент. Красный Король собирался убить Мэгги, чтобы поставить крест на родовом проклятии. Оно, это проклятие, убило бы меня, и не только меня одного, а всех моих родных, всю мою семью...

Брови Майкла полезли вверх.

– Ритуал был уже подготовлен, и Мартин увидел шанс уничтожить Красную Коллегию. Всех их. Он выпалил в лицо Сюэзен все о своем предательстве, и она просто сорвалась с катушек. – Я вздрогнул, вспоминая об этом. – Я видел. Я видел, что он делает. Возможно, я мог бы его остановить, не знаю... Я не остановил. Она убила его. Вырвала ему глотку. И... она начала меняться, и...

– И ты завершил ритуал, – тихо сказал он. – Ты убил ее. Ты убил их всех.

– Самый молодой вампир во всем мире, – произнес я. – Новорожденный. Они все ведут начало от основателя – Красного Короля, я полагаю. Их собственное проклятие помело каждого из них. Весь их род.

– Каждый вампир Красной Коллегии, – мягко подсказал Майкл, – был убийцей. Каждый из них в какой-то момент отнял чью-то жизнь, чтобы сохранить свою собственную. Это ударило по ним бумерангом. Они сами выбрали это.

– Я не проливаю слезы над Красной Коллегией, – сказал я с презрением в голосе. – Последствия от их быстрого уничтожения... Не знаю. Наверное, надо было сделать это как-

то по-другому. Заглядывая в будущее.

– Если история не врет, никому еще не удавалось разрушить империю, построенную на боли и ужасе.

– Все происходило как-то сумбурно. – Я мрачно улыбнулся. – И я просто хотел спасти Мэгги.

– Могу я задать тебе вопрос?

– Конечно.

– После того как Сьюзен начала обращаться... как тебе удалось ее усмирить?

Я замер ненадолго, пытаюсь вспомнить тот момент яснее.

– Ты не стал делать это, – мягко произнес он. – Не так ли?

– Она... она обратилась. Но она понимала, что происходит.

– Она пожертвовала собой, – сказал Майкл.

– Она позволила мне принести ее в жертву. – Во мне внезапно вспыхнула ярость. – Есть разница?

– Да, – тихо ответил Майкл. – Это твоя цена. Твое бремя.

– Я поцеловал ее. А потом перерезал ей горло.

После этих моих слов повисла глубокая тишина.

Майкл встал и положил руку мне на плечо.

– Гарри... Мне так жаль... Мне жаль, что ты встал перед таким жутким выбором.

– Я никогда не хотел... – Я сглотнул. – Я не хотел, чтобы все так обернулось. Чтобы Сьюзен пострадала. Чтобы сделка с Мэб совершилась. Я изначально не собирался идти на ее условия.

В его глазах читалась неподдельная боль.

– Я... спрашивал себя, – сказал он. – О том, что случилось после.

– Это был я. Я все устроил. Я думал... если я уйду раньше, чем Мэб получит шанс изменить меня, то все будет в порядке.

– Ты думал... – Майкл медленно вдохнул и снова сел. – Ты думал, что, если умрешь, всем будет лучше?

– Да, по сравнению с тем, что Мэб превратила бы меня в чудовище... По сравнению со смертью моей дочери и моего деда от рук Красных. Да. Я считал, что так будет правильно.

Майкл закрыл лицо руками и покачал головой. Затем уставился в потолок – на лице его отражались одновременно безысходность, боль и печаль.

– И теперь у меня внутри эта тварь, – продолжал я. – И она толкает меня, Майкл. Толкает, толкает и толкает на... всякое.

Он внимательно посмотрел на меня.

– А сейчас... – говорил я дальше. – Адские погремушки, прямо сейчас Мэб заставляет меня работать с Никодимусом Архлеоном. Если я откажусь, эта штука в моей голове вырвется, убьет меня, а затем возьмется за Мэгги.

– Что?

– Ты не ослышался. Никодимус. Он хочет ограбить некое хранилище, и Мэб предоставила меня ему в оплату за прошлые долги. Он создал собственную лигу зла-ради-зла, и

я примкнул к ней. И что еще хуже, я втянул туда Мёрфи, хотя и не говорю ей всего, что знаю. Потому что не могу.

Майкл медленно покачал головой.

– Я оглядываюсь по сторонам... Я пытаюсь делать то, что делал всегда. Защищать людей, беречь их от всякой мерзости. Но теперь я почти уверен, что сам одно из этих чудовищ. Я не знаю, куда мог бы... что еще я мог бы сделать. Я потерялся. Я помню каждый шаг на пути, приведшем меня сюда, и все же я потерялся.

– Гарри.

– И мои друзья... Даже Томас... Я проторчал на проклятом острове год. Год, Майкл, и они почти не появлялись. Только Мёрфи и Томас, раз пять за все время. А это всего меньше часа на чертовой лодке. Люди ездят дальше, чтобы сходить в кино. Они знают, что со мной происходит. И не хотят на это смотреть.

– Гарри, – начал Майкл своим мягким голосом, – ты... ты...

– Глупец, – произнес я спокойно. – Монстр. Проклятый.

– ...Такой заносчивый, – выдохнул Майкл.

Я выкатил глаза от удивления.

– Я, конечно, привык к такому твоему поведению, но в этом случае... нет, это просто удивляет. Даже по твоим меркам.

– Что? – сказал я.

– За-нос-чи-вый, – повторил он по слогам. – В такой сте-

пени, что поверить сложно.

Я тупо пялился на него некоторое время.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Ты ждал от меня мудрых слов, что-нибудь о Боге, душе, прощении, искуплении. Это все хорошие вещи, и они должны быть сказаны в свое время, но... Честно, Гарри, я не был бы твоим другом, если бы не сказал тебе, что ты ведешь себя как безмозглый идиот.

– Я?

Мгновение он смотрел на меня с гневом и болью, а потом его лицо прояснилось, он улыбнулся, и глаза Майкла весело засияли, как рождественская ель в сочельник. Я вдруг понял, от кого Молли досталась ее улыбка. Он с трудом сдерживал смех:

– Да, Гарри. Ты идиот. Да, именно ты.

– Не понимаю, – сказал я.

Его глаза остановились на опустевших бутылках. С пивом в доме Майкла такое часто случается. Он подошел к холодильнику, силой Тора открыл еще парочку и поставил на стол. Мы чокнулись и выпили.

– Гарри, – продолжил он после паузы, – ты идеальный?

– Нет, – ответил я.

Он кивнул.

– Всезнающий?

Я фыркнул:

– Нет.

– Можешь отправиться в прошлое и изменить то, что уже

случилось?

– Теоретически? – спросил я.

Он посмотрел на меня в упор. Я пожал плечами:

– Я слышал, что иногда нечто такое можно предпринять.

Да, это адски сложно. И у меня нет ни малейшего представления, как именно это делается.

– Так можешь или нет? – спросил Майкл.

– Нет, – сдался я.

– Другими словами, несмотря на все, что ты знаешь, и все те невероятные вещи, что можешь сделать... ты всего лишь человек.

Я нахмурился и отхлебнул из бутылки.

– Тогда почему ты ждешь от себя совершенства? – спросил Майкл. – Ты что, считаешь себя лучше остальных? Что твоя сила делает тебя человеком другого уровня? А твои знания позволяют смотреть на остальных в этом мире свысока?

Я уставился на бутылку и ощутил... смущение.

– Это заносчивость, Гарри, – произнес он мягко. – Она вошла в тебя так глубоко, что ты даже не осознаешь этого. И знаешь почему?

– Нет, – сказал я.

Он снова улыбнулся.

– Потому что ты установил для себя более высокий стандарт. Ты думаешь, раз у тебя больше силы, чем у других, то и делать ты должен больше.

– Со всякого, кому много дано, много и взыщется, – отве-

тил я, не поднимая глаз.

Он издал короткий смешок.

– Для того, кто так часто говорил мне, что он неверующий, у тебя удивительная способность цитировать Писание. Это я и хочу сказать.

– Что? – Я посмотрел на него.

– Ты не мучил бы себя так, если бы тебе было наплевать.

– Ну и что?

– Монстрам плевать на это, – сказал Майкл. – И проклятым плевать. Сделать так, чтобы свои грехи нельзя было искупить, можешь только ты сам. И единственный путь к этому – равнодушие, нежелание беспокоиться о других.

– Ты думаешь?.. – Кухня поплыла перед моими глазами.

– Что я думаю? Я думаю, ты не идеален. А это значит, что иногда ты делаешь неправильный выбор. Но... честно говоря, не уверен, что я поступил бы иначе, если в опасности оказался бы кто-нибудь из моих детей.

– Только не ты, – ответил я тихо. – Ты бы не сделал того, что сделал я.

– Я не смог бы сделать то, что ты сделал, – сказал Майкл просто. – И я не был на твоём месте, стоя перед таким выбором. – Он поднял бутылку. – Спасибо Тебе за это, Господи. Так что если ты пришел сюда за осуждением, Гарри, от меня ты его не получишь. Я делал ошибки. Я лажал. Я человек.

– Но эти ошибки могут меня изменить, – сказал я. – Я могу кончить так же, как и вся эта компания во главе с Ни-

кодимусом.

– Нет, такого не будет, – возразил Майкл.

– Почему?

– Потому что я знаю тебя, Гарри Дрезден, – ответил Майкл. – Ты патологически не способен понять, когда нужно отойти в сторону. Ты не сдаешься. И я не поверю ни на секунду, что ты на самом деле намерен помочь Никодимусу в его деле.

Я почувствовал, как улыбка тронула уголки моих губ.

– Ну вот! – воскликнул Майкл, садясь в кресло и отхлебывая свое пиво. – Я так и думал.

– Есть одна хитрость, – сказал я. – Я должен помогать ему *во время* этого дела, но не потом. На мне техническая сторона вопроса.

Майкл поморщился:

– Фэйри! Я никогда не понимал, почему они всегда изъясняются как юристы.

– Я Зимний Рыцарь, но тоже не понимаю почему, – ответил я.

– Да, странно, хотя меня это обнадеживает, – сказал Майкл.

Я хихикнул:

– Да. Есть немного.

– Для Никодимуса обмануть кого-нибудь – милое дело. – Лицо Майкла стало серьезным. – Он наверняка знает о твоих планах. Он умен, Гарри. Его опыт в борьбе за выживание

исчисляется столетиями.

– Это правда, – согласился я. – С другой стороны, мне тоже палец в рот не клади.

Его глаза блеснули.

– Тоже верно.

– И со мной Мёрфи, – добавил я.

– Это хорошо, – сказал Майкл и стукнул бутылкой по столу в подтверждение своих слов. – У нее есть мозги и сердце.

– Но... Майкл, она ни разу... за весь год... – Я закусил губу и посмотрел на него.

Он вздохнул и покачал головой.

– Гарри... Ты знаешь, чем этот остров был для всех нас?

Я тоже покачал головой.

– В последний раз, когда я там был, в меня попали две пули, – объяснил Майкл. – В итоге месяц я пробыл в реанимации, четыре месяца был прикован к постели и снова смог ходить лишь почти через год. Бедро и поясница были повреждены, и, с физической точки зрения, это был самый долгий, ужасно болезненный и страшно унижительный опыт в моей жизни.

– Да уж, – сказал я.

– Ты знаешь, что мне снится в кошмарах?

– Что?

– Остров, – ответил Майкл. – Его... присутствие. Его злоба. – Он вздрогнул.

Майкл, Рыцарь Креста, который, не моргнув глазом,

встречался лицом к лицу со смертельно опасными существами, демонами и монстрами, дрожал от страха.

– Это ужасное место, – тихо произнес он. – Его воздействие... Ясно, что у тебя там все по-другому. Но лично я не уверен, что смогу вернуться туда снова, по собственной воле.

Я моргнул.

– Но я знаю, что Молли там была. И, как ты говорил, Кэррин тоже. И Томас. Много раз. – Он покачал головой. – Это... меня удивляет, Гарри.

– Они... Они ни разу мне ничего не сказали, – произнес я. – Я имею в виду, они там и одной ночи не провели, но...

– Конечно, они там не ночевали, – сказал он. – Ты уже достаточно раскаивался за то, в чем не виноват. И они не хотели подливать масла в огонь. – Он замолчал, потом мягко добавил: – Но ты решил, что все, что случилось, из-за тебя.

Я допил пиво и кивнул.

– Заносчивый, надо же, – сказал я. – Чувствую себя идиотом.

– Это хорошо, – ответил Майкл. – Иногда полезно чувствовать себя идиотом. Это помогает осознать, что еще есть чему поучиться.

Сказанное Майклом об острове укладывалось в общую картину. Я вспомнил свои первые визиты туда и чувство тревоги, которое меня там охватывало. У меня есть талант и очень большая практика в плане защиты от психических воздействий, и я защищался от острова чисто рефлекторно, от-

гораживаясь от самого страшного, что он мог со мной сделать. Чародей как-никак. А позже я вызвал Духоприюта на ритуальный поединок и стал после этого Стражем острова, защитив себя от его злого воздействия.

У Томаса не было такой практики и такой защиты. Для Молли, куда более чувствительной к подобным энергиям, это наверняка было мучительно. И Кэррин, которая раньше уже подвергалась психической атаке... Проклятье!

Все они и так уже получили свою порцию шрамов, помогая мне и ни на что не жалуясь... а я убивался из-за того, что они не хотели обзавестись новыми.

Майкл был прав. Я совершенно заиклился на себе.

– Я понял, – сказал я. – Если бы не мое назначение Зимним Рыцарем... Мэб нашла бы кого-нибудь другого. Она однажды мне говорила, кто был бы на моем месте. Томас, мой брат. – Я вздрогнул, представив, что было бы, если бы к тем соблазнам, которым он противостоял, добавились еще соблазны Зимы. – Он взял бы на себя это бремя. И был бы уничтожен, скорее всего.

– До тебя только сейчас дошло? – спросил Майкл. – Мне хватило пяти секунд, чтобы это понять.

Я рассмеялся.

– Так-то, – кивнул Майкл довольно.

– Спасибо. – Я благодарил его за множество вещей сразу. Майкл понимающе кивнул.

– Но есть еще один слон в кустах, которого мы старательно

не замечаем.

Разумеется, есть.

Мэгги.

– Я не хочу снова делать ее мишенью, – сказал я.

Майкл терпеливо вздохнул.

– Гарри, – сказал он таким тоном, словно вел беседу со слабоумным, – я сомневаюсь, что ты не обратил внимания, но для последней твари, которая посмела поднять руку на твоего ребенка, все закончилось плохо. И для его приятелей. И для союзников. И для всех, кто на него работал. И для большинства людей, которых он знал.

Я удивленно посмотрел на него.

– Невольно, нет ли, – продолжал Майкл, – но ты ясно и четко предупредил всю эту мразь на случай, если кто-то из этих тварей когда-нибудь узнает о вашем с Мэгги родстве.

– Ты думаешь, это остановит Никодимуса? – спросил я. – Хоть на одну секунду?

– Хотел бы я увидеть, как он попробует забрать ее из этого дома, – улыбнулся Майкл.

Я вскинул брови.

– Где-то с десятков ангелов по-прежнему защищает дом, – сказал Майкл. – Это часть моего пенсионного пакета.

– Она же не все время здесь, – возразил я.

– Тогда ее сопровождает Мыш, – сказал он. – Мы зарегистрировали его как медицинскую собаку. Он предупреждает приступы паники.

Я хмыкнул, представив Мыша в этой роли.

– Вызывая приступы паники у окружающих?

– Он настоящий джентльмен, – ответил Майкл весело. – Дети его обожают. Учителя позволяют ученикам поиграть с ним на переменах.

Я представил моего пса на детской площадке, как он носится вокруг Мэгги и других ребятишек с вечной своей глупой ухмылкой на морде и терпеливо выносит всякие их придумки. Носится осторожно, чтобы не навредить никому, и бесстыдно подставляя брюхо, чтобы его почесали.

– Фантастика.

– Дети есть дети, – кивнул Майкл.

– А что, если... – Я поднял глаза. – Майкл, вдруг она была там. В храме, когда... Что, если она помнит, что я сделал?

– Она не помнит, – ответил Майкл.

– Пока, – с сомнением сказал я. – Такие вещи... они всплывают со временем.

– Даже если и так, ты не думаешь, что она заслуживает знать правду? Когда будет готова?

Я отвел взгляд:

– То, что я делаю... Не хочу, чтобы это сказалось на ней.

– Своих детей я тоже не хотел втягивать. Удалось мне это, правда, не вполне. Но я не жалею о своем выборе. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы защитить их. И доволен этим.

– У моего босса несколько иная политика.

– Да, не поспоришь.

– Мне нужно идти, – сказал я. – Серьезно. Время поджигает.

– Мы не закончили разговор о Мэгги, – сказал он твердо. – Но продолжим его в ближайшее время.

– Зачем? – спросил я. – Здесь она в безопасности. Она... она счастлива?

– По большей части, – ответил он по-дружески. – Она твоя дочь, Гарри. Она нуждается в тебе. И думаю, ты нуждаешься в ней еще сильнее.

– Не понимаю, как ты можешь такое говорить после того, что произошло с Молли.

– А что с Молли? – Он наклонил голову.

– Ты... ты не знаешь?

– В последнюю нашу встречу с ней было все в порядке. – Он удивленно моргнул. – Я видел ее в прошлые выходные. Ее что, хотят выселить из квартиры или что-нибудь в этом роде?

Я посмотрел на него в смятении, начиная кое-что понимать.

Он действительно не знал.

Майкл не знал, что его дочь стала Зимней Леди. Она ему не сказала.

– Гарри, с ней все в порядке? – спросил он с беспокойством.

О, долбаные адские погремушки! Она не сказала родите-

лям!

Это было так похоже на Молли. Глазом не моргнуть перед легионом злобных фэйри, но побояться рассказать родителям о своей новой работе.

Но это был ее выбор. И у меня не было права лишать Молли его.

– Она в порядке, – выпалил я. – Она в порядке. Я имею в виду... я имел в виду... э-э-э...

Майк охнул, на лице его отразилось понимание:

– А, понятно. Ну, это... это ничего. Это в прошлом, все уже пришло в норму.

Я не совсем понял, что он имел в виду, но это была возможность избежать бóльших проблем для Молли. И я этой возможностью воспользовался.

– Да, точно. В любом случае спасибо тебе. Много за что спасибо.

– Еще одно «много за что», – сказал Майкл, – и я вежливо стукну тебя по голове.

– Думаю, так и надо, иначе до меня не дойдет.

– Я знаю. – Он встал и протянул мне руку.

Я пожал ее.

– Майкл, ты когда-нибудь... скучаешь по тому, что было? – спросил я.

Он улыбнулся, и морщинки вокруг его рта стали глубже.

– Ты про битвы? – Он пожал плечами. – Я безумно счастлив, что все свое время провожу с женой и детьми.

Я сощурился:

— Это... не совсем ответ.

Он подмигнул мне. А потом проводил до двери, опираясь на трость.

Когда я добрался до машины, ледяная боль в моей руке притупилась до зуда. Я выздоравливал. Прежде чем возвратиться, я собирался принять что-нибудь противовоспалительное, чтобы снять отек. Боли я не чувствовал, однако не следовало без необходимости прибегать к силам магии. Лучше сохранить их до того момента, когда они реально понадобятся. Кстати, и нужно было заняться некоторыми другими вещами.

Что бы Никодимус ни задумал, это должно случиться в ближайшие двадцать четыре часа. Я буду готов.

Глава 21

Я едва успел доехать до скотобойни, как коробка передач арендованного автомобиля окончательно сдохла.

Как ни странно, это меня взбодрило. Я уже давно не приводил машины в негодность своим чародейством. И хорошо, что это не случилось со взятой напрокат тачкой какого-нибудь более неудачливого водителя. На мгновение меня охватил приступ внезапной тоски по моему старенькому «фольксвагену», и в этом было столь же мало здравого смысла, как и во всем, что я сегодня делал. «Голубой жучок» был неудобным, тесным, в нем чем-то подозрительно пахло, не говоря о том, что он был собран из останков старых «фольксвагенов» выпуска шестидесятых годов и я, должно быть, выглядел в нем абсолютно по-идиотски, сидя, скрючившись, за рулем. Но это был мой «жучок», и хотя он не рвал вперед, как гоночная машина, все же оставался на ходу большую часть времени.

Вот ведь долбаная аренда! Встроенный голосовой GPS тоже сдох через два квартала.

– Джордан! – заорал я, войдя, и бросил бумажный пакет с парой чизбургеров в динарианского оруженосца. – Лопай, дружище! С пылу с жару, так что смотри не обожги язы... Ах да. Прости.

Джордан сердито посмотрел на меня и принялся возиться

с дробовиком и пакетом, чтобы как-нибудь их совместить, пока не пристроил поудобнее то и другое. Я сделал приветливое лицо, похлопал его по плечу и потопал дальше. Поравнявшись с охранником на следующем посту, я сказал:

– А ты сегодня без чизбургеров. За твое недружелюбное поведение. Учись у Джордана.

Охранник обвел меня хмурым взглядом и промолчал. Но это была лишь видимость. Никто не может устоять перед моим мужественным обаянием. В глубине души он хотел со мной подружиться. Я просто уверен.

Когда я сошел в цех, Кэррин подняла глаза от длинного рабочего стола, полностью заваленного оружием. Она следила за моим приближением, и на ее лице промелькнуло выражение настороженности и... недоверия.

– Гарри? – спросила она, когда я спускался по последним ступенькам.

– Кто же еще? Ну разве что этот придурок Грей. Правда, он слишком занят, чтобы быть мной. Потому что притворяется Харви.

Я достал еще один пакет из «Бургер-кинга» и шлепнул его на стол перед Кэррин, затем забросил купленный на распродаже армейских товаров рюкзак себе на плечо.

– Подумал, вдруг ты голодная.

– Как бы не очень. – Она кинула взгляд на пакет с фаст-фудом.

– Эй, Энни Оукли³, полегче! Ты правда это сказала? Мне в лицо?

Улыбка расплылась по ее губам и добралась до глаз.

– Гарри.

– Я... – выдохнул я. После разговора с Майклом я чувствовал себя сбросившим двадцать тонн ненужного груза – во всяком случае, внутри. – Да. Похоже на то. Харви мертв. – Моя улыбка исчезла.

Ее лицо стало серьезным, взглядом она прошлась по мне, остановившись на руке.

– Что случилось?

– Полония Лартесса заявила с отрядом вурдалаков и замочила его, – сказал я. – Или это сделала Дейрдре. Или Грей. Я разбирался с вурдалаками, когда это произошло.

– Кто помог тебе с рукой?

– Хороший человек, – сказал я.

Кэррин с секунду молчала, потом ее брови взметнулись вверх.

– Вот как? – сказала она, и в глазах ее появился блеск. – Это многое объясняет.

– Ага, – сказал я, раскачиваясь на носках. – Дело в том, что кто-то пытается натянуть нас с нашей работой даже прежде ее начала.

---

³ Энни Оукли (1860–1926) – женщина-стрелок, прославившаяся своей меткостью на представлениях Буффало Билла (1846–1917), американского военного, предпринимателя, шоумена.

– Какое безобразие.

Я хмыкнул:

– Если Тесса пытается остановить Никодимуса, я хотел бы знать почему.

– Потому что она его жена? – предположила Кэррин.

– Согласен, этого достаточно для мести, но... Не знаю.

Ненавижу работать вслепую.

– И что нам теперь делать?

Я пожевал губу и сказал:

– Для нас ничего не меняется. Кроме...

– Кроме чего? – спросила она.

– Кроме того, что кто-то должен ответить за смерть Харви, когда мы закончим.

– Ага. Я прослежу за этим.

Я внимательно осмотрел стол.

– «Узи», – оценил я.

– Классика, – пояснила Кэррин. – Простые, надежные, долговечные и, главное, не автоматические.

Это было хорошо для ни в чем не повинных мирных жителей Чикаго. Пистолетные пули не могли пробить сразу несколько стен и поразить какого-нибудь бедного олуха, сидящего в своей берлоге за два квартала от места выстрела. Это не значило, что «узи» не опасны, но они были менее опасны, чем, например, АК-47. Никодимус не делал ничего сгоряча. Либо он купил то, что легко было достать, либо он зачем-то пытался уменьшить сопутствующий ущерб.

– Люди Вязальщика могут обращаться с «узи»? – спросила Кэррин.

– Думаю, да. В прошлый раз они запросто похватали в руки оружие. Надо выяснить у Вязальщика.

– Выяснить у Вязальщика что? – спросил Вязальщик, приближаясь из дальнего конца цеха. В одной руке он держал бутерброд, в другой стаканчик, возможно с чаем.

– Помяни черта... – сказал я.

Вязальщик выдал передо мной церемонный поклон, махнув бутербродом.

– Ваши... люди. Они умеют обращаться с «узи» или им нужен инструктаж? – спросила Кэррин.

– Справятся, – ответил он уверенно и немного нагло. – Не ждите от них умения разобрать или починить ствол или какой-нибудь хохмы перед тем, как спустить курок, но стрелять и перезаряжать патроны они мастера.

Его пронзительные глаза-бусины замерли на шине у меня на руке.

– Кто-то здесь не хочет жить дружно?

Сместив взгляд с меня, он забежал глазами по помещению скотобойни. Я почти видел, как он считает в уме. Один – Гарри, нет Дейрдре, отсутствует Грей.

– Все в порядке, – успокоил его я. – Возникли кое-какие проблемы у нашего бизнесмена.

– Постой! – сказал Вязальщик, подняв два пальца. Он развернулся и ушел, жуя свой бутерброд, и вернулся через пару

секунд вдвоем с Ханной Эшер. Та изменила своему свитеру в пользу майки и выглядела так, словно ее только что сняли с беговой дорожки. Она часто дышала и блестела от пота. Несколько лепестков пепла застряли в волосах на ее предплечьях и запачкали щеку. Несмотря на это, ее новый образ был на редкость интригующим, как всегда, – мужчине легко было себе представить, как она выглядела бы во время...

– Давай, – сказал Вязальщик, – говори дальше.

– Мы следили за бизнесменом, – продолжил я. – Объявилась жена Никодимуса с командой вурдалаков и отправилась за ним. Бизнесмена убили.

– Его убила жена? – спросила Эшер.

– Баба, – уточнил Вязальщик с презрением.

Кэррин и Эшер одновременно посмотрели на него.

– Я на сто лет старше любой из вас, девочки. – Он сложил руки на груди. – И не говорите, что я не прав.

– Я Харви не убивал, в этом я совершенно уверен, – сказал я. – И это наверняка не Грей, кожей чувствую. В остальном я знаю не больше вашего.

– Ну, что я говорил? – сказал Вязальщик и по-заговорщицки подмигнул мне. – Бабы, это они.

Кэррин бросила на меня пристальный взгляд.

Я прокашлялся и процитировал Киплинга:

– Самка зверя смертоноснее самца.

Кэррин фыркнула и занялась следующим «узи».

– Не понимаю, зачем жене Никодимуса срывать его пла-

ны? – задумалась Эшер.

– Может, она хочет все присвоить себе? – предположил Вязальщик. – Это же куча денег.

– Нет, – сказал я. – На деньги ей наплевать.

– Этого я и боялся. Что-то личное?

– Скажем так, слово «неблагополучная» даже рядом не поставишь в связи с этой семейкой.

– Твою мать! – воскликнул Вязальщик. – Почему все вмешивают свои долбанные личные интересы? Никакой долбаной профессиональной гордости. – Он глянул на меня. – К твоей долбаной компании это тоже относится.

– Говори, да не заговаривайся, – поморщилась Эшер.

– Да иди ты, – ответил он. – Где Дейрдре и Грей?

– Грей играет роль бизнесмена, – сказал я ему. – А где Дейрдре, я без понятия.

Вязальщик ответил чем-то вроде рычания.

– Эй, кто-нибудь следит за козами? Сколько их в загоне? – спросила Эшер.

– Восемь, – хором ответили Кэррин с Вязальщиком.

– Оно съедает одну козу зараз, – подсчитал я приблизительно.

На меня посыпались косые взгляды.

– Здесь что-то есть, – пожал я плечами. – Это очевидно.

Эшер с Вязальщиком принялись оглядывать цех. Эшер обхватила плечи руками, словно ей стало зябко.

– Оно большое, – заметила Кэррин спокойно, – если ест

так много.

– Это точно, – ответил я.

– И тихое.

– Ага.

– И очень быстрое.

– Охренеть. – Вязальщик покачал головой.

– И что это такое? – спросила Эшер.

– Есть всякие варианты, – сказал Вязальщик. – И ни одного хорошего. – Он покосился на меня. – Думаешь, дело в мышечной силе?

– Думаю, там, куда мы идем, нам такая сила бы пригодилась, – ответил я.

Эшер нахмурилась:

– А если оно здесь для того, чтобы кончить нас, когда работа будет сделана?

– Тогда мы этого точно уже не узнаем, – сказала Кэррин.

– Или Никодимус хочет, чтобы мы так думали, – предположил Вязальщик.

«Мы». Мне понравилось, как это прозвучало. Чем больше людей окажется на моей стороне, когда дерьмо полетит на вентилятор, тем лучше.

– Давайте не будем лезть в эту кроличью нору, – предложил я. – У нас и так достаточно проблем и без паранойи.

– Вот именно, – сказал Вязальщик. – Работа по двадцать миллионов на рыло, невидимое чудовище, шныряющее вокруг, и психованная бывшая, которая хочет нам помешать

развести на деньги этого долбаного греческого божка. Разве у нас есть причины для паранойи?

– Глядите, – начал я, – в лучшем случае это значит, что Никодимус просто что-то недоговаривает.

– Это мы и так знали, – сказала Эшер.

Я пожал плечами:

– А в худшем кто-то из нас сливает информацию кому-то из конкурентов.

– Чья бы корова мычала. – Эшер прищурилась.

– Сейчас я играю по правилам, – отмахнулся я. – От начала и до конца. Иначе Мэб получит мою голову. – Вернее, не голову, а ошметки, на которые ее разорвет, но не стоило углубляться в детали. – Я не собираюсь пускать наш поезд под откос.

Эшер выдала скептический взгляд. Вязальщик стоял, задумавшись. Кэррин закончила проверку очередного «узи» и принялась за следующий.

– Эш, детка. – Вязальщик мотнул головой в сторону.

Она согласно кивнула, и они вдвоем направились в конец цеха, тихо переговариваясь.

Кэррин проводила их взглядом, затем спросила меня:

– Как думаешь, о чем они говорят?

– О том же, о чем и мы, – ответил я. – Гадают, когда и кто вышибет почву у них из-под ног и как им это пережить.

– Или думают о том, чтобы вышибить ее самим, – сказала она.

– Или так, – согласился я. – Но... они не будут этого делать, пока не получат свои мешки с драгоценностями.

– С чего ты взял?

– Вязальщик. Он наемник, простой и предсказуемый.

– Или он хочет, что мы так думали.

– Возможно, – сказал я и медленно выдохнул. – Вся штука в том, чтобы выяснить, кто из них не тот, кем кажется.

– Кто из них? – спросила Кэррин, уверенно касаясь руками оружия. – Да все они.

– И то верно, – согласился я. – Но будем искать мотивы. Кто лучше выполнит домашнее задание и поймет, что хочет другой, тот и выиграл.

Уголки ее рта дернулись.

– Тогда у нас проблемы. Потому что твои мотивы... уж точно никогда не были ни для кого тайной, Гарри.

– Это для тебя, – сказал я. – Для кого-то вроде Никодимуса я, должно быть, выгляжу как полнейший псих.

– А знаешь что? – Кэррин хихикнула. – Я думаю, ты, наверное, прав. – Она взвела затвор, поймала вылетевший патрон, положила «узи» на стол и кивнула. – Вот и все. Все сорок.

Я хмыкнул.

– Какой-то из библейских парней собрал армию из сорока воинов или типа того.

– Гедеон. У него было три сотни.

– Я думал, это у спартанцев.

– И у спартанцев тоже, – подтвердила Кэррин. – Если не считать, что у них было около четырех тысяч греков в придачу к тем трем сотням.

– Триста лучше смотрятся в фильме. Но у кого же тогда было сорок парней?

– Столько дней и ночей дождь поливал Ноев ковчег.

– Да ну? У кого-то точно было сорок парней.

– Али-Баба?

– У него не было сорока, это он обвел вокруг пальца сорок.

– Наверное, ты опять вспомнил какой-то мультик, – сказала Кэррин.

– Наверное, – согласился я и уставился на стволы. – Сорок демонов в костюмах. С «узи» в руках.

Она поморщилась:

– Да. Только чтобы вставить патроны во все магазины, мне понадобится часа три, не меньше.

– Что это за цель такая, когда требуется сорок демонов с автоматами?

Кэррин покачала головой:

– Военный объект?

Я хмыкнул.

– Никто не готовит столько оружия, когда нет причины его использовать, – сказала Кэррин. – Если дело дойдет до того, что люди Вязальщика начнут стрелять в людей...

– Мы точно не будем стоять рядом и просто наблюдать, –

заверил я ее.

– Хорошо, – кивнула она и скривила рот в брезгливой гримасе. – Если ты бросишься им на помощь, разве это не расстроит Мэб?

– Ее отмороженное величество может расстроиться, да, но если она начнет говорить, что удивлена, я рассмеюсь ей в лицо.

– Но она может тебя убить из-за этого, – произнесла она тихо.

– Как будто она раньше не пыталась, – ответил я по возможности дерзко и уверенно.

Кэррин отвернулась резче, чем следовало. Дело не дошло до падения слез с ресниц или чего-нибудь вроде этого, но на секунду она будто бы постарела на десять лет. Она кивнула, словно собиралась что-то сказать.

– Кэррин? – спросил я.

Она кивнула головой на оружие:

– Мне нужно зарядить всю эту груду.

– Тебе помочь?

– Конечно.

Мы занялись установкой девятимиллиметровых патронов в сто двадцать обойм. Восемьдесят шесть сотен патронов или около того. Даже с приспособлением для быстрого снаряжения это требовало времени, и мы работали в тишине, иногда нарушаемой шагами охранника или тихими глухими ударами, доносившимися из дальнего конца цеха, – Эшер,

должно быть, практиковалась в заклинании для пробивания стен.

Стоило нам закончить, как с противоположной стороны раздались шаги. Я поднял голову и увидел Никодимуса, марширующего по направлению к нам с парой охранников. Рядом шла Дейрдре в человеческом обличье, ее лицо было мрачным и равнодушным.

– Оружие готово? – бросил Никодимус, не останавливаясь.

– Готово, – ответила Кэррин.

– Замечательно. Прошу всех за стол.

– Зачем? – поинтересовался я.

Левая рука годилась лишь для того, чтобы придерживать обойму, пока я вставлял патроны, и кончики пальцев правой болели от работы.

Никодимус оглянулся через плечо, задержался взглядом на моей руке.

– Грей вернулся. Пора обозначить цель.

Глава 22

Мы вновь собрались за столом для переговоров, и Анна Вальмон скользнула на сиденье рядом со мной.

– Привет! – сказал я. – Как твой хакинг?

Она посмотрела на меня и улыбнулась:

– Я в этой команде считаюсь мастером проникать туда, куда не могут попасть другие. – В ее голосе звучала насмешка. – Хакинг – это другое.

– Понял. – Я прищурился и кивнул. – Тогда как твои успехи в работе?

Вальмон хихикнула.

– Знаешь, мне самой не терпится стать первой, кто справится с какой-нибудь из тварей Фернуччи.

– Думаешь, у тебя получится?

– Думаю, – задумчиво кивнула она.

Неторопливой походкой к столу подошел Грей и занял место. Выглядел он точно таким же, каким был утром.

– Прошу соблюдать порядок, – объявил Никодимус, – чтобы не терять время. Потом сделаем перерыв на обед, если никто не возражает.

– Я не возражаю, – сказала Эшер. Она выглядела гораздо более вспотевшей, чем пару часов назад, но выражение ее лица было самодовольным. – Умираю от голода.

– Как я вас понимаю, – сказал Никодимус. – Дейдрре?

Дейдре, как в прошлый раз, обнесла всех папками, озаглавленными односложно «ЦЕЛЬ».

– Хотелось бы уточнить, – встрял я, – ваш генеральный план включает в себя медицинскую страховку?

– Дрезден... – Никодимус вздохнул.

– Нет, правда, страховка в наши времена много чего значит. В смысле, я понимаю, что правительство хочет как лучше и все такое, но эти чертовы бюрократы, если честно...

Никодимус продолжал смотреть на меня.

– Застраховать жизнь тоже не помешало бы. – Я посмотрел на Эшер и подмигнул. – Может, нам стоит устроить забастовку, пока не получим полис пожизненного страхования на случай смерти?

Эшер ухмыльнулась и сказала:

– Я всегда думала, страховаться – это делать ставку на проигрыш.

– Нет, – ответил Вязальщик. – По моему опыту, вы просто должны вести себя осторожно.

– Дети. – Никодимус опять вздохнул. – Может, все же перейдем к делу?

– Но я еще даже не успел помакать Дейдрины косички в чернильнице, – пошутил я.

Дейдре сердито посмотрела на меня.

– Ладно, ладно, – успокоил я ее и заткнулся.

– У каждого из вас, – начал Никодимус, – есть некие особые качества, которые нам понадобятся для достижения ко-

вечной цели – хранилища номер семь во владениях повелителя Подземного царства.

– В смысле, Аи...

– Пожалуйста, мистер Дрезден, не называйте этого имени хотя бы ближайшие сутки, прошу вас, – осадил меня Никодимус с деланным страданием в голосе. – Если не хотите, конечно, чтобы он встретил нас всех с распростертыми объятиями. Вероятность того, что он отметит кого-нибудь из нас лично, крайне мала, но, думаю, нарываться не стоит.

– Как скажете, – ответил я. Похоже, этот Аид сильно избалован вниманием. Все эти книжки и фильмы про него, курсы мифологии, которые ведут по всему миру. Думаю, он слышит свое имя в разных сочетаниях десятки, если не сотни тысяч раз в день.

А любое упоминание имени могущественного сверхъестественного существа – это что-то вроде того, как послать ему сообщение на пейджер или свистнуть ему, чтобы он обратил на тебя внимание. Будь у меня телефон, по которому мне бы звонили по сотне тысяч раз в день, он бы у меня не прожил и часа, я бы просто спустил его в унитаз. Думаю, и эти надутые сверхъестественные личности типа человекоподобных богов Греции поступили бы точно так же. Наверняка я мог бы пару часов подряд трепать его имя всуе, и он даже не заметил бы мои послания среди всех остальных. Чтобы дошел сигнал, надо было долбить и долбить, ритмически, от трех раз и более, чтобы вызвать эффект.

Но с другой стороны... всегда существует шанс, что именно меня Аид и услышит. И даже решит ответить. Тогда бы совсем беда. Поэтому я заткнулся.

— Как только мы доберемся до входа в его хранилище... — хотел продолжить Никодимус, как я поднял руку:

— Можно вопрос?

Левый глаз Никодимуса начал дергаться.

Я не стал ждать разрешения:

— Планируете взять и так запросто туда завалиться? Черт, даже у Геракла это не получилось сразу. Ему пришлось совершить подвиг и все такое. Там еще, кажется, было что-то про собаку. Думаете, мы просто перепрыгнем через все за-слоны вокруг владений повелителя Подземного царства?

Все наострили уши, включая Грея. Ждали ответа от Никодимуса.

— Да, — ответил Никодимус ледяным тоном.

— Да? Вот так просто? — не понял я.

— Когда мы доберемся до хранилища, — продолжил Никодимус, словно мой вопрос был слишком банален, чтобы тратить на него время, — от цели нас будут отделять трое ворот: врата Огня, врата Льда и врата Крови.

— Забавно. — Я оживился.

— Так вот, Эшер была выбрана за умение обращаться с огнем. Дрезден, вы Зимний Рыцарь, следовательно, займетесь вратами Льда.

— Это само собой, — сказал я. — А врата Крови?

Никодимус вежливо улыбнулся.

Понятно. Старина Ник, пожалуй, пролил больше крови, чем все мы, вместе взятые, за исключением Дейрдре.

– Что именно из себя представляют эти врата?

– Если бы я это знал, не нанимал бы таких зануд, – ответил Никодимус. – Каждый из вас займется своими вратами, остальная команда будет по возможности помогать. Если все пройдет удачно, мы попадем в хранилище. Оно довольно большое. У вас будет несколько минут, чтобы взять то, что вы захотите. После этого я уйду. Любой, кто не уложится по времени, может пенять на себя.

Я поднял руку и снова спросил:

– А за чем охотитесь вы?

– Прошу прощения? – спросил Никодимус.

– Да, вы, – повторил я. – Хранилище номер семь уж больно конкретный адрес. И вам не нужны деньги. Поэтому я хочу спросить: что вам понадобилось именно в этом месте?

– А вот это вас не касается, – сказал Никодимус.

– Нет уж, извините, – не согласился я. – Мы все подставляем под удар задницу, и если что-то пойдет не так, разгневанный бог окажется у нас на хвосте. Я хочу знать, что там такого ценного – ценнее, чем двадцать миллионов. Потом, опять же, запросто все может пойти не так. Вдруг вы по пути откинете копыта, и я захочу прибрать эту штуковину себе.

Вязальщик что-то согласно пробормотал, Кэррин и Вальмон закивали. Даже Эшер выглядела заинтересованной.

Грей задумчиво поджал губы.

— К тому моменту, как я откину копыта, всем вам придет конец, — ответил Никодимус спокойно.

— Ну, сделайте милость, — не унимался я. — А то это дело уже начинает пованивать гнильцой. Умные люди давно ушли бы после того, что было сегодня.

За столом поднялась новая волна шепота, а Вальмон спросила:

— И что было сегодня?

Я рассказал ей о Тессе, ее вурдалаках, Дейрдре и Харви. Губы Вальмон сложились в ниточку. Она лучше многих знала, что остается от смертного после встречи с динарианцем, а два из трех подозреваемых были рыцарями монеты.

— Это не касается нашей задачи, — ответил Никодимус.

— Черта с два не касается, — сказал я. — Как другие, не знаю, но последнее, что меня интересует, — это ваша полоумная бывшая, из мести лезущая в наши дела.

— Не в этом дело, — возразил Никодимус.

— Тогда в чем же? — спросил я. — Я всю жизнь имею дело с Белым Советом и привык, что ко мне относятся как к шампиньону...

— Это как? — удивилась Эшер.

— Держат в темноте и кормят дерьмом, — объяснил Вязальщик.

— А-а.

— ...Но это переходит все границы, даже по моим меркам.

Вы просите нас поверить в план проникновения в это неприступное место. Поверить, что наша доля будет ждать рядом с чем-то, что нужно вам. Поверить в то, что Тесса не объявила нам всем джихад, но не объясняете, ради чего. — Я обошел взглядом стол с моим поделщиками. — Доверие — это улица с двусторонним движением, Никодимус. Пора открыть карты.

— Или что?

— Или мы плюнем на ваши пустые обещания, не подтвержденные ни одним доказательством, — сказал я.

— Дрезден, ваша спутница с вами заодно, это само собой. — Никодимус сощурился.

Кэррин нахмурилась.

Никодимус не обратил на нее внимания:

— А как остальные?

— Он говорит дело, — тихо ответила Вальмон.

Эшер сложила руки и нахмурилась.

— Двадцать. Миллионов. Бабок. Подумай, девочка. — Вязальщик вздохнул.

— Мы не сможем их потратить, если подставим голову под топор, — ответила Эшер твердо.

Никодимус кивнул:

— Грей?

Грей пробежал кончиками пальцев по губам и сказал:

— Меня беспокоит личностный аспект этого предприятия. Работа такого рода требует большого профессионализма. Сплоченной команды.

Вязальщик согласно хмыкнул.

– Я никогда не бросаю работу, если дал на нее согласие. Вы знаете мои правила, Никодимус, – продолжил Грей. – Но я пойму, если так поступит другой профессионал, у которого нет таких жестких правил, как у меня.

Никодимус с секунду задумчиво разглядывал Грея:

– И что вы скажете, как профессионал?

– Чародей говорит дело, – ответил Грей. – Он, конечно, упрямый как осел, но ума у него не занимать. На вашем месте я бы инвестировал некоторую долю доверия, чтобы уравновесить ваши требования.

Какое-то время Никодимус размышлял над его словами, затем кивнул:

– Согласен, нельзя просто взять и нанять эксперта, а потом проигнорировать его мнение, – произнес он наконец и повернулся к остальным. – В хранилище номер семь, кроме золота и других драгоценностей, есть несколько предметов, представляющих объекты особого религиозного поклонения. Я собираюсь взять там чашу.

– Что? – удивился Вязальщик.

– Чашу, – повторил Никодимус.

– И все это из-за какой-то чашки? – не поверил Вязальщик.

Никодимус кивнул:

– Простая керамическая чаша, похожа на чайную чашку, но только без ручки. Довольно старая.

Я разинул рот, у меня перехватило дыхание.

Грей присвистнул.

– Пойдите, – сказала Эшер. – Вы о том, о чем я сейчас подумала?

– Иисус, Мария и Иосиф, – тихо произнесла Кэррин.

– Я прошу вас, мисс Мёрфи. – Никодимус повернул лицо в ее сторону.

Она одарила Никодимуса коротенькой недоброй улыбкой.

Вязальщик тоже через секунду сообразил:

– Чертов святой Грааль? Вы издеваетесь?

Вальмон повернулась ко мне, нахмурившись:

– Он что, существует?

– Существует, – ответил я, – но был утерян больше тысячи лет назад.

– Не утерян, – невозмутимо поправил меня Никодимус, – а помещен в коллекцию.

– Чаша, в которую была собрана кровь Христа, – задумчиво проговорил Грей и посмотрел на Никодимуса. – И зачем вам такая редкость?

– Из сентиментальных соображений, – ответил Никодимус и поправил узенький шнурок галстука. – Я коллекционирую иногда подобные артефакты.

На самом деле это был вовсе не галстук. А просто затянутый в петлю кусок старой веревки... той самой, на которой повесился Иуда, предав Христа, если я, конечно, ничего не путаю. Она делала Никодимуса практически неуязви-

мым. Не уверен, что еще кому-то в мире было известно то, что знал я: ведь веревка не защищала Никодимуса от самой себя. Я почти задушил его ею при нашей последней встрече – отсюда и его погрубевший голос.

Было непохоже, что Грей поверил ему, но он принял его ответ.

Никодимус оглядел помещение цеха и произнес:

– Ну вот. Теперь вы знаете больше, чем раньше. Этого хватит?

– А Тесса? Почему она не хочет, чтобы ты гонялся за Граалем? – спросил я.

– Она хочет прибрать его себе, – ответил Никодимус. – Но с Тессой я как-нибудь разберусь, прежде чем мы начнем. Тут нечего обсуждать. Я даю вам свою личную гарантию.

Грей развел руками.

– Я вполне удовлетворен, – сказал он. – Вязальщик?

Маленький коренастый человек задумчиво прищурился и медленно кивнул.

– Эш?

– Ну ладно, – ответила Эшер. – Без проблем. Для меня этого хватает.

– Но... – начал я.

Эшер закатила глаза.

– О, не будь таким мелким, занудным... – она повернулась к Вязальщику, – нытиком?

– Нытиком, – согласился он.

– Не будь им, Дрезден, – повторила Эшер. – Я голодна.

Чем больше я вынуждал Никодимуса уступить, тем сильнее падал его авторитет. Но чем больше остальные будут его защищать, тем больше влияния ему удастся сохранить. Пора попробовать другой ход.

– И ты тут такая не одна, – обратился я к Эшер и указал на козий загон. – Прежде чем отправиться куда-нибудь, я хочу знать, кто поедает коз.

– Ах, это... – сказал Никодимус.

– Да, это.

– Вам важно знать?

Я сердито посмотрел на него.

– Типа того, – сказал я. Затем, подумав немного, продолжил: – Какую бы большую вонючую уродину вы здесь ни держали, думаю, нашей компании она не подходит. Учитывая нашу задачу, не вижу смысла брать с собой безмозглую гору мяса.

Я почувствовал *его* сразу. Волосы на моей голове начали вставать дыбом. Меня почти целиком охватило ощущение страха, инстинктивная реакция на послание от моего заднего мозга, наследия первобытных времен: «Крупный хищник пялится на тебя».

– Ну наконец-то ты обратил на меня внимание, – пробормотал я себе под нос. Затем повысил голос и повернулся к Никодимусу. – Дело в том, что Грей прав. Настало время раскрыть детали. Так кто же последний участник команды?

– Я не хотел никого пугать, – сказал Никодимус. – У меня просто иной взгляд на вещи, нежели у вас, молодежи. Но я могу понять вашу тревогу.

Чушь. Он прекрасно знал, что делает, подсовывая этих коз нам на глаза, чтобы вселить в нас страх. Он с самого начала хотел показать, что у него в запасе есть нечто мощное, нечто страшное и опасное.

– По-моему, настало время для знакомства, если не возражаете, – сказал Никодимус, обращаясь сразу ко всем.

Сперва я почуял запах, и мой загрибок попытался соскользнуть вниз и спрятаться в каком-нибудь укромном месте под воротником. Насыщенный, резкий, животный – запах крупного зверя, который находился рядом со мной. Козы вдруг впали в панику и заметались в загоне, испуганно блея.

– Что за черт! – выдохнула Вальмон, тревожно озираясь по сторонам.

Я не стал выгибать шею, чтобы оглянуться, а лишь напряг свое чародейское чутье, выискивая в воздухе неуловимые вибрации магической энергии. Мне никогда не удавалось поставить завесу, которая маскировала бы запах. Но то, что я не мог этого сделать, еще не значит, что подобное невозможно. У иллюзорной магии, или, если угодно, магии иллюзий, есть один большой недостаток – это все-таки магия. Обладая острым чутьем и зная наверняка, что где-то стоит завеса, вполне можно обнаружить источник магической энергии. Нужно только хорошенько поискать.

Тщательно сконцентрировавшись, я отыскивал его буквально через мгновение – в десяти футах позади меня.

Как бы невзначай повернувшись в кресле, я скрестил руки на груди, уперся взглядом в пустое место, от которого шла энергия, и принялся ждать, пытаюсь сделать скупающее лицо.

Всем на глаза предстала медленно появляющаяся из воздуха неподвижная фигура. В общих чертах она напоминала человеческую – но только в общих. Покрытая тугими слоями мышц, слишком плотных и непропорционально больших, чтобы быть человеческими. Мускулов было так много, что их очертания проступали даже сквозь толстый слой серой включенной шерсти, покрывавшей тело. Росту в этом существе было более девяти футов. Массивные плечи косо шли к шее толщиной в пару-тройку древесных стволов. Голова была странной формы: череп слишком сильно скошен для человеческого, с широким лбом и надбровными дугами, выступающими вперед единым горным хребтом. Глаза скрывались в тени густых сросшихся бровей, посверкивая, как нож убийцы, затаившегося в глубине пещеры. Черты его были грубыми и животными, руки и ноги – непомерно большими... И я прежде уже встречал подобную тварь.

– Звезды и камни! – выдохнул я.

Массивная бровь поднялась и опустилась. На секунду мне показалось, что где-то снаружи грохочет гром, а потом до меня дошло, что это у него из груди вырывается низкий рык.

Оно рычало.

На меня.

Я сглотнул.

– Это геносква⁴, – представил его Никодимус в образовавшейся тишине. – Он всех вас уже знает, поскольку прибыл первым.

– Да уж, прямо гора, – слабым голосом произнес Вязальщик. – В чем же его задача?

– Я поделился с Дейрдре своим беспокойством насчет доступа к интересующему нас объекту, – объяснил Никодимус. – В прошлом там были довольно сильные стражи, приглядывающие за входом и выходом из этого места. Геносква согласился присоединиться к нам, чтобы уравновесить силы, если кто-нибудь из охраны встанет у нас на пути.

– Огр? – спросила Эшер.

– Нет, – ответил я ей. – Он из Лесного народа.

Рык из груди геносквы стал громче. Звук шел такой низкий и неразборчивый, что трудно было разобрать, что он хочет.

– А в чем разница? – поинтересовалась Эшер.

– Я однажды видел, как человек из Лесных сражался сразу с двадцатью вурдалаками в схватке по договоренности, – рассказал я. – Так вот, если бы он сражался по-настоящему, ни один из них бы не выжил.

---

⁴ *Геносква* – «каменный гигант», разновидность бигфута, снежного человека в фольклоре североамериканских индейцев.

Геносква резко выдохнул носом воздух. Звук был невыносимо мерзкий, полный ярости, жгучей, лютой.

Я вытянул перед собой руки ладонями вперед. Мне редко встречалась такая сила, и физическая, и не только, подобную силу я видел когда-то тоже у одного из Лесных людей, человека, которого звали Речные Плечи, что пару раз встретился на моем пути. Поэтому мне очень хотелось наладить с ним отношения.

– Прости за то, что я тут наговорил. Мне казалось, Никодимус прячет здесь кого-то из троллей. Не думал, что это будет кто-нибудь из Лесного народа. Я как-то пересекался по работе с Речными Плечами. Может, ты слышал...

Я даже не понял, что произошло. Предполагаю, геносква кинулся на меня и атаковал. С секунду я пытался наладить с ним какое-то взаимопонимание, а уже в следующую секунду кувырком летел через весь цех в дюжине футов от пола. Передо мной промелькнул стол для переговоров, окна, потолок... и удивленное лицо Джордана, смотревшего на меня с галереи. Затем я впечатался в кирпичную стену, и череп отозвался вспышкой белого света. Я даже не заметил, как упал на пол... или просто этого не помню.

Зато помню, как поднялся, готовый к схватке. Геносква прошел над столом – просто перешагнул его – и сократил дистанцию в три огромных, бесшумных, как у кошки, прыжка, двигаясь с легкостью танцора, несмотря на то что весил фунтов восемьсот, не меньше.

Я метнул в него заряд Зимы, но он лишь презрительно отмахнулся и, брызжа слюной, прорычал заклинание. Лед, который должен был покрыть его... стек на пол у ног геносквы. Пол цеха погасил мою магию с таким же эффектом, как громоотвод принимает на себя молнию.

Пока я с полсекунды осознавал, что мой удар для него примерно то же, что и удар подушкой, он вновь повторил атаку.

Я перевернулся в воздухе. И снова врезался в стену. Я еще не достиг пола, а он уже был возле меня, и его гигантские лапищи всадили мне ржавый гвоздь в левую половину груди.

Только гвоздь вошел в мою кожу, как связь с мантией Зимнего Рыцаря оборвалась, и перед всеми снова предстал старый добрый Гарри Дрезден, каким был раньше.

Это подразумевало боль.

Много боли.

Мантия заглушала боль и в сломанной руке, и в других местах тела, но стоило мне потерять с ней связь, как на мозг сразу обрушилась лавина мучительных ощущений. Я закричал, забился, перехватывая руками кисть геносквы и пытаюсь отпихнуть от себя его руку с гвоздем. Это было примерно то же, что опрокинуть жилое здание. Он даже не шелохнулся.

Геносква нависал надо мной, огромный, серый, вонючий, пихая свою противную рожу мне прямо в лицо и тяжело дыша. Пахло от него кровью и гнилым мясом. Когда он загово-

рил, его бас прозвучал на удивление ровно.

– Считай это дружеским предупреждением, – сказал он, с резким, каким-то неприятным оттенком в голосе. – Я не один из этих плаксивых Лесных человечков. Еще раз заговоришь при мне об этом травоядном любителе сношаться с сурками, Речных Плечах, и я сожру твои потроха прямо у тебя на глазах.

– Уф, – был мой ответ. Пространство вокруг вращалось, словно в каком-то паршиво снятом кино про отходняк после пьянки. – Кхм.

Гвоздь, похоже, отнял часть силы и у сережки Мэб. Кто-то вбил мне по свае в каждый висок, и почему-то я потерял способность дышать.

Геносква резко отступил от меня, будто я был чем-то недостойным его внимания. Он повернулся к остальным, а я отчаянно вцепился в торчащий из груди гвоздь.

– Вы, – обратился он к сидящим за столом. – Делайте, что говорит Никодимус. Или я вам головы поотрываю.

Он сложил свои огромные лапищи, и я заметил, какие у него до отвращения грязные ногти.

– Я здесь уже два дня, а никто из вас даже не заметил меня. А вчера ходил за вами по городу. И там меня никто не увидел. Не станете делать свою работу – и, где бы вы ни были, вам от меня не спрятаться.

Компания за столом тупо уставилась на него, потрясенная и притихшая, и я понял, что мои попытки подорвать автори-

тет Никодимуса пошли прахом.

Геноскве, видимо, понравилось произведенное впечатление. Он подошел к загону, выдернул оттуда козу, спокойно, невозмутимо, словно это была закуска в баре, а не бедное животное, отчаянно пытающееся избежать своей горькой участи. Одной рукой сломал козе шею и вдруг исчез, даже быстрее, чем появился.

Через секунду Кэррин уже была возле меня, схватила гвоздь своими маленькими, но сильными руками... но, о боже, как это было безумно больно! Я начал терять сознание.

– Не пора ли нам подкрепиться, – сквозь туман услышал я голос Никодимуса.

Ухожу, ухожу.

Меня нет.

Глава 23

Давненько я не бывал в этом месте.

Это было ровное пустое пространство пола, огромного и открытого. Звуки не отдавались эхом, словно здесь вовсе не было стен, чтобы от них отражаться. Я стоял в круге света, хотя и не мог разглядеть над собой ни одной лампы.

Хотя вот так, в одиночку, я был тут впервые.

– Эй! – крикнул я в пустоту. Непохоже, чтобы мое подсознание могло взять и вырубиться. – Если хочешь мне что-то сказать, тебе лучше поторопиться! Мне некогда, я спешу.

– Да, конечно, – ответил голос из пустоты. – Уже иду, погоди немного, поспешишь – людей насмешишь.

Шорох, шаги, затем появился... я.

Хорошо, это был я, правда не совсем я. Это был мой двойник, мысленное изображение меня, которое уже приходило ко мне пару раз в прошлом, но об этом я бы не стал рассказывать психиатрам, которые обязаны составлять о пациенте обязательные отчеты. Называйте его моим подсознанием, моим вторым «я», голосом моего внутреннего придурка, да как угодно. Это было частью меня, и вылезала она наружу не слишком часто.

Он был весь в черном. Сшитая на заказ рубашка, черные, как и рубашка, брюки, черные дорогие туфли. Имелась даже борода-эспаньолка, тоже черная.

Послушайте, я ни разу не говорил, что мое альтер эго так прихотливо.

В дополнение к его наряду на левой половине груди была приколата брошь – снежинка из серебра, отлитая так искусно, что можно было разглядеть ее кристаллическую структуру. Впечатляюще. Я не знал точно, что это значило, но, учитывая, как прошел сегодня мой день, ничего хорошего это не обещало.

С ним был кто-то еще.

Кто-то невысокого роста, укутанный во что-то наподобие одеяла из мягкой шерсти. Спутник двигался медленно, сгорбившись, словно испытывал ужасную боль, он с трудом опирался на руку моего двойника.

– Э-э-э, – протянул я. – Что?

Мой двойник усмехнулся:

– Почему ты никогда не в курсе, что творится у тебя в голове? Или ты этого не замечаешь? Это не мешает тебе?

– Я стараюсь не заикливаться на этом, – ответил я.

– Вот как, адские погремушки? – Он усмехнулся. – Тогда нам надо поговорить.

– Почему ты не хочешь общаться со мной во сне, входя через подсознание, как все остальные?

– Я пытался, – сказал он голосом, который был подозрительно похож на мультяшного лося Бульвинкля. – Но кое-кто был очень уж занят.

– Постой-ка. – Я вздернул брови. – Тот сон с Мёрфи...

Это был ты?

– Все эти сны посылал тебе я, тупица, – ответил двойник. – Клянусь, братан, ты самое пришибленное существо на этой планете.

– Не понял. А ты не заметил, что меня не очень-то легко пришибить?

– Не в этом смысле. А в плане секса. Скажи, что с тобой не так?

Я обиженно моргнул:

– И что же со мной не так?

– У тебя все было отлично со Сьюзен, – продолжил он. – А Анастасия... Вот это я понимаю! Тут есть что сказать по части опыта.

Я почувствовал, как заливаюсь краской, и напомнил себе, что говорю сам с собой.

– Ну и?

– А как насчет всех тех шансов, что ты упустил, болван? – спросил он. – У тебя в голове была тень чертова ангела, который мог воплотить любую твою сексуальную фантазию. Ты этим воспользовался? Нет. Мэб бомбардирует тебя девчонками. Один телефонный звонок – и полдесятка нереально горячих девочек сидят поучаствуют с тобой в родео в любое удобное для тебя время. А чем занимаешься ты? Прыгаешь через клетки с заключенными-демонами. Черт, даже Ханна Эшер занялась бы с тобой любовью, если бы ты захотел.

– Это паркур, – возразил я. – И то, что я не лезу в постель

ко всему, у чего есть вагина, вовсе не означает, что я подавлен. Я не хочу, чтобы это был просто секс.

– Но почему? – сердито спросил мой двойник. – Действуй, размножайся! Испей чашу жизни до дна! Лови девиц! Во имя Господа, трахайся!

Я вздохнул. Точно. Моему внутреннему «иду»⁵ не надо было задумываться о последствиях. «Ид» был примитивным, ведомым животными инстинктами. Я задумался: «ид» и «идиот» не от одного ли корня?

– Тебе не понять, – сказал я. – Физического влечения недостаточно. Нужны уважение и привязанность.

– Ну конечно, – язвительно ответил он. – Тогда почему ты до сих пор не трахнул Мёрфи?

– Да потому, – смущенно сказал я, – что мы не... У нас не... Было много... Слушай, отвали.

– Ха! – воскликнул мой двойник. – Ты определенно боишься близости кое с кем. Боишься, что тебя отвергнут и унижат. Снова.

– Вовсе нет, – возразил я.

– Я тебя умоляю, – сказал он. – У меня прямая связь с твоим задним мозгом. Все твои страхи записаны у меня на диске. – Он закатил глаза. – Например, что *она* испытывает другие чувства.

– Мёрфи ничего не боится, – ответил я.

---

⁵ Ид – «оно», человеческое подсознание по Фрейду; часть «я» человека, отвечающая за инстинкты.

– Ага, у нее за спиной два бывших мужа, причем последний женился на ее младшей сестре. Он вполне мог послать ей открытку со словами: «Ты мне нравишься, но ты слишком крутая. И старая». А ты – гребаный чародей, который проживет века. Она точно вне себя от идеи закрутить с тобой.

Я нахмурился:

– Я... Ты правда так думаешь?

– Нет, дурачина. Это *ты* так думаешь.

Я фыркнул.

– Ну ладно, умник, и как же мне поступить?

– Если тебе так приспичило получить что-то настоящее, соберись и *возьми* ее, – предложил мой ид. – Завтра вы оба можете погибнуть. Проклятье, вы отправляетесь в царство гребаной смерти! Какого черта ты ждешь?

– Э, – сказал я.

– Давай я сам отвечу, – предложил он. – Молли.

Я моргнул.

– Нет, Молли всего лишь ребенок.

– Она была всего лишь ребенком, – сказал мой двойник. – Ей уже за двадцать, если ты вдруг забыл. Она не настолько уж и моложе тебя, и в пропорции эта дистанция сокращается. И она тебе нравится, ты ей доверяешь, и у вас двоих до хрена общего. Тогда трахни ее.

– Не говори ерунду. Этого никогда не будет.

– Да почему не будет?

– Это всерьез подорвет доверие.

– Потому что она твоя ученица? – спросил он. – Хрена с два. Уже нет. Адские погремушки, если подумать, она теперь почти что твой босс. По меньшей мере она обошла тебя по должности.

– Я не буду это обсуждать, – сказал я.

– Подавление и отрицание, – язвительно произнес мой двойник. – Вам пора к специалисту.

Фигура рядом с ним издала тихий звук.

– Точно, – кивнул мой двойник. – У нас мало времени. Мёрфи сейчас вытащит гвоздь.

– Времени для чего? – спросил я. – И *кто* это?

– Что, серьезно? – отозвался он. – Даже не попытаешься воспользоваться интуицией?

Нахмурившись, я посмотрел на него и на фигуру. Мои глаза расширились.

– Погоди... Это... это *паразит*?

Фигура в покрывале содрогнулась и издала стон.

– Нет, – сказал мой двойник. – Это то, что Мэб и Альфред *называют* паразитом.

Я моргнул несколько раз.

– Что?

– Слушай, мужик, – сказал второй я. – Ты должен решить эту проблему. Подумай, ладно? Я не могу вот так просто поговорить с тобой. Этот полусон – лучшее, что нам можно придумать, но ты должен пойти мне навстречу.

Я нахмурился.

– Постой. Ты говоришь, что паразит – на самом деле не паразит. Но это значит...

– Колесо сдвинулось, – сказал мой двойник тоном спортивного комментатора. – Жирный, ленивый старый хомяк, кажется, совершенно забыл, как это делать, но он вроде как двигается. Падают клочья ржавчины. Паутина медленно рвется.

– Да пошел ты, – раздраженно ответил я. – Ты не показывался с тех самых пор, как...

Я умолк и молчал довольно долго.

– А, – сказал он, тыкая в меня пальцем и подпрыгивая на мысках своих ботинок. – Ах-хах! Ах-ха-ха-ха-ха-хах, наконец-то забрезжил свет!

– С тех пор, как я коснулся монеты Ласкиэли, – тихо выдохнул я.

– Двигайся дальше, – призвал меня двойник. – Что случилось потом?

– Прикосновение к монете поместило мне в голову копию Ласкиэли, – сказал я. – Как отпечаток в глине, такой же формы, что и оригинал. Она пыталась убедить меня пустить в голову настоящую Ласкиэль, но я ее отшил.

Мой двойник покрутил запястьем, мол, продолжай движение.

– И тогда?

– И тогда отпечаток начал изменяться, – сказал я. – Ласкиэль неизменна, но ее отпечаток был сделан из меня. Гли-

няная форма. Если изменилась глина, изменится и отпечаток.

– И?

– И я дал ей имя, – сказал я. – Я назвал ее Лаш. Она стала независимой личностью со своими собственными правами. И мы как-то не очень ладили до тех пор... – Я сглотнул. – До той психической атаки. Серьезной. Она встала на ее пути. Это ее уничтожило.

– Да, – тихо согласился двойник. – Но... послушай, то, что она сделала, было актом любви. И ты был довольно близок с ней, когда это случилось, разделяя одно мысленное пространство. Забавно – ведь ты нервничаешь, когда начинаешь думать о том, чтобы жить с женщиной, но присутствие одной из них у тебя в голове проблемой не было.

– Что ты имеешь в виду?

– Господи, ты же здесь самый умный. Думай! – Он уставился на меня долгим взглядом, пытаясь подтолкнуть мысли.

Мой желудок провалился в какую-то бездонную пропасть, челюсть отвисла.

– Нет, – сказал я. – Это... это невозможно.

– Когда мамочка и папочка очень сильно любят друг друга, – произнес мой двойник, словно обращаясь к маленькому ребенку, – когда они живут вместе, обнимаются, целуются и становятся близки...

– Я... – Мне стало нехорошо. – Ты хочешь сказать... Я

забеременел?

Мой двойник вскинул руки:

– Наконец он понял!

За долгие, долгие, долгие годы работы чародеем я сталкивался со всевозможными концепциями, доктринами и разновидностями мышления, от странных до совершенно безумных. Ни одна из них не подготовила меня к подобному. Ниоим образом. Никак.

– Как это... Это даже не... Какого черта?! – воскликнул я.

– Духовная сущность, – спокойно ответил мой двойник. – Зачатая тобой и Лаш. Пожертвовав собой ради тебя, она совершила акт бескорыстной любви – а любовь по сути есть создающая сила. Неспроста акт любви является актом созидания. Ты ведь помнишь? Что было после ее смерти? Ты все равно мог играть музыку, которую она тебе подарила, хотя сама Лаш погибла. Ты мог слышать эхо ее голоса.

– Да, – потрясенно ответил я.

– Причина в том, что часть ее осталась, – сказал мой двойник. – Часть ее... и часть тебя.

И он мягко откинул черное одеяло.

Она выглядела ребенком лет двенадцати, на самой границе детства, перед тем как гормональный взрыв вызовет череду быстрых изменений, ведущих к юности. Ее волосы были черными, как у меня, а глаза – ясными, сине-зелеными, как любила Лаш. Ее черты казались смутно знакомыми, и я в приливе внезапного озарения понял, что ее лицо создано

из лиц дорогих мне людей. Квадратный, соразмерный подбородок Кэррин Мёрфи, округлые щеки Ивы Архива, овал лица Сьюзен Родригес. Нос принадлежал моей первой любви, Элейн Мэллори, волосы – моей первой ученице, Ким Дилэйни. Я знал, потому что это были *мои* воспоминания, прямо передо мной.

Ее веки неуверенно трепетали, и она дрожала так сильно, что чуть не падала. На ее ресницах был иней; у меня на глазах он покрыл ее щеки.

– Она духовная сущность, – выдохнул я. – О господи. Она *дух разума*.

– Вот что бывает, когда смертные путаются с духами, – сообщил мой двойник без особого пыла.

– Но Мэб сказала, что она паразит.

– Многие люди называют так в шутку плод, – ответил он.

– Мэб назвала ее монстром. Сказала, что она причинит вред самым близким мне людям.

– Она дух разума, совсем как Боб, – ответил мой двойник. – Порождение духа гребаного Падшего ангела и сознания одного из самых могущественных чародеев Белого Совета. Она родится, обладая знанием и силой, но не будет знать, что с ними делать. Многие назвали бы ее монстром.

– Проклятье! – Я схватился за голову.

Наконец-то я понял. Мэб не лгала. Не совсем. Черт, да она практически сообщила мне, что паразит сделан из моей сущности. Моей души. Моего... меня. Духи разума растут,

а в моей голове мало места. Этот конкретный дух заполнял ее долгие годы, медленно увеличиваясь, все сильнее давя на меня психически и психологически – отсюда усиливающиеся мигрени.

Пойми я, что происходит, мог бы принять меры раньше, и все могло бы быть намного проще. Теперь... сроки истекли, и, похоже, меня ждали очень, очень трудные роды. Если я не обрету помощь, то окажусь в положении женщины, которая рождает в одиночку и сталкивается с осложнениями. Скорее всего, моя голова не переживет резкого отделения подобной сущности, пытающейся выбраться из слишком тесного пространства, чтобы выжить. Я могу сойти с ума или погибнуть.

Если это произойдет, новорожденный дух разума останется один, потрясенный, в мире, которого не понимает, но о котором очень много знает. Духи вроде Боба любят притворяться рациональными, однако у них есть эмоции, привязанности. Новорожденный дух захочет создать связи. И попытается сделать это с людьми, которые имеют для меня наибольшее значение.

Я содрогнулся, представив, что у маленькой Мэгги неожиданно появится очень, очень опасный воображаемый друг.

– Понял? – спросил я своего двойника. – Теперь ты понял? Вот почему не следует трахаться со всеми подряд!

– Ты у нас мозг, – ответил он. – Думай. – Свет замерцал, мой двойник поднял голову, огляделся. – Блин. Гвоздь сейчас выйдет.

Он был прав. Я почувствовал слабый укол в груди, затихающее эхо агонии в голове. Иней продолжал укрывать маленькую девочку, она вздохнула, и ее колени подогнулись.

Мы с двойником подхватили ребенка.

Я поднял ее. Она ничего не весила. Не выглядела опасной. Просто маленькая девочка.

Ее глаза распахнулись.

– П-прости, – заикаясь, сказала она. – Прости меня. Но мне больно, и я н-не могла говорить с тобой.

Я посмотрел на моего двойника, затем на девочку.

– Все в порядке, – сказал я. – В порядке. Я об этом позабочусь. Все будет хорошо.

Она тихо вздохнула и закрыла глаза. Иней покрывал ее, слой за слоем, – это сережка Мэб укутывала девочку сном и молчанием, успокаивала ее – на время, – превращала в прекрасную белоснежное изваяние.

Я даже не подозревал о ее существовании – и я полностью нес за нее ответственность.

Если я не справлюсь, она убьет меня при родах.

Я осторожно передал ее моему двойнику.

– Ладно. Я понял.

Он взял ее, очень нежно, и кивнул.

– Знаю, она странная. Но она твой ребенок. – Его глаза блеснули. – Защищай свое потомство.

Действительно первобытные инстинкты.

Я уничтожил целый народ, защищая своего физического

ребенка. Часть причины стояла передо мной. Этот инстинкт тоже принадлежал мне.

Я глубоко вдохнул и кивнул ему.

– Я этим займусь.

Он закутал девочку в одеяло, повернулся и пошел прочь, унося ее обратно во мрак. Свет померк вместе с ним, и меня снова поглотила темнота.

– Эй! – позвал мой двойник издалека.

– Что?

– Тот сон, помни его! – крикнул он. – Помни, чем он закончился!

– В каком смысле? – спросил я.

– Ты псих! – ответил двойник.

И исчез, и этот мир вместе с ним.

Глава 24

Открыв глаза, я увидел потолок спальни Кэррин. Я лежал в темноте. Сочившийся под дверь свет в коридоре казался слишком ярким.

– Именно это я и пытаюсь тебе сказать, – говорил Баттерс. – Я *не знаю*. Не существует предписаний АМА⁶ для чертова Зимнего Рыцаря. Возможно, у него шок. Возможно, кровоизлияние в мозг. Возможно, очень, очень сильная сонливость. Проклятье, Кэррин, для этого и нужны больницы и практикующие врачи!

Я услышал вздох Кэррин.

– Ладно, – ответила она устало. – Так что ты *можешь* мне сказать?

– У него перелом руки. Судя по синякам и отеку, сложный. То, что оставило вмятину на алюминиевой шине – интересно, где он ее добыл, в магазине инструментов? – сместило обломки. Я снова выправил их – надеюсь – и наложил шину, но не уверен, что сделал все как надо, без снимков, хотя аппарат все равно бы взорвался, стоило Дрездену войти в комнату. – Он выдохнул. – Дыра в груди – мелочь по его стандартам. Чертов гвоздь не прошел сквозь мышцу. Но он был ржавый, поэтому остается только надеяться, что Дрездену делали прививки от столбняка. Я наложил на рану шов

---

⁶ Американская медицинская ассоциация.

и смысл с гвоздя кровь.

– Спасибо, – отозвалась Кэррин.

– Ага. – Он устало вздохнул. – Не за что. Кэррин... можно сказать тебе одну вещь?

– Что?

– Это его дело с Мэб. Все думают, что он превратился в эдакого супергероя. Но мне так не кажется.

– Я видела, как он двигается, – ответила она. – Видела, насколько он силен.

– Я тоже, – согласился Баттерс. – Послушай... человеческое тело – удивительная машина. Честное слово. У человеческого тела потрясающие способности – намного выше, чем считает большинство людей, потому что тело также снабжено предохранителями.

– Что ты имеешь в виду?

– Блокаторы, – сказал Баттерс. – Любой человек на самом деле раза в три сильнее, чем думает. То есть среднестатистическая домохозяйка в действительности не слабее настоящего тяжелоатлета, если говорить о чистой механике. Добавь адреналин – и сила еще возрастет.

Я слышал озабоченность в голосе Кэррин.

– Ты говоришь о матерях, которые способны поднять машину, упавшую на их ребенка?

– Именно, – подтвердил Баттерс. – Но тело не может постоянно работать в таком режиме, иначе оно уничтожит себя. Для этого и нужны блокаторы: они не дают причинить

себе вред.

– Какое отношение это имеет к Дрездену?

– Я думаю, что, когда он стал Зимним Рыцарем, у него просто выключились все эти блокаторы, – ответил Баттерс. – Ведь он не нарастил мышечную массу. Это единственное объяснение. Тело способно демонстрировать потрясающую силу, однако не чаще одного-двух раз в жизни. Лишившись блокаторов и болевых ощущений, Дрезден делает это постоянно. И сам об этом не догадывается.

Кэррин несколько секунд переваривала услышанное. Затем спросила:

– Вывод?

– Чем больше он полагается на свой «дар»... – (я представил, как Баттерс рисует в воздухе кавычки), – тем больший вред наносит себе. Его тело исцеляется удивительно быстро, но он все-таки человек. У него есть пределы, и, продолжив дальше в том же духе, он рано или поздно их узнает.

– И что тогда?

Баттерс задумчиво хмыкнул.

– Представь... футболиста или боксера, который из кожи вон лезет и срывается, когда ему едва исполнилось тридцать, потому что слишком много взвалил на себя. Вот что ждет Дрездена, если он не остановится.

– Уверена, стоит нам объяснить ему все это, и он тут же устроится на работу библиотекарем, – заметила Кэррин.

Баттерс фыркнул.

– Не исключено, что другие системы его организма тоже затронуты, – сказал он. – Например, выработка тестостерона или других гормонов, которые могут влиять на его восприятие и суждения. Сомневаюсь, что он вообще получил какую-либо силу. Полагаю, ему просто так кажется.

– Это факты или теория?

– Информированная теория. Мы разработали ее вместе с Бобом.

Сукин сын. Минуту я молча размышлял.

Могло ли это быть правдой? Хотя бы в какой-то степени?

Это вполне согласовывалось с другой сделкой, которую я заключил с фэйри: моя крестная мать Леа согласилась обеспечить меня силой, чтобы я мог победить своего бывшего наставника, Джастина Дю Морне. Леа некоторое время мучила меня, предварительно заверив, что таким образом я обрету силу. Так оно и вышло, хотя, как я потом понял, преимущественно дело было в том, что я в это поверил.

Неужели фэйри снова обвели меня вокруг пальца?

Однако... к концу дня я *мог* поднять чертов автомобиль.

«Конечно мог, Гарри. Но какой ценой?»

Неудивительно, что Зимние Рыцари цеплялись за свою работу до конца жизни. Если Баттерс прав, без мантии их ждала кошмарная агония собственных изувеченных тел.

Ведь я превратился в завывающее желе, когда геносква воткнул в меня гвоздь.

– Я боюсь, что он меняется, – тихо сказал Баттерс. – Что

он сам этого не замечает.

– Кто бы говорил, – отозвалась Кэррин. – Бэтмен!

– Это было всего один раз, – возразил Баттерс.

Кэррин промолчала.

– Ну хорошо, – сдался Баттерс. – Несколько раз. Но детей это не спасло.

– Некоторых ты вытащил, Уолдо, – сказала Кэррин. – Поверь мне, это победа. Обычно не удается сделать даже этого. Однако ты упустил мою мысль.

– Какую мысль?

– С тех пор как у тебя появился Боб, ты тоже начал меняться, – ответила Кэррин. – Ты работаешь в тесном контакте со сверхъестественным созданием, от которого меня бросает в дрожь. Ты приобрел способности, которых у тебя раньше не было. Ты знаешь вещи, которых не знал. Твоя личность изменилась.

Повисла пауза.

– Правда?

– Ты стал более серьезным, – сказала Кэррин. – Более... напряженным, что ли.

– Точно. После того, как узнал, что здесь творится на самом деле. Это не оказывает на меня влияния.

– Или оказывает, но ты этого не замечаешь, – возразила Кэррин. – Я могу привести тебе те же доводы, что ты приводишь насчет Дрездена.

Баттерс вздохнул.

– Я понимаю, что ты там делала.

– Вряд ли. Это... выбор, Уолдо. Это вера. Есть набор фактов, которые укладываются в различные истины. Приходится выбирать, что будет управлять твоими решениями по поводу этих фактов.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты можешь выбрать страх, – сказала Кэррин. – Может, ты прав. Может, Дрезден превращается в монстра, не догадываясь об этом, против своей воли. Может, в один прекрасный день он прикончит всех нас. Ты не ошибаешься. Это может случиться. И я тоже боюсь.

– Тогда почему ты споришь со мной?

Кэррин ответила не сразу:

– Потому что... страх – ужасная, коварная штука, Уолдо. Он отравляет и портит все, к чему прикасается. Если позволить страху управлять некоторыми своими решениями, рано или поздно он подчинит их все. Я решила, что не хочу всю жизнь бояться, что мои друзья превратятся в чудовищ.

– Как это? Просто взяла и решила?

– На это ушло очень долгое время, – ответила она. – Но в конечном итоге я предпочла верить в людей, которые мне небезразличны, а не позволять своим страхам накладывать на них отпечаток – хотя бы в моих собственных глазах. Возможно, ты не догадываешься, что происходит с Гарри.

– Что? – спросил Баттерс.

– Это выглядит так, словно кто-то борется за его душу, –

ответила она. – Ему нужно, чтобы друзья верили в него. Лучший способ помочь ему превратиться в монстра – смотреть на него так, будто он уже им стал.

Повисло долгое молчание.

– Я не буду повторять, Уолдо, – сказала Кэррин. – И хочу, чтобы ты послушал.

– Ладно.

– Ты должен решить, по какой стороне дороге идти, – мягко произнесла она. – Оставь свои страхи за спиной – или вцепись в них и беги за ними. Но ты должен выбрать. Если попытаешься шагать посередине, рано или поздно разорвешься.

– Выбери сторону? Они или мы? – горько спросил Баттерс.

– Речь не о сторонах, – ответила Кэррин. – Речь о том, чтобы понять себя. Понять, *почему* ты делаешь такой выбор. Поняв это, поймешь и куда шагать.

Скрипнули половицы. Наверное, она подошла к нему. Я представил, как она кладет ладонь на его руку.

– Ты хороший человек, Уолдо. Ты мне нравишься. Я тебя уважаю. Думаю, ты разберешься.

Тишина.

– Энди ждет меня к ужину, – наконец сказал Баттерс. – Наверное, мне пора.

– Хорошо, – ответила Кэррин. – Еще раз спасибо.

– Я... Да, конечно.

Шаги. Открылась и захлопнулась входная дверь. Ожил и уехал автомобиль.

Сев в постели, я шарил правой рукой, пока не нашупал лампу на ночном столике. Свет резал глаза. Голова казалась странной, – вероятно, результат ударов о стену. Я опять лишился рубашки. Баттерс добавил к моей коллекции медицинских трофеев новые повязки, остро пахнувшие антибиотиком. Рука была снова забинтована и помещена в алюминиевую шину, а та – подвешена на перевязи к моей шее.

Я выбрался из кровати, минуту стоял, пошатываясь, потом зашаркал к двери. Кэррин распахнула ее в тот момент, когда я был почти у цели, и встревоженно оглядела меня.

– Господи, ты превращаешься в монстра, – сказала она. – В мумию. По кусочкам.

– Я в порядке. Так сказать.

Она поджала губы и покачала головой.

– Что ты слышал?

– Все, что было после его обычного заявления, что он не настоящий врач.

Ее рот дернулся.

– Он просто... он просто волнуется.

– Я понял. Думаю, ты хорошо справилась.

Ее глаза блеснули.

– Нисколько не сомневаюсь.

– Бэтмен? – спросил я.

– Он был... – Она скрестила руки на груди. – Тобой, надо

полагать. Когда ты покинул город, а Молли исчезла, на улицах стало небезопасно. Люди Марконе противостоят фоморам, если под угрозой их территория, однако защита стоит денег. Не все могут себе это позволить.

Я поморщился:

– Проклятье! Чертова Мэб. Я мог вернуться несколько месяцев назад.

– Уолдо делает что может. Благодаря черепу это больше, чем доступно многим.

– Боб не предназначен для использования в полевых условиях, – сказал я. – Он ценный ресурс... пока не привлекает к себе внимания. Как только о нем узнают, его обезвредят или выкрадут, и тогда плохие парни получают преимущество. Вот почему я не выносил его из лаборатории.

– На прошлый Хеллоуин фоморы начали похищать детей, – ответила Кэррин. – Шестилетних. Прямо с улиц.

Я снова поморщился и отвел глаза от ее пристального взгляда.

– Мы что-нибудь придумаем, – сказала Кэррин. – Ты голоден?

– Еще как.

– Идем.

Она привела меня на кухню. Достала из духовки две «пиццы-спресс». Не успели они оказаться на столе, как я накинулся на них. Обожаю такую пиццу. Она не слишком хорошая, но я ее обожаю, потому что долгое время мог позволить

себе только ее и успел к ней привыкнуть. Много соуса, щепотка сыра, намек на мясо – зато горячая, толстая, хрустящая корочка, а также вкуснейшие штуки, которые медленно тебя убивают.

– Подарок для тебя, – сказала Кэррин.

– Мм? – промычал я.

Она шлепнула рядом со мной на стол папку и пояснила:

– От параноика Гэри из Паранета.

Проглотив пищу, я оторвался от еды, чтобы спросить:

– Того, кто в прошлом году провернул сделку с катерами?

Правильного психа?

– Того самого.

– Ха, – сказал я, продолжив жевать. Открыл папку и начал просматривать страницы с размытыми картинками.

– Это из Ирана, – объяснила Кэррин. – Гэри говорит, на них работающая атомная электростанция.

На фотографиях действительно было какое-то сооружение, но больше я ничего разобрать не мог.

– Я думал, у них большие древние башни.

– Гэри говорит, они под холмом где-то за этим зданием, – сказала Кэррин. – Обрати внимание на последние снимки.

На последних снимках сооружение изменилось. Столбы черного жирного дыма валили из зданий. На следующей фотографии на земле лежали тела солдат. А на последней на склоне холма, окутанного белым туманом или паром...

Три фигуры стояли лицом друг к другу. Крупный муж-

чина в длинном пальто, в одной руке – изогнутый меч, как старая кавалерийская сабля, в другой что-то вроде обреза. У мужчины была темная кожа, и хотя при последней нашей встрече его голова была выбрита, я его узнал.

– Саня.

Единственный в мире Рыцарь Креста стоял перед двумя размытыми фигурами. Обе двигались, будто нападали на него. Одна по форме и размерам напоминала крупную гориллу. Вторая была покрыта перьями, придававшими человеческим очертаниям странную лохматость.

– Магог и перья лохматые! – пробормотал я. – Адские погремущки! От этих монет не так-то просто избавиться. Когда это снято?

– Если верить параноику Гэри, меньше шести часов назад, – ответила Кэррин. – Динарианцы что-то затевают.

– Точно. Дейрдре говорила, что Тесса должна быть в Иране. Это имеет смысл.

– И какой же?

– Никодимус хочет провернуть здесь дельце, – сказал я. – Он знает, что есть только один Рыцарь. И отправляет Тессу с компанией на другой конец земного шара, чтобы устроить крупную заварушку. Предположим, Гэри прав и у Ирана есть ядерный реактор. И с ним случается что-то ужасное. Бах – вот тебе местный и международный кризис. Разумеется, туда отправляют Рыцаря, чтобы разобрался, и он не может прибыть в Чикаго, по крайней мере вовремя.

Кэррин ничего не ответила, и я вернулся к пище.

– Ты хочешь сказать, что мы сами по себе.

– А плохих парней все прибывает, – отозвался я.

– Имеешь в виду геноскву?

– Ага.

Кэррин вздрогнула.

– Эта тварь... неужели бигфут?

– Разве что некая мутировавшая серийно-убийственная его разновидность, – ответил я. – Обычные люди из Лесного народа совсем другие.

– Поверить не могу.

– Существуют и более странные...

– Не в это, – перебила она. – Поверить не могу, что ты встречал бигфута и ничего мне не сказал. Ведь они знаменитость.

– Они весьма замкнутые, – ответил я. – Несколько лет назад я сделал кое-что для одного. Его звали Речные Плечи. Он мне понравился. И я держал язык за зубами.

Она понимающе кивнула. Встала, вышла из кухни и вернулась со своим гранатометом и большим оружейным футляром. Положила гранатомет и сказала:

– Это завалит любого бигфута.

Я открыл рот, потом закрыл.

– Точно. Пожалуй.

Кэррин кивнула, вовсе – ну, почти – не имея в виду: «Я же говорила».

– Мне нравится быть уверенной, что моей огневой мощи хватит, чтобы справиться с любой ситуацией. – Она положила футляр на стол и подтолкнула ко мне. – Это для тебя.

Я неуклюже, одной рукой открыл футляр. Внутри лежал пузатый пистолет, на который ушла чертова уйма металла. Он даже напомнил мне перекачанного стероидного атлета. Проклятую штуку впору было водрузить на бронированную турель. К пистолету прилагались патроны, каждый размером с мой большой палец.

– Что это за хрень? – спросил я, просияв.

– Пятисотый «смит-вессон», – ответила Кэррин. – Короткое дуло, но пули предназначены для крупной дичи. Если Большая Серая Уродина захочет снова сделать тебе дружеское предупреждение, ответь ему четырехсотграновой пулей.

Присвистнув, я взвесил пистолет на ладони, восхищаясь тем, какой он тяжелый.

– У меня уже сломана одна рука, а ты даешь мне это?

– Помни про отдачу, девчонка, – сказала Кэррин. – Ты справишься. – Она положила ладонь на пальцы моей левой руки, торчавшие из шины. – Мы справимся. Мы закончим дело с Никодимусом и избавим тебя от паразита в голове. Вот увидишь.

– Кстати, – ответил я, – есть проблема.

– Какая?

– Мы не можем убить паразита, – объяснил я. – Нужно

его спасти.

Кэррин непонимающе посмотрела на меня и после короткой паузы спросила:

– Что?

– Мы... э-э-э... Слушай, это не то, что я думал. И моя болезнь совсем не такая, как мы думали.

Она внимательно изучила меня.

– Нет? Тогда чем же ты болен?

Я рассказал ей.

* * *

– Ну хватит, поднимайся.

Она сидела на полу, трясась от хохота. Ее тарелка с куском пиццы приземлилась рядом, когда несколько минут назад Кэррин свалилась со стула.

– Прекрати, – выдохнула она. – Прекрати меня смешить.

Я начинал сердиться. И был смущен. Лицо горело, как от легкого солнечного ожога.

– Проклятье, Кэррин, через двадцать минут нам нужно быть на скотобойне. Хватит уже, это не настолько смешно.

– Выражение... – выдохнула она, беспомощно хихикая, – ...твоего... лица...

Вздыхнув, я выругался себе под нос и стал ждать, когда Кэррин придет в себя.

На это ушло всего несколько минут. Пару раз она вновь

принималась хихикать, но в конце концов оторвалась от пола.

– Ты закончила? – осведомился я, пытаясь говорить оскорбленно.

Она тут же снова разразилась икающим смехом.

В высшей степени непрофессионально.

Глава 25

К тому времени как мы вернулись на скотобойню, солнце уже село, и наступила холодная, промозглая ночь. Дождь висел туманным покрывалом, температура упала, и город начал покрываться тонким слоем льда.

– Ледяной дождь, – заметила Кэррин, паркуя машину. – Великолепно.

– Зато люди будут сидеть по домам.

– В зависимости от того, как пойдут дела, это может уменьшить число невинных свидетелей, – сказала Кэррин. – Не Мэб ли снова мудрит с погодой?

Прищурившись, я выглянул на улицу.

– Нет. – Ответ пришел мгновенно, автоматически. – Это просто зима в Чикаго. Мэб плевать на невинных свидетелей.

– А может, она хочет помочь тебе.

Я фыркнул:

– Мэб помогает тем, кто помогает себе сам.

Кэррин натянуто улыбнулась:

– То, что ты сделал с геносквой. Ты ударил по нему магией.

– Ага.

– Похоже, она не подействовала.

– Не-а, – согласился я. – Я применил свой лучший удар, которому научила меня Мэб. Сила просто утекла в землю.

– В землю, – повторила она. – Как по громоотводу?

– Именно. Лесные люди владеют магией, удивительно сильной магией, однако понимают ее иначе, чем мы. Мой знакомый использовал магию воды. Я никогда не видел ничего подобного. Этот геносква... Думаю, он точно так же использовал магию земли. На уровне, о котором я ни черта не знаю.

– Представь, что я тоже ни черта не знаю о магии земли, и обрисуй ситуацию, – предложила Кэррин.

– Я ударил его самой могущественной известной мне боевой магией, а он легко отмахнулся от меня. Уверен, он сможет сделать это снова.

– Иммунитет к магии? – предположила Кэррин.

Я пожал плечами:

– Либо он чувствует магию и принимает меры. И это значит, что он вовсе не столь умен.

– Хорошенький секрет он выдал, не собираясь тебя убивать.

– На самом деле, он мог переоценить меня и думать, что я уже в курсе. Как бы то ни было, теперь я точно в курсе.

– Верно, – кивнула Кэррин. – И это дает тебе преимущество. В следующий раз не будешь лупить его заклинаниями.

Я вздрогнул, вспомнив, каким стремительным и мощным был геносква, как он не испытывал передо мной никакого страха. И прикоснулся к рукояти моего нового револьвера, заряженного и спрятанного в карман плаща.

– Если повезет, следующего раза не будет.

Кэррин резко повернулась ко мне, и ее лицо стало серьезным.

– Гарри, – сказала она тихо, – эта штука тебя убьет. Я знаю, как это бывает. Не обманывай себя.

Я поморщился и отвернулся.

Убедившись, что ее слова дошли до меня, Кэррин кивнула и вышла из машины. Одна из ее фантастических пушек (она звала ее Крисс) висела в кобуре под пальто и была почти незаметна при движении. Она осмотрелась, затем достала гранатомет и повесила себе на плечо. В мокрой темноте он напоминал тубус, какими пользуются художники, длиной три с половиной фута.

– Ты правда думаешь, что его можно завалить этой штукой? – спросил я.

– Она с ним справится. При необходимости.

Я посмотрел на влажный туман и сказал:

– Я уже устал от этой работы.

– Так давай с ней покончим, – ответила Кэррин.

* * *

На этот раз Джордана на посту не было. Возможно, его сменили, чтобы поспал. Или Никодимус решил, что я разобью его чары и переманю парня, и перевел того на менее опасную должность. Скорее всего, так и было.

Когда мы вошли, большая часть команды уже собралась вокруг стола для совещаний. Был даже геносква, хотя и стоял в темном углу, напоминая гигантскую лохматую тень. Отсутствовали только Никодимус и Дейрдре – последнюю я приметил на галерее, она смотрела сверху на стол, за которым Вязальщик что-то оживленно рассказывал.

Дейрдре выглядела... неправильно. Не поймите меня превратно: девушка, которая откусывает у людей языки, в принципе не может быть правильной, однако динарианская убийца казалась по-настоящему встревоженной, или подавленной, или что-то типа того.

Кэррин перехватила мой взгляд и вздохнула.

– Дрезден, мы не можем позволить себе еще одну девицу.

– Я думал не об этом, – возразил я.

– Ну конечно.

– Вообще-то, я думал, что она выглядит уязвимой. Возможно, пришла пора спросить у нее, как умер Харви?

Кэррин задумчиво поцокала языком.

– Я буду за столом.

– Идет.

Она спустилась по лестнице, а я неторопливо прошел по галерее и остановился рядом с Дейрдре.

Та кинула на меня равнодушный взгляд и вновь уставилась на то, что происходило внизу.

– И тогда я говорю... – Вязальщик прыснул, явно приближаясь к кульминационному моменту. – «Почему же в таком

случае ты их надела?»

Ханна Эшер издала утробный смешок, Анна Вальмон вяло усмехнулась. Даже Грей выдавил из себя улыбку. Улыбка выглядела неестественно на его совершенно равнодушном лице.

Дейдре смотрела на них бесстрастно, словно исследовала каких-нибудь бактерий. На секунду ее глаза метнулись ко мне, тело едва заметно напряглось.

Как большой специалист по допросам, я начал так:

– И почему ты убила Харви?

Она несколько мгновений смотрела на меня, затем вновь уставилась вниз. У стола появилась Кэррин. Повисла секундная тишина – все разглядывали ее оружие. Потом Грей с неожиданной галантностью поднялся и предложил взять у нее гранатомет, словно это было пальто. Кэррин позволила, кровожадно улыбнувшись тени, где прятался геносква.

– Я не убивала финансиста, – тихо сказала Дейдре. – Никодимус не разрешил.

Я удивился. Если она не хотела, чтобы я знал, могла бы и не лгать. Могла бы просто промолчать.

– Он сказал это на людях, – возразил я. – Может, в личной беседе он сказал тебе нечто совсем другое.

– Нет. Моя мать убила его заклинанием. Она называет его «Красный скальпель».

– Порез весьма напоминал те, что оставляешь ты, – возразил я.

– Перерезанное горло – это перерезанное горло, чародей.
С этим не поспоришь.
– И ты ее преследовала.
– Я хотела сказать... в общем, спросить ее.
– Спросила? И что она ответила?
– Это личное, – сообщила Дейрдре.
Я прищурился.

Что-то тут было не так. Дейрдре абсолютно не проявляла эмоций по отношению к собственной матери, на что, по моему личному опыту, мало кто был способен. Проклятье, даже Мэйв страдала жуткими материнскими комплексами. Если Тесса действительно желала обставить Никодимуса и Дейрдре и заполучить святой Грааль, должно было быть хоть что-то. Разочарование, раздражение, страх, гнев, покорность – хоть что-то.

Но не эта холодная отрешенность.

Тессу не интересовал Грааль.

Но какие еще мотивы могли у нее быть?

Дейрдре подняла глаза и спокойно посмотрела на меня.

– Он в курсе, что ты хочешь его предать.

– Значит, мы играем на равных, – ответил я.

– Нет, – возразила она все тем же отстраненным голосом. – Ничего подобного. Я видела, как он расправляется с мужчинами и женщинами опаснее тебя, по несколько десятков зараз. Ты не сможешь опередить, обмануть или победить его. – Она сказала это таким тоном, словно это был факт. –

Мэб тоже знает.

– Тогда зачем она меня послала?

– Она хочет избавиться от тебя, не настроив против себя твоих союзников. Ты ведь не можешь настолько заблуждаться, чтобы не понимать этого.

Внезапно меня пробила дрожь.

Это... действительно имело смысл. Если Мэб все-таки решила не использовать меня, мое присутствие больше не требовалось – однако весьма многие мои друзья могли причинить ей большие неприятности.

Разумеется, Мэб играла иначе. Если она что-то затевала, то заботилась о том, чтобы выиграть вне зависимости от обстоятельств. Возможно, она хотела, чтобы я выполнил ее поручение. Но не сказала, что устроила все так, чтобы мое поражение не причинило ей особого вреда. Если я не справлюсь с ее приказом, она сочтет меня обузой, с которой нужно рассчитаться – желательно не рассердив моих друзей. Если я потерплю поражение, в моей смерти обвинят Никодимуса, а чистенькая Мэб сможет выбрать себе нового Рыцаря.

Я стиснул зубы. Что ж, не стоило ждать ничего другого. Мэб была из тех матерей, что учат своих детишек плавать, швыряя их в озеро. Вся моя карьера формировалась именно таким способом: плыви либо иди ко дну.

– Посмотрим, – сказал я.

Едва заметно улыбнувшись, Дейдре снова повернулась к столу. Грей сидел рядом с Кэррин и тихо, с улыбкой что-то

ей говорил. Кэррин прищурилась, но уголки ее губ подрагивали. У него получилось ее рассмешить. Придурок.

– Ты хочешь спросить меня о чем-то еще? – поинтересовалась Дейрдре.

– Да, – тихо ответил я. – Зачем?

– Зачем что?

Я обвел рукой цех.

– Зачем все это? Зачем вы делаете то, что делаете? Зачем откусываете языки, и убиваете наемников, и тому подобное? Что может заставить человека совершать такие вещи?

Она молчала. Тишина становилась угнетающей.

– Скажи мне, дитя, – наконец произнесла она, – какие самые долгие отношения были в твоей жизни?

– Э-э-э. В смысле, которые раньше всего начались? Или дольше всего продолжались?

– Не важно.

– Наверное, с моим наставником из Белого Совета. Я знаю его с шестнадцати лет.

– Ты видишь его каждый день? Беседуешь с ним, работаешь?

– Нет.

– А, – кивнула она. – Отношения с кем-то, кто тебе близок. С кем-то, кто разделяет твою жизнь.

– Э-э-э, – протянул я. – Несколько подружек. Мой кот. Ее губы искривились.

– Временные подружки и кот. Один кот.

– Это потрясающий кот.

– Твои слова означают, что ты никогда не делил ни с кем свою жизнь на протяжении долгого времени, – сказала Дейрдре. – Самое хорошее, что ты сделал, – это обеспечил домом и вниманием существо, которое принадлежит и полностью подчиняется тебе.

– Только не когда его мою...

Она проигнорировала шутку.

– У тебя были лишь скоротечные отношения, вспыхнули и погасли. Я же вместе с Никодимусом видела, как возвышаются и рушатся империи. Ты зовешь его моим отцом, но не существует слов, чтобы описать наши отношения. Да и откуда им взяться? Слова смертных не могут описать то, чего никогда не постичь и не понять смертным. – Ее губы сложились в ухмылку. – Ты ничего не знаешь про обязательства, дитя-чародей. И я не могу объяснить тебе, почему делаю то, что делаю.

– И что же именно, по твоему мнению, вы с ним делаете? – поинтересовался я.

– Мы сражаемся ради спасения мира, – совершенно искренне ответила она.

По правде сказать, это было самое жуткое, с чем я столкнулся сегодня.

– От чего?

Она слабо улыбнулась и промолчала.

Я не стал настаивать. Мне больше ничего не хотелось от

нее слышать.

Я спустился к столу.

– ...Ужин, – говорил Грей. – Разумеется, при условии, что мы будем живы и до неприличия богаты.

– Я обязательно скажу «нет», – шутливо ответила Кэррин. – У меня от вас мурашки по коже, Грей.

– Гудман, – поправил ее Грей. – Повторяйте за мной. Гудман.

– Я двадцать лет работала копом, Грей, – возразила Кэррин. – И умею распознать фальшивое имя.

Я сел рядом с Кэррин, вытащил из кармана свою новую пушку, положил его на стол в пределах досягаемости и сказал Грею:

– Привет!

Грей посмотрел на меня, затем на пистолет. Потом обратился к Кэррин:

– Он ваш мальчик на побегушках?

– Плоско и банально, Грей, – отозвалась Кэррин. – Честно говоря, я надеюсь, что он в вас выстрелит. Никогда не видела, как пули из этого чудовища попадают в кого-то.

Грей откинулся на спинку кресла и мрачно посмотрел на меня.

– Парень, – сказал он, – ты меня обломал.

В ответ я поднял этот жуткий ствол.

– Вовсе нет. – Я взвел курок большим пальцем. Вместо щелчка раздался зловещий треск. – А вот сейчас я тебя об-

ломаю.

За столом воцарилась тишина. Глаза Анны Вальмон расширились.

– Тушэ. – Грей кивнул. – Ведь мой вопрос леди не причинил никакого вреда?

– Ей – никакого, – дружелюбно согласился я. – Пристрелить его, Мёрфи?

Кэррин задумчиво постучала пальцем по губам.

– Вынуждена признаться, мне ужасно любопытно. Однако это немного непрофессионально, ведь он сдался.

– Слышал? – спросил я Грея.

– Вы, люди, настоящие дикари, – ответил Грей. Покачал головой, пробормотал что-то себе под нос, встал, покинул стол и устроился неподалеку от геносквы. Тот не возражал. Они с Греем обменялись едва заметными кивками и начали тихо беседовать на незнакомом мне языке.

Я осторожно отпустил курок и положил револьвер на стол. Еще мгновение стояла тишина, затем Вязальщик произнес веселым голосом, будто и не прерывался:

– Итак, я оказался в Белизе с тридцатью мартышками, пандой и карликовым слоном...

Он начал рассказывать историю, которую все присутствовавшие сочли придуманной, хотя сам Вязальщик утверждал, что это чистая правда. Тут в цех вошел Никодимус. Он воспользовался аварийным выходом и впустил с собой облачко ледяного тумана и зимнего воздуха. На Никодимусе было

длинное пальто, которое он сбросил по дороге к столу. Его тень скользила по полу рядом с ним, слишком большая, перемещавшаяся немного не в такт хозяину.

– Добрый вечер, – сказал Никодимус, занимая место во главе стола. – Дамы и господа, прошу внимания. Чародей Дрезден, пожалуйста, вкратце ознакомьте нас с природой путей и тем, как их открыть.

Я моргнул. Все уставились на меня.

– Э... Пути – это, по сути, порталы между миром смертных и какой-нибудь областью Небывальщины, мира духов. В любой точке мира смертных можно открыть портал, если знаешь, как это сделать. Путь открывается в место, которое имеет нечто общее с исходной точкой в мире смертных. Ну, например, если вы хотите открыть портал в ад, нужно найти в мире смертных какое-нибудь адское место и начать оттуда. Если хотите отправиться в какое-то мирное место в Небывальщине, нужно начать с мирного места здесь. Как-то так. Чикаго – отличное место для путей, поскольку это перекресток, и немаленький. Отсюда можно попасть почти куда угодно.

– Спасибо, – кивнул Никодимус. – Наша задача – открыть путь в охраняемый объект, где лежит то, что нам нужно. – Он взял у торопливо подошедшего рыцаря большой рулон бумаги. – С учетом всех этих факторов, уверен, вы поймете, почему мы начнем работу именно здесь.

Махнув рукой, он развернул бумагу.

Это был чертеж, план этажа. Нахмурившись, я уставился на него, но он казался незнакомым.

Кэррин поперхнулась.

– Мёрф? – спросил я.

– А-а. – Никодимус улыбнулся. – Вы его узнали.

– Это хранилище, – сказала Кэррин, глядя на меня. – Хранилище, принадлежащее хозяину подпольного мира.

У меня возникло такое чувство, словно я оказался зажат в месте, которое и без того было слишком тесным.

– О! – слабо выдохнул я. – Адские погремушки!

Вязальщик ткнул в меня большим пальцем.

– Что это с ним? – спросил он Кэррин.

Кэррин показала на план.

– Это Капристи-билдинг, – ответила она. – Второе самое охраняемое здание в городе. – Она глубоко вздохнула. – Это банк мафии. А принадлежит он Джону Марконе, барону, некоронованному королю Чикаго.

Глава 26

Чего-то такого я и боялся, но все же надеялся, что Никодимус отыщет лучший способ попасть туда, куда нужно. Например, предложит нам остаться в каком-нибудь здании, спалить его, а в последний момент открыть портал. Старый добрый прием.

А соваться к Марконе было опасно.

Джонни Марконе по прозвищу Джентльмен прогрыз себе путь на мафиозную вершину Чикаго, когда я только начинал вести дела в городе, и с тех пор правил местным криминалом железной рукой, стремясь сделать организованную преступность более эффективной, надежной и деловой. Это работало. Многие копы считали, что у Марконе больше власти, чем у правительства. Однако они преимущественно помалкивали, поскольку купленных копов у Марконе тоже было больше, чем у правительства.

Затем, несколько лет назад, он получил титул барона по так называемому Неписаному договору, который являлся законным документом, основой цивилизованных отношений между сверхъестественными народами. Марконе стал первым белым человеком, добившимся этого – как он утверждал, в тяжелой борьбе, – и с тех пор, будучи бароном Чикаго, защищал город от всех угроз.

Хотя, по правде сказать, в то время меня в городе не было.

Но все равно я не считал разумным переходить Марконе дорогу без должной подготовки, которая позволила бы раз и навсегда объявить ему мат. Он командовал армией головорезов и наемных убийц, среди которых попадались настоящие мастера своего дела. Он содержал небольшой отряд эйнхериев, павших-но-не-мертвых воинов-викингов, и я видел, как они сражаются с очень мерзкими тварями. У него в штате имелась по крайней мере одна валькирия – да и сам Марконе был жестоким, умным и совершенно бесстрашным.

Я думал, что ввязаться в схватку с Марконе – почти то же самое, что вступить в бой с самим Аидом. Однако вслух сказал только: «Ух ты!»

– Проблемы, Дрезден? – поинтересовался Никодимус.

– Марконе – серьезный противник, – ответил я. – А еще он участник Неписаного договора.

– А я – нет, – сказал Никодимус. – Уже нет.

– А я – да, – возразил я. – Причем дважды. Как чародей Белого Совета и как Зимний Рыцарь.

– Само собой, Белый Совет будет потрясен и разочарован, если вы нарушите их принципы, – отозвался Никодимус. – Что же до Мэб... вы, по сути, просто мой инструмент в этой операции. По ее мнению, все ваши обязательства по договору вторичны по сравнению с обязательствами передо мной.

Он был прав по обоим пунктам.

– Моя мысль в том, что Марконе нельзя недооценивать. – Я нахмурился. – Если ударишь по нему, он ударит в ответ.

Сильнее.

— Разумеется, — кивнул Никодимус. — У него превосходная репутация. Всего несколько веков назад из него получился бы отличный монарх.

Добрый барон Джон Марконе? Я содрогнулся.

— Предположим, мы пробьемся в здание, — сказал я. — Отлично. Скорее всего, это выполнимо. Однако выбраться будет намного сложнее — и даже если у нас получится, на этом дело не закончится. Он не забудет и не спустит это с рук.

— Дрезден прав, — кивнула Кэррин. — Марконе не терпит вторжений на свою территорию. Точка.

— Мы сделаем то, что сделаем, — спокойно ответил Никодимус. — О компенсации Марконе будем думать после завершения нашей миссии. Полагаю, я смогу убедить его, что принять предложенное возмещение более прибыльно, нежели пытаться чего-то добиться самому.

Мы с Кэррин переглянулись. Она думала о том же, о чем и я.

* * *

Несколько лет назад Никодимус похитил Марконе в рамках очередной махинации. Мэб послала меня ему на выручку — тогда я задолжал ей пару услуг. Я до сих пор помню Марконе как беспомощного пленника. Эта картинка врезалась мне в память.

Он никогда того случая не забудет. Некоторые вещи нельзя купить, и одна из них – индульгенция от мести Джонни Марконе.

Согласившись на этот план, мы с Кэррин считай что объявим войну королю Чикаго.

– Что думаешь? – спросил я у нее.

Кэррин умеет соображать. Она прекрасно поняла, о чем я говорю.

– Рано или поздно это должно было случиться.

– Пожалуй.

– Я не догоняю, – вмешался Вязальщик. – Если он деловой человек, почему бы не сделать ему деловое предложение и не поделить добычей?

– Разумное замечание, – согласился Никодимус. – Но это невозможно.

– Почему?

– В первую очередь потому, что в его хранилище находятся предметы, касающиеся не только нашей основной цели, – объяснил Никодимус. – Марконе прославился тем, что придерживается нейтралитета в делах современного сверхъестественного мира. Свартальвхейм, Белый двор, Дракула и некоторые другие реалии и персоны того же уровня доверили ему на хранение часть своих богатств, и он дал слово защищать их всеми силами.

– Разговор окончен, – сказал я Вязальщику. – Он не пойдет на сделку. Марконе – отъявленный козел, но слово свое

держит.

Вязальщик откинулся назад, хмурясь.

– А другая причина?

– Дав нам к себе проникнуть, он изменит природу места, – ответил я, опередив Никодимуса. – Мы пытаемся открыть путь в хранилище, которое ревностно охраняется. Вряд ли получится сделать это из хранилища, куда пускают всех желающих.

– Именно, – кивнул Никодимус. – При условии отсутствия охранных систем, для которых потребуются особенные меры, я совершенно уверен, что мы сможем захватить здание. Удержать его до конца миссии и скрыться целыми и невредимыми – другая задача, в которой главную роль сыграете вы, мистер Вязальщик, и ваши помощники.

Крякнув, Вязальщик наклонился вперед, чтобы изучить план.

– Как долго мне нужно его удерживать?

– Не более часа, – ответил Никодимус.

– При условии отсутствия фокусов с ходом времени здесь и там, – вставил я.

Никодимус смерил меня кислым взглядом и сказал:

– Мы должны уложиться в час... так или иначе. – Он указал на схему. – Вот главная дверь хранилища. Это ваша ответственность, мисс Вальмон.

– Погодите-ка, – вмешался Вязальщик, – если я буду играть привратника, как мне заполучить свой рюкзак с драго-

ценностями? Я не могу отправиться в Небывальщину и бросить моих парней. Между нами нарушится связь. Я подписался на эту работу не за жалованье.

– Полагаю, ваша партнерша наполнит для вас лишний рюкзак, – ответил Никодимус. – Я лично буду тащить его и вручу вам по возвращении. Поскольку, если не считать Грея, я имею наибольшую вероятность выжить, эта сделка повысит ваши шансы заполучить деньги.

Прищурившись, Вязальщик оглядел Никодимуса и уселся на место, явно обдумывая предложение.

– Что скажешь, Эш?

Ханна Эшер пожала плечами. Это движение заворозило бы любого полнокровного мужчину-гетеросексуала, не только меня.

– Если ты доверишь мне выбрать твою долю, я это сделаю.

Вязальщик хмыкнул и медленно кивнул.

– Камешки мне нравятся красненькие.

– Я это учту, – пообещала Эшер.

– А что там была за проблема у Вальмон с дверью? – Я лениво поковырял в затылке. – И зачем было втягивать во все это беднягу Харви?

– Бедняга Харви, – ответил Никодимус; лицо его выражало такое же сочувствие, как у летящей пули, – был нашим ключевым посредником в Чикаго. Он обладал эксклюзивным доступом в вышеупомянутое хранилище, которое защищает лучшая дверь, какую только можно купить за день-

ги, плюс система идентификации по отпечатку сетчатки. Отпечаток сетчатки...

– Мы знаем, что такое отпечаток сетчатки, – нетерпеливо перебила Эшер. – Но зачем вам это понадобилось? Почему просто не взорвать хранилище, вместо того чтобы заставлять Грея копировать этого парня?

– Все потому же, – объяснил я. – Мы пытаемся проникнуть в защищенное хранилище, а не во взорванное ко всем чертям. Слишком сильно изменив место в реальном мире, мы разрушим путь в Небывальщину. – Бросив взгляд на Никодимуса, я ткнул пальцем в схему. – У нашей мишени личное хранилище здесь?

– Именно. Защищенное помещение в основном хранилище. Это одно из мест, где он по доверенности приобретает предметы для своей коллекции, – сказал Никодимус.

Следует отдать Нику должное, он тщательно продумал дело, все выстраивалось один к одному, как при работе над заклиниванием.

– Значит, сначала мы должны добраться до основного хранилища.

– Через две защитные двери, о которых позаботится мисс Эшер при помощи заклинания, которое она выучила наизусть, – сказал Никодимус. – Постараемся не активировать сейсмические датчики в хранилище, они приведут к изоляции здания и заставят нас прибегнуть к значительно более разрушительным мерам, чтобы проникнуть внутрь.

Я кивнул.

– Затем Вальмон вскроет дверь основного хранилища, а Грей – дверь другого, личного хранилища при помощи отпечатка сетчатки.

– Так уж и сетчатки? – Я посмотрел на Грея.

Сидевший в тени Грей поднял голову и скромно улыбнулся.

Я вздрогнул.

– Ты меня пугаешь, – сообщил я и вновь повернулся к Никодимусу. – Предвижу проблему.

– Слушаю.

– Марконе не идиот. Он много раз сталкивался со сверхъестественными силами. И знает, что рано или поздно наши с ним пути пересекутся. Он редко совершает ошибки и всегда учится на них. Он предпримет не только физические меры предосторожности, но и сверхъестественные.

– Например? – поинтересовался Никодимус.

– На его месте я бы поставил предохранитель, который вырубал бы все электронные прибабасы и запечатывал хранилище при нарушении энергоснабжения здания – которое вполне может иметь место, когда мы с Эшер начнем кидаться магией. На самом деле, я бы сделал так, чтобы датчик срабатывал от малейших признаков магии.

– Умно, – кивнул Вязальщик. – И нетрудно. Высококочувствительные контуры по всему зданию.

– Вроде тех, что есть в мобильных телефонах, – добавил

я. — Эти штуки разлетаются вдребезги от одного чародейского взгляда.

— Ага, — закивал Вязальщик. — Я могу ими пользоваться, но с трудом. Приходится постоянно выключать с тех пор, как я связался с Эш.

— Предположим, такая... пожарная сигнализация существует, — согласился Никодимус. — Как нам с ней бороться?

— Со мной проблем не возникнет, — сказал Вязальщик. — Она даже не мигнет. А вот для этих двух придется...

Я смерил Вязальщика мрачным взглядом и вновь почесал затылок.

— Прости, друг, — ответил Вязальщик. Похоже, искренне. И продолжил, обращаясь к Никодимусу: — Терновые наручники. Знаете о таких?

— У меня есть несколько в запасе, — ответил Никодимус. — Хотя их изготовили свартальвы, не фэйри. Из стали. Полагаю, они приглушат ваши с мисс Эшер таланты, насколько это возможно. В любом случае это проще, чем поливать вас проточной водой.

При этих словах он едва заметно мне ухмыльнулся. Однажды он приковал меня под струей ледяной воды, чтобы я не мог использовать магию и сбежать или натворить дел. Если бы добрый человек не отдал Никодимусу себя вместо меня, я бы мог погибнуть. Терновые наручники — редкая, но доступная разновидность магических уз, служащих той же цели: приглушить силы чародея так, чтобы он не мог ими

пользоваться.

Они причиняют ужасную боль. На самом деле, если его наручники работали по тому же принципу, но были сделаны из стали, мне они причинят боль просто невероятную, учитывая их природу.

Я ответил на ухмылку Никодимуса ледяной улыбкой.

Вязальщик продолжал говорить, либо не обратив внимания, либо не заметив нашего обмена любезностями:

– Проведем их внутрь и поместим в круг, прежде чем снять наручники. Это сдержит избыток энергии, пока они будут творить свое чародейство. Должно помочь.

– Хм, – задумчиво протянул Никодимус. – Придется изменить план проникновения. Дрезден не сможет отвлекать внимание. В таком случае мы прибегнем к более наглядным, – он покосился на геноскву, – мерам.

В темноте под глазами геносквы слабо сверкнуло что-то желтое.

Адские погремушки, тварь улыбалась.

Кэррин посмотрела на меня. Мы думали об одном и том же. Геносква станет отвлекать внимание, отрывая головы. Неизвестно, сколько людей будет в банке, когда мы начнем операцию, – людей, не догадывающихся о том, кому он принадлежит. Даже охранники могут не знать, что работают на мафию. И по правде сказать, даже гангстеры не заслуживали того, чтобы попасть в лапы твари вроде геносквы, которая выполняла приказ Никодимуса.

Я снова потер шею и сказал:

– Ладно, я справлюсь.

– Прощу прощения? – переспросил Никодимус.

– Наделать шума? Без проблем. Нет смысла без нужды демонстрировать наше секретное оружие. Верно?

Никодимус слабо улыбнулся:

– Как же так, чародей? Без ваших талантов?

– Все равно я не собирался ими пользоваться, – ответил я. – Иначе кто-нибудь может пострадать. Белый Совет косо смотрит на применение магии в подобных целях – а я должен думать о будущем. Хотите громко и наглядно? Ради бога.

– Он слабый, – пророкотал геносква из тени.

– Он умный, – грубо возразил я. – Чем сильнее ты будешь размахивать кулаками по пути туда, тем сильнее тебе врежет Марконе по пути обратно. Черт, да если ты устроишь крупную заваруху, приедут копы. Правда, в Чикаго их всего тринадцать тысяч, и я уверен, что ввосьмером мы с ними справимся. Да?

Геносква тихо прорычал:

– Я их не боюсь.

– Ну разумеется, – согласился я. – Потому-то ты и бегал невидимый, ведь тебе плевать, заметят тебя или нет.

– Джентльмены, – вмешался Никодимус громким голосом, в котором слышалось напряжение. И замолчал, нахмурившись и склонив голову набок, словно пытаясь распознать какой-то далекий звук.

Эшер неожиданно перестала чесывать руку, вскинула глаза и спросила:

– Дрезден? Ты это чувствуешь?

Зуд в затылке перерос в полноценное зловещее ощущение, что кто-то следит за мной. Я зажмурился, отпустил другие чувства, ощупывая воздух своим умением находить магию, – и почти сразу обнаружил подслушивающее заклятие.

Слова Эшер уже выдали нас, поэтому не было смысла ходить вокруг да около.

– Кто-то подслушивает, – выдохнул я, вскакивая с кресла.

– Где? – рявкнул Никодимус.

Эшер указала на дальний конец скотобойни.

– Здесь, недалеко. Думаю, он на улице.

Внезапно чувство исчезло – заклятие перестало существовать, – но я успел заметить его очаг, магический аналог жучка, размещенного так, чтобы шпион мог слышать нас.

– Вязальщик, – бросил Никодимус.

Вязальщик уже достал из кармана пиджака проволочную петлю. Он вышел на открытое место и бросил ее. Проволока размоталась, свернулась в круг диаметром почти три фута и опустилась на пол, засияв янтарным светом, когда Вязальщик произнес несколько слов.

Чародей из Вязальщика никакой, однако один фокус ему удается чертовски хорошо: он может призвать из Небывальщины маленькую армию тварей, которых каким-то образом подчинил своей воле. Не прошло и двух секунд, как появил-

ся первый прислужник – человекоподобное создание, одетое в нечто вроде плохо подогнанного костюма. Пропорции тел и черты лиц демонов казались почти нормальными, пока не приглядишься повнимательнее. «Костюм» выкатился из круга, словно акробат, выпрыгивающий на сцену через люк, и Вязальщик вовремя поставил ногу на проволоку, выпуская демона. Затем он поднял ногу и опустил снова, когда из Небывальщины появился второй «костюм». И снова, и снова, и снова.

– Заклятие исчезло, – доложила Эшер. – Он нас услышал. И бежит.

– Он слышал слишком много, – ответил Никодимус и повернулся к Вязальщику. – Твои помощники смогут его выследить?

– Не хуже ищеек, – сказал Вязальщик.

Никодимус кивнул:

– Убейте его.

Вязальщик отрывисто свистнул и ткнул пальцем в указанном Эшер направлении. Демонам этого было достаточно. Они сорвались с места с нечеловеческой быстротой.

Я кивнул Кэррин и отошел от стола.

– Что? – прошептала она.

В ответ я начал рыться в повязке на руке и наконец отыскал предмет, которого не замечал, пока не сосредоточился: черный круглый камешек для игры в го. Его спрятали в бинтах, когда делали перевязку. На черной поверхности поблес-

кивали золотом знакомые руны. Я сам часто использовал это заклятие таким образом, когда изучал принципы его работы.

– Что это? – спросила Кэррин.

– Жучок, – прошептал я. – При помощи которого нас подслушивали. Его положили в бинты на моей руке, когда делали перевязку.

Ее глаза расширились.

– Но...

– Именно, – кивнул я, наблюдая, как все новые громилы в костюмах выкатываются из Небывальщины, чтобы ринуться в ночную погоню. – Это Баттерс. Они его убьют.

Глава 27

– Иди, – сказала Кэррин. – Я догоню.

– Как ты меня найдешь?

Она закатила глаза:

– Гарри, я тебя умоляю.

Ну да. Кэррин проработала в полиции Чикаго двадцать лет. Она отыщет меня независимо ни от чего. Я тронул ее плечо, призвал Зиму и побежал, зажав посох в правой руке.

На бегу я чувствовал, как сила Зимней мантии вливается в тело, ощущения и мысли. Демоны Вязальщика неслись за жертвой всей стаей, повинувшись групповому инстинкту; лидеры немного снизили темп, чтобы прибывшие последними могли нагнать своих: лучше нападать на жертву всем скопом.

Я поравнялся с задними «костюмами» и опередил их еще на территории скотобойни. Это меня приободрило. Тормоза. Однако без них не обойтись. Я не смогу выследить Баттерса в одино...

Споткнувшись, я включил в голове таблицу умножения. Я не охотился за Баттерсом. Я защищал его от охотников. И нужно придумать, как сделать это, не переполошив Никодимуса и его компанию и не опозорив Мэб.

Эти рассуждения сильно мешали притоку энергии от Зимней мантии: та просто не понимала, к чему суетиться ради столь жалкой цели.

«Баттерс — мой человек, — мысленно прокричал я, — и мы не позволим этим кретинам убить его, если только я не решу, что так нужно».

Территория и власть — вот вещи, ради которых Зима могла выложиться по полной. Я восстановил равновесие, и мы с «костюмами» высыпали из скотобойни в смесь слякоти, мороси и влажного колючего холода, который на Среднем Западе называется ледяным дождем.

Улица уже покрывалась льдом, не равномерно, а коварными кусками различной плотности: было непросто различить почти прозрачную слякоть, невидимый лед и мокрый асфальт. Свет уличных фонарей радостно отражался от всех поверхностей, и «костюмы» то и дело поскальзывались. Это их тормозило еще сильнее. Я немного сбавил ход, чтобы ступать по наименее скользким местам, доверившись инстинктам мантии.

Баттерс мчался через небольшую гравийную парковку, ярдов на семьдесят опережая преследователей. Я узнал его фигуру и копну темных волос, хотя на нем было длинное развевающееся пальто и плотно набитый рюкзак и он двигался медленнее, чем мог бы. Хмуро нависшее небо, дождь и мокрый снег словно приглушали и приближали звуки, и казалось, будто мы находимся в помещении. Я слышал быстрое, ровное дыхание Баттерса, его выдохи, когда он сбавил темп, приближаясь к улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.